

ISSN 2542-2375

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2019
№ 2(10)

HISTORY OF EVERYDAY LIFE

SCIENTIFIC JOURNAL

No. 2(10)
2019

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
**ИСТОРИЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

2019
№ 2
(10)

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи и массовых
коммуникаций
4 марта 2016 г.

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-68612

Журнал издается
с 2016 года
Периодичность 4 раза в год

Учредитель: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

Редакционная коллегия:

А. В. Белова, доктор исторических наук, доцент, Россия
В. А. Веремченко, доктор исторических наук, профессор, Россия (главный редактор)
О. Р. Демидова, доктор философских наук, профессор, Россия
А. Дудек, доктор философии (PhD), Республика Польша
Л. П. Заболотная, доктор исторических наук, доцент, Республика Молдова
С. И. Ковальская, доктор исторических наук, профессор, Республика Казахстан
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент, Россия (зам. главного редактора)
С. В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор, Россия
К. Мацузато, доктор юриспруденции (PhD), Япония
С. М. Назария, доктор политических наук, доцент, Республика Молдова
Н. Л. Пушкарева, доктор исторических наук, профессор, Россия
Д. Рансел, доктор истории (PhD), США
М. А. Текуева, доктор исторических наук, Россия
Л. Цзюань, доктор филологии (PhD), Китай
Т. К. Щеглова, доктор исторических наук, профессор, Россия

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией.

Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получившими мотивированный отказ в опубликовании.

Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются

Адрес учредителя:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Адрес редакции:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10
Tel. +7(812) 451-93-83
<http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

SCIENTIFIC JOURNAL
**HISTORY OF
EVERYDAY LIFE**

2019
№ 2
(10)

The journal is registered by
The Federal Service for
Supervision of Communications, Information
Technology, and Mass Media
March 04, 2016

The certificate
of the mass media registration
ПИ № ФС77-68612

The journal is issued
since 2016
Quarterly, 4 issues per year

Founder: Pushkin Leningrad State University

Editorial Board:

A. V. Belova, Doctor of History, Associate Professor, Russia
V. A. Veremenko, Doctor of History, Full Professor, Russia (chief editor)
O. R. Demidova, Doctor of Philosophy, Full Professor, Russia
A. Dudek, Doctor of Philosophy (PhD), Republic of Poland
L. P. Zabolotnaya, Doctor of History, Associate Professor, Republic of Moldova
S. I. Kovalskaia, Doctor of History, Full Professor, Republic of Kazakhstan
V. O. Levashko, Candidate of History, Associate Professor, Russia (deputy editor)
S. V. Liubichankovskii, Doctor of History, Full Professor, Russia
K. Matsuzato, Doctor of Law (PhD), Professor, Japan
S. M. Nazariia, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Republic of Moldova
N. L. Pushkareva, Doctor of History, Full Professor, Russia
D. Ransel, Doctor of History (PhD), Professor, USA
M. A. Tekueva, Doctor of History, Russia
L. Juan, Doctor of Philology (PhD), China
T. Shcheglova, Doctor of History, Full Professor, Russia

The papers assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements for authors established by editorial board.

The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected. Papers which do not follow the rules are rejected by the editorial board

Founder's address:

196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Editorial board's address:

196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 451-93-83
<http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

Содержание

ФИЛОСОФИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

<i>О.Р. Демидова</i> Антропология петербургского тумана.....	8
---	---

ЭТНОГРАФИЯ

<i>М.С. Трезубова</i> Султанская аудиенция глазами русских путешественников во второй половине XIX в.	20
--	----

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

<i>Д.Ю. Исповедников</i> «Женский вопрос» в жизни командного состава РККА в 1920-е гг. (продолжение).....	31
---	----

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

<i>Д.А. Мельникова</i> Коннозаводское образование в Российской империи (вторая четверть XIX – начало XX в.)	67
<i>Е.В. Дианова</i> Популяризация метрической системы в кооперативной печати Европейского Севера в 1920-е гг.	79

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

<i>Е.В. Вититнева</i> Культурно-досуговый и мировоззренческий аспект повседневной жизни сибирского студенчества в конце XIX – начале XX в. (на примере высших учебных заведений г. Томска).....	95
--	----

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

<i>Г.Г. Циденков</i> Подвиг самопожертвования медицинской сестры Шведского Красного Креста Карин Линдскуг.....	107
<i>А.П. Фернандес-Эрес</i> Испанские военнопленные в Карелии: личный опыт одного из «детей войны»	115

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Публикация, вступительная статья и комментарии В.А. Веретенко, В.О. Левашко</i>	
Евграф Алексеевич Мантьев. Краткие записи из моей биографии. 1971 г. Мемуарные записи о моей службе в рядах Советской Армии. Тетрадь первая.....	122
Сведения об авторах	146

Contents

PHILOSOPHY OF EVERYDAY LIFE

- O.R. Demidova*
The Anthropology of StPetersburg Fog..... 8

ETHNOGRAPHY

- M.S. Tregubova*
Sultan audience with the eyes of Russian travelers
in the second half of the XIX century..... 20

THE GENDER ASPECT OF THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE

- D.Yu. Ispovednikov*
«The woman question» in the life of commanders
of the Red Army in the 1920s. (continuation) 31

ECONOMIC DAILY LIFE

- D.A. Mel'nikova*
Horse breeding education in the Russian Empire
(second quarter of XIX – beginning of the XX centuries)..... 67
- E.V. Dianova*
Promoting of the metric system in the cooperative press
of the European North in the 1920s 79

REGIONAL ASPECTS OF HISTORY OF DAILY LIFE

- E.V. Vititneva*
Cultural, leisure and ideological aspect of Siberian students' everyday
life in the late XIX – early XX centuries (on the example of higher
educational institutions of Tomsk) 95

PERSONALITY IN HISTORY OF EVERYDAY LIFE

- G.G. Tsidenkov*
The feat of self-sacrifice nurse Swedish red cross Karin Lindskog..... 107
- A.P. Fernandez-Eres*
Spanish prisoners of war in Karelia: personal experience
of one of the “children of war” 115

PUBLICATIONS

Publication, introductory chapter and comments
by V.A. Veremenko, V.O. Levashko

Evgraf Alekseevich Mant'ev. Brief notes from my Biography. 1971.
Memoirs about my service in the ranks of the Soviet Army.
Book one 122

About Authors 147

ФИЛОСОФИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 130.2(470.23-25)

ГРНТИ 02.15.51: Философия человека; 03.61.21: Историческая антропология

О.Р. Демидова

Антропология петербургского тумана

В статье, основанной на многочисленных литературных источниках и изобразительном материале, туман рассматривается в рамках дихотомии природного и культурного: не только как явление природы, но и как культурный топос, персонаж и зачастую герой, отображенный в культурных текстах наряду с человеком и задающий особый антропологический тип петербуржца. Амбивалентная сущность тумана анализируется в сопоставлении с амбивалентной природой Петербурга как воплощения мечты Петра Первого, созданного как антитеза окружающей природе с преобладанием водной стихии. Двойственность Петербурга представлена как проявление его историко-культурной роли самого нерусского города России; двойственность переосмысленного петербургской культурой тумана держится на его дуальной материальной природе (сочетания воды и воздуха) и функциональной парадигме: пространство физического и/или метафизического сокрытия vs пространство сохранения культурной памяти и ее последующей экспликации.

Ключевые слова: антропология, туман, Петербург, культура, природа, вода, воздух, амбивалентность, мотив, символ, миф, антропологический тип.

O.R. Demidova

The Anthropology of StPetersburg Fog

The article based on a great number of literary and pictorial sources treats St Petersburg fog as a part of the dichotomy of the natural and the cultural, i.e., not only as a natural phenomenon but also as a cultural topos, personage, and, quite often, a hero depicted in cultural texts alongside with humans and conditioning the Petersburg(ian) anthropological type. The ambivalent nature of the fog is compared with the ambivalent nature of the city as Peter the Great's dream come true and meant as the antithesis of the surrounding nature with its mostly water element. The duality of Petersburg is presented as the explication of its dual historical and cultural role of the most non-Russian of Russian cities; the duality of the fog reassessed by St Petersburg culture is based on its dual material nature (combination of water and air) as well as its functional paradigm – that of the space of physical and / or metaphysical concealment vs the space of preserving cultural memory and its further explication.

Key words: anthropology, fog, Petersburg, culture, nature, water, air, ambivalence, motif, symbol, myth, anthropological type.

© Демидова О.Р., 2019

© Demidova O.R., 2019

Природа – вечная соперница культуры – образует с нею дихотомию, составляющие которой со временем становятся неотделимыми друг от друга, взаимно друг друга определяя, т.е. отношения соперничества в результате оборачиваются отношениями вынужденного взаимодополнения и сотрудничества: культура, стремясь (пре)одолеть природу, вынуждена ее учитывать, тогда как природа, сопротивляясь давлению культуры, становится ее частью, в значительной мере ее определяющей. Отчетливее всего эта амбивалентность проявляется в большом городе, в отличие от сельского («природного») поселения, агрессивно воздействующем на природную среду и – именно в силу этого – встречающее ее наибольшее сопротивление. В процессе этого двойного противостояния природные феномены становятся сначала фактором, а затем феноменом культуры, а со временем, семиотизируясь, обретают статус культурных тропов с достаточно широким спектром приписываемых им смыслов и, в свою очередь, в этом качественно новом статусе начинают воздействовать на культуру, а равно и на творца и продукт этой культуры – человека. Этот процесс фиксируется в языке: к прямым, терминологическим, значениям слов, обозначающих природные явления, добавляются значения переносные, переосмысленные, метафорические.

Туман как сочетание двух стихий – воды и воздуха, становится одним из самых востребованных культурным сознанием природных явлений, в результате множественной семиотизации поднимаясь на уровень культурного персонажа, а в ряде случаев – и героя. Базовое определение тумана представляет его как скопление воды (дыма, пара, копоти) в воздухе – мглы, темени, тьмы с основной семьей неотчетливости, подвергающейся метафоризации: туманная даль – туманный взгляд – туманное будущее – туман в голове; туманить (затуманивать) – покрывать туманом, не давать ясно видеть – морочить, плутовать; в обоих случаях на первый план выходит состояние неясности, неочевидности, двойственная, пограничная природа как сущностная характеристика явления.

Амбивалентность природы тумана задает двойственность его функциональной парадигмы. Туман в силу присущей ему таинственности может быть источником опасности, но по этой же причине он может выступать как надежное укрытие: в тумане может скрываться враг, но в нем же можно от врага укрыться. С другой стороны, туман выступает не только пространством физического или метафизического сокрытия, но и пространством сохранения культурной памяти и ее последующей экспликации; в прямом и в переносном смысле он символизирует как утрату и мучительный поиск (блуждать в тумане), так и обретение (вынырнуть из тумана).

Туман обозначает границу между видимостью / кажимостью и сущностью; между физикой и метафизикой; между двумя мирами: по-

ту- и посюсторонним; между зеркалом и зазеркальем. Именно поэтому мотив тумана сделался одним из ведущих в культуре романтизма и символизма с их основополагающими концептами двоемирия и двойничества.

Амбивалентная сущность тумана оказалась вполне соответствующей амбивалентной природе Петербурга – воплощения мечты одного человека, ставшего зримой материализацией его воли, созданного как антитеза окружающей природе с преобладанием водной стихии и отраженного в этой стихии, как в зеркале: многие классические изображения Петербурга подчеркивают двойную материальность города, воссоздавая как сам город, так и его зеркальное отражение в водной глади. Двуликость и двоящееся бытие Петербурга исходно заданы и предназначенной ему историко-культурной ролью: самый нерусский город России создавался как столица Российской империи; на уровне замысла отвергая прошлое и еще не имея настоящего, был полностью устремлен в будущее; однако, разрывая связь с Россией, так никогда полностью не стал Европой, существуя в режиме двойного отрицания: «не Россия – но и не Европа». В силу этого туман был «обречен» на то, чтобы сделаться одним из символов Петербурга; вернее, город и туман были обречены друг другу, сделавшись неотделимыми друг от друга в бытии и воплотившись как неразрывное единство в петербургском культурном тексте.

Тема обреченности как судьбы города в сочетании с темой воды и тумана впервые появляется во вступлении к пушкинскому «Медному всаднику», ср.: «<...> Пред ним широко / Река неслася /.../ По мшистым, топким берегам / Чернели избы здесь и там, / Приют убогого чухонца; / И лес, неведомый лучам / В тумане спрятанного солнца, / Кругом шумел <...> Природой здесь нам суждено / В Европу прорубить окно» [1, с. 380].

Пушкинская поэма заложила основание и определила границы петербургского мифа: в ней впервые город выступает не только как блистательный фон для мощи человеческого гения и имперского величия, но и как полноправный персонаж со своим характером, не в последнюю очередь заданным природной средой¹; как средоточие трагического противостояния природы и культуры, созидания и разрушения, надежды и разочарования, гибели и воскресения. Здесь впервые эксплицируются тема судьбы как рока, тема исторической ответственности, мотивы двоемирия, пограничности сознания, бездонной пропасти безумия. Здесь же явлены представители двух сугубо петербургских и в значительной мере взаимопересекающихся антропологических типов: визионера-мечтателя и утратившего себя (раз-

¹ Ср. утверждение Н. Анциферова: «Город мы воспринимаем вместе с природой, которая кладет на него свой отпечаток» [2, с. 29]; см. также: [3].

двоившегося) обитателя туманной столицы как ее жертвы. Почти через три десятилетия Достоевский в «Записках из подполья» (1864) напишет о «сугубом несчастье обитать в Петербурге, самом отвлеченном и самом умышленном городе на всем земном шаре» и назовет Петербург «городом полусумасшедших» [4, с. 136]. А еще через шестьдесят пять лет исследователь и певец «души Петербурга» Н. Анциферов представит типологию петербургского тумана, иллюстрируя «органическое участие города в жизни природы»: «Утро убивает его часто перламутровой тканью туманов, пронизанных солнечными лучами. Вечер набрасывает на него кроваво-блещущий покров. И белая петербургская ночь наполняет его своими чарами, делает Петербург самым фантастическим из всех городов мира. <...>Мистерия времен года, породившая мифы всех народов, превращает самый город в какое-то мифическое существо. Петербургская осенняя ночь с ее туманами или ветрами напоминает, что под городом древний хаос шевелится. Гоголь, Одоевский, Достоевский знали эти ночи» [2, с. 42]. На рубеже прошлого и нынешнего столетий Юрий Раков предпосылает своей книге «Мистический Петербург» два эпиграфа – из «Блистательного Санкт-Петербурга» Н. Агнивцева (1923) и «Петрограда» З. Гиппиус (1914) соответственно: «Ах, Петербург, все в тебе очень странно, / Серебряно-призрачный город туманов»; «Созданье революционной воли, – / Прекрасно-страшный Петербург» [5, с. 3]. В совокупности в очередной раз воспроизводится укоренившийся в культурном сознании и в силу этого легко узнаваемый образ «странного» призрачного города, оксюморонная амбивалентность которого задана неукротимой волей его создателя, противопоставленной природному естеству выбранного для строительства места и определившей судьбу новой столицы и ее обитателей.

Сделанная Анциферовым отсылка к «древнему хаосу» Тютчева как вечному антиподу упорядоченности и гармонии читается как явная негативная аллюзия к прославленному в пушкинской поэме «строгому стройному виду» Петербурга¹ и эксплицирует сквозной для петербургского текста мотив утраты рассудка. Катализатором перехода границы между разумом и безумием неизменно становится петербургский туман-наваждение, словно размывающий зримую, явленную в планировке и архитектуре подчеркнутую рациональность города и переносящий действие в диаметрально противоположный план двоющегося мира, навязчивого мýрока, неуклонно ведущих героев к гибели. В этом тумане образец рациональности – Невский проспект, «всеобщая коммуникация Петербурга» [6, с. 7–8], главная артерия столицы с ее уводящей взгляд в обозримую даль перспективой пре-

¹ См.: «Люблю тебя, Петра творенье, / Люблю твой строгий стройный вид, / Невы державное течение, / береговой ее гранит <...> Твоих задумчивых ночей / Прозрачный сумрак, блеск безлунный <...> [1, с. 381].

вращается в мираж, и гоголевский герой-мечтатель, погнавшись за ним – а точнее, за собственным «измышленным» идеалом – вполне предсказуемо гибнет. Идеал оборачивается своей противоположностью, парадная улица незаметно уводит в сторону, приводя в низкопробный притон, романтик Пискарев становится жертвой порожденного петербургским двуличием заблуждения, и повесть, начавшаяся утверждением автора «нет ничего лучше Невского проспекта, по крайней мере, в Петербурге» [6, с. 7], завершается горестным восклицанием и предупреждением читателю: «О, не верьте этому Невскому проспекту! <...> Все обман, все мечта, все не то, чем кажется!» [6, с. 56]¹.

Туман во всей парадигме приписываемых ему смыслов становится клишированным образом, своего рода общим местом, топосом петербургского текста, определяющим свойственные ему коллизии, характер и судьбу персонажей, логику развития действия и его развязку. Туман как природное явление зримо или незримо присутствует в «Петербургских повестях» Гоголя, по мере движения сюжета дополняемый своей метафорической ипостасью. История художника Пискарева разворачивается в таинственных осенних сумерках, когда по утрам «досадный свет своим тусклым сиянием» глядит в окна, а «вода мерзнет на воздухе». Действие «Носа» начинается «марта 25 числа», в весеннем тумане, и первые две части завершаются авторской ремаркой: «Но здесь происшествие совершенно закрывается туманом, и что далее произошло, <...> неизвестно» [6, с. 62, 89]. В третьей части, «апреля 7 числа» [6, с. 89], в солнечный день, нос благополучно возвращается к своему владельцу: сменившее природный туман солнце развеяло и метафизический туман таинственного происшествия. Действие «Шинели» происходит зимой, когда город плотно окутан холодным льдистым туманом.

Первая запись в «Записках сумасшедшего» датирована 3 октября, в проливной дождь [6, с. 234], и в этот же день в сопровождающем дождь тумане герой впервые слышит разговор собак на Невском; последующие записи датируются временным промежутком от 4 октября до 3 декабря [6, с. 240–253] и фиксируют все фазы безумия, прогрессирующего на фоне сгущающейся туманной тьмы петербургской осени. В записи от 3 декабря, последней, соответствующей реальному исчислению времени, г-н Поприщин впервые задается вопросом о том, тот ли он в действительности, кем кажется («Может быть, я какой-нибудь граф или генерал, а только так кажусь титулярным советником? Может быть, я сам не знаю, кто я таков») [6, с. 253], а в записи

¹Ср. у Анциферова: «Петербург Гоголя – город двойного бытия. С одной стороны он “аккуратный немец, больше всего любящий приличия”, деловитый, суетливый “иностранец своего отечества”, с другой – неуловимый, манящий затаенной загадкой, город неожиданных встреч и таинственных приключений» [2, с. 68].

«апреля 43 числа год 2000» приходит к твердому выводу, что он и есть король Испании: «В Испании есть король. Он отыскался. Этот король я» [6, с. 255]. Запись от «мартобря 86 числа. Между днем и ночью» [6, с. 256–258] свидетельствует об окончательной утрате рассудка. Записи, «датированные» «Некоторого числа. День был без числа», «Число не помню. Месяца тоже не помню. Было черт знает что такое», «Мадрид. Февруарий тридцатый» совершенно очевидно «сделаны» в доме для умалишенных [6, с. 258–260].

Заложенную Гоголем традицию продолжает Достоевский – самый «петербургский» из русских писателей. Действие «Двойника» (1845–1846, перераб. 1866), жанровое определение которого «петербургская поэма» отсылает равным образом к Пушкину и Гоголю, а основная коллизия – к «Носу» и «Запискам сумасшедшего», начинается в «серый осенний день, мутный и грязный» [7, с. 209] в квартире г-на Голядкина и достигает кульминации в полночь на набережной Фонтанки у Измайловского моста, где герой встречает своего двойника, внезапно словно материализовавшегося из тьмы типичной петербургской осенней ночи с шквалистым ветром, проливным дождем и плотным туманом («Ночь была ужасная, – ноябрьская, мокрая, туманная, дождливая, слезливая. Шел дождь и снег разом» [7, с. 249]). Неожиданная встреча с другим-собой повергает г-на Голядкина в такой ужас, что он начинает сомневаться, не потерял ли рассудок («Что ж это я, с ума, что ли, в самом деле, сошел?» [7, с. 253]).

В «Преступлении и наказании» (1865–1866) Раскольников «в раздражительном и напряженном состоянии, похожем на ипохондрию» [8, с. 5], в глубокой задумчивости, скорее напоминающей забытье, блуждает по грязным, пыльным, вонючим улицам душного июльского города¹, воспринимая действительность сквозь окутанное туманом своей «безобразной мечты» [8, с. 8] сознание²; в пропитанной винными парами дешевой распивочной выслушивает исповедь Мармеладова; словно в тумане, совершает преступление, после которого, пережив травму несоответствия «мечты» и действительности, впадает в жестокую мозговую горячку и едва не утрачивает рассудок. В «гнилую петербургскую ночь» вновь переживает свое давнее преступление Свидригайлов [8, с. 529–534] и утром, когда «молочный, густой туман лежал над городом» [8, с. 534], у пожарной каланчи сводит счеты с жизнью [8, с. 535–536]. Аркадия, героя «Подростка» (1875), среди «сырого молочного» петербургского тумана преследует «навязчивая греза» [9, с. 150], в которой, словно в бреду, причудливо переплетаются

¹ Ср.: «На улице жара стояла страшная, к тому же духота, толкотня, всюду известка, леса, кирпич, пыль и та особая летняя вонь, столь известная каждому петербуржцу» [8, с. 6].

² Ср.: «И пошел, уже не замечая окружающего, да и не желая его замечать.<...> Он и сам заметил, что мысли его порою мешаются» [8, с. 7].

образы Петра и увековечившего его памятника с известным проклятием Евдокии Лопухиной «Петербургу пугну быти», неоднократно повторенным впоследствии, и с «Медным всадником» Пушкина: «А что как разлетится этот туман и уйдет кверху, не уйдет ли с ним вместе этот гнилой, склизкий город, поднимется вместе с туманом и исчезнет как дым, и останется прежнее финское болото, а посреди его, пожалуй, для красы, бронзовый всадник на жарко дышащем, загнанном коне?» [9, с. 151]¹.

У Некрасова распростершийся над Петербургом «душный, стройный, угрюмый, гнилой» осенний туман образует «туманную раму» города, представляющего далеко не в лучшем виде, ср.: «В этой раме туманной / Некрасив в эту пору наш город большой, / Как изношенный фат без румян» [13, с. 180]. Неслучайно стихотворению предпослан эпиграф – строки из лакейской песни «Что за славная столица / Развеселый Петербург!» [12, с. 175].

В литературе и живописи символистов туман живет самостоятельной жизнью, не только проявляя свойственное ему формально-функциональное разнообразие, но и демонстрируя невероятное богатство палитры, столь значимое для символизма: поднимается от воды, ползет, стелется, колышется, слоится, окутывает город непроницаемым покрывалом, переливается тусклым золотом, сверкает серебром, меняет краски от молочно-белого к голубому, от синего к лиловому и фиолетовому, от нежно-розового к угрожающе багровому. И каждый из этих образов словно высвечивает различные грани жизни города, городского быта, нюансируя эмоциональные перепады, пси-

¹ См также очерк «Маленькие картинки» (Гражданин, 1873, 16 июля), в котором туман представляет вполне реальную угрозу для жизни горожан, переходящих Невский проспект: «Сильно рискуете, особенно если белый морозный туман с рассвета опустится на город, так что в трех шагах едва различаешь прохожего. <...> этот адский туман: слышны только топот и крики, а видно кругом лишь на сажень. И вот вдруг внезапно раздаются из тумана быстрые, частые, сильно приближающиеся твердые звуки, страшные и зловещие в эту минуту <...> из тумана на расстоянии лишь одного шагу от вас вдруг вырезывается серая морда жарко дышащего рысака, бешено несущегося со скоростью курьерского поезда. <...> один миг, отчаянный крик кучера, и все – мелькнуло, пролетело из тумана в туман, и топот и рубка – все исчезло опять, как видение. Подлинно петербургское видение!» [10, с. 106] (курсив мой – О.Д.); ср. эпизод в «Княгине Лиговской» Лермонтова, описывающий сходное происшествие на Вознесенской улице (совр. Вознесенском проспекте) «в 1833 году, декабря 21-го дня в 4 часа пополудни»: «Прямо на него летел гнедой рысак; из-за кучера мелькал белый султан, и развевался воротник серой шинели. – Едва он успел поднять глаза, уж одна оглобля была против его груди, и пар, вылетающий клубами из ноздрей бегуна, обдал ему лицо; машинально он ухватился руками за оглоблю и в тот же миг сильным порывом лошади был отброшен несколько шагов в сторону на тротуар» [11, с. 165–166].

хологические состояния и на первый взгляд неочевидную логику поступков персонажей.

У Анненского туман – темница солнца, ср.: «В тумане солнце, как в неволе...» [13, с. 62]. А начальные строки посмертно опубликованного стихотворения «Петербург» (1910) «Желтый пар петербургской зимы / Желтый снег, облипающий плиты» [13, с. 186] представляют умирающий город, поскольку желтый у Анненского – цвет, непосредственно связанный с контекстом умирания и смерти¹.

У Гиппиус туман прежде всего связан с вольным или невольным обманом, с уходом от реальности, ср.: «Из лунного тумана / Рождаются мечты» [14, с. 98]². В написанных после поражения революции стихотворениях «Так ли?» (1907) и «Петербург» (1909) автор отвергает искушение мечтой как зло: «О, эти злобные туманности, / Порывный взлет, – падений пыль... / Не лучше ль в тихой безжеланности / Уснуть, как спит степной ковыль?..» [14, с. 172], объявляя Петербург сатанинским городом предательства: «Твой остов прям, твой облик жесток, / Шершавопыльный – сер гранит, / И каждый зыбкий перекресток / Тупым предательством дрожит» [14, с. 143]³.

Блок прозревает сквозь «дымно-сизый туман» «непостижимого города» Прекрасную даму и Снежную деву. Сизый принято описывать как серый с густым сиреневатым отливом; серый у Блока – цвет скуки, тоски, городской тесноты и гнилого тумана; сиреневый – таинственный, меланхолический, грустно-романтический цвет невоплощенной

¹ Ср.: «В непроглядную осень туманны огни, / И холодные брызги летят, / В непроглядную осень туманны огни, / Только след от колес золотят. / В непроглядную осень туманны огни, / Но туманней отравленный чад» (Трилистник дождевой. 3. Романс без музыки); «Пятно жерла стеною огибая, / Минутно лед туманный ползлащен... / Мечта весны, когда-то голубая, / Твоей тюрьмой горящей я смущен. / Истомлена сверканием напрасным, / И плачешь ты, и рвешься трепеща, / Но для чудес в дыму полудня красном / У солнца нет победного луча» (Трилистник ледяной. 1. Ледяная тюрьма); «Серебряным блеском туман / К полудню еще не развеян. / К полудню от солнечных ран / Стал даже желтее туман, / Стал даже желтей и мертвей он» (Трилистник балаганный. 1. Серебряный полдень; В желтый сумрак мертвого апреля...) (Вербная неделя); «Солнце за гарью тумана / Желто, как вставший больной» (Трилистник победный. 3. Пробуждение) [13, с. 11, 114, 128, 104].

² Ср. также: «Не покинь меня без возврата / В туманные, трудные дни. / Умоляю, слабого брата / Утешь, пожалей, обмани» (Посвящение, 1894); «Озеро дышит теплым туманом. / Он мутен и нежен, как сладкий обман. / Борется небо с земным обманом: / Луна, весь до дна, прорезает туман. / Я, как и люди, дышу туманом. / Мне близок, мне сладок уютный обман. / Только душа не живет обманом: / Она, как луна, проникает туман» (Луна и туман. 1903); «Господь, Господь мой, Солнце, где ты? / Душе плененной помоги! / Прорви туманные наветы, / О, просияй! Коснись! Сожги...» (Август. 1904) [14, с. 76, 134, 170].

³ Известно, что Мережковский считал серый цветом дьявола.

мечты. Из «тлетворного» апрельского тумана¹ рождается дышащая «духами и туманами» блоковская Незнакомка, чей «стан, шелками схваченный, / В туманном движется окне» [15, с. 159], а образ осциллирует на грани мечты и действительности в затуманенном винными парами сознании поэта («И перья страуса склоненные / В моем качаются мозгу» [15, с. 160]).

В романе Андрея Белого «Петербург» (1911–1913), «главном модернистском воплощении» города, действие происходит в октябре² 1905 г., в разгар революционного террора. Город предстает как результат обмана, явившегося из «зеленоватого тумана» болот, откуда «на теневых своих парусах полетел к Петербургу Летучий Голландец из свинцовых пространств балтийских и немецких морей, чтобы здесь воздвигнуть обманом свои туманные земли и назвать островами волну набегающих облаков» [16, с. 33]. Петербург – это наваждение на Россию, и сам призрак, превращающий в призраки своих обитателей, мучающий своих жителей праздной мозговой игрой: «Петербург, Петербург! Осаждаясь туманом, меня ты преследовал: мозговою игрою. Мучитель жестокосердный!» [16, с. 179]. В зловещей атмосфере осеннего Петербурга разворачивается восходящая к Гоголю и Достоевскому история всеобщего обмана, предательства, раздвоения личности, зловещего маскарада масок. И на все это, «двусмысленно улыбаясь», взирает сквозь туман с высоты своего постаментa *genius loci* и демон города – Медный всадник. И в полуночный час «Конь слетел со скалы. Понеслось т я ж е л о з в о н к о е³ цоканье – через мост: к островам. Пролетел Медный всадник <...> Линия полетела за линией <...> Цоканье слышалось; фыркали ноздри, которые проникали, пылая, туман световым, раскаленным столбом» [16, с. 6242–243].

Туман оказывается востребованным и в политической сатире рубежа веков. В стихах Саши Черного конца 1900-х – начала 1910-х гг., ставшей, как и «Петербург», откликом на поражение первой русской революции и последовавшую за нею реакцию, туман выступает символом обманутых надежд и эпохи безвременья, ср.: «Начало сезона. Ни света, ни красок, / Как призраки носятся тени людей... / Опять оди-

¹ Ср.: «По вечерам над ресторанами / Горячий воздух дик и глух, / И правит окриками пьяными / Весенний и тлетворный дух» [15, с. 158]; стихотворение написано в апреле 1906 г.; включено в цикл «Город».

² «Дни стояли туманные, странные: проходил мерзлой поступью ядовитый октябрь; он на юге развесил гнилые туманы» [16, с. 76].

³ Разрядка автора, сопровождающаяся сноской: «Пушкин» [16, с. 242].

наковость сереньких масок / От гения до лошадей» (Опять, 1908) [17, с. 51)]¹.

После октябрьского переворота и исхода из России память о Петербурге свято хранилась в эмиграции первой волны, эксплицируясь в многочисленных поэтических, прозаических и мемуарных текстах, воспроизводящих среди прочего и тему петербургского тумана. Подлинным оммажем ему стала уже упоминавшаяся книга стихотворений поэта-эмигранта Николая Агнивцева «Блистательный Санкт-Петербург», вышедшая в 1923 г. в Берлине, в издательстве И.П. Ладужникова и явившая собой едва ли не единственный в истории русской литературы поэтический сборник одного автора, полностью посвященный одному городу и воссоздающий природные, культурные, духовные, бытовые приметы Петербурга и ушедшей в прошлое петербургской жизни. Главный герой книги – Санкт-Петербург, все остальные – лишь сменяющие друг друга персонажи. И только один из них сквозной² – петербургский туман, выступающий сразу в нескольких ипостасях: фона, неременного условия и причины описываемых городских коллизий и катализатора памяти-воспоминания. Из вошедших в книгу сорока стихотворений туман упоминается в одиннадцати, представленный во всей парадигме своих проявлений, запечатленных в русской литературе петербургского периода: зимний, весенний, летний, осенний; утренний, вечерний, ночной; на Неве, на малых реках и каналах, над мостами и на городских улицах; туман-явь и туман-мóрок; туман, скрывающий и выявляющий красоту города; туман, искажающий действительность и создающий «вторую» реальность, делая невозможное возможным; наконец, туман, которым окутано прошлое и сквозь который оно проступает. Агнивцев воссоздает полный образно-семиотический спектр петербургского тумана с мягким юмором и отчетливой ностальгией: «серебряно-призрачный город туманов» [18, с. 64] живет в сознании автора как манящий призрак былых времен, ср.: «И, застилая все живое, / Туманом невским перевит, / Санкт-Петербург передо мною / Гранитным призраком стоит» [18,

¹ См. также: «Туманы Северной Пальмиры / Недвижно стынут над Невой. / Ах, дайте тему для сатиры / Цензурной, новой и живой! (Безвременье, 1908). «Ах, милый, хилый Новый Год, / Горбатый, сморщенный урод! / Зажги среди тумана / Цветной фонарь обмана» (1909); «Мертвый день растворился в тумане вечернем /.../» (Санкт-Петербург, 1910); «Захватанные копотью и пылью, / Туманами, парами и дождем / Громады стен с утра влекут к бессилью, / Твердя глазам: мы ничего не ждем...» (Вид из окна, 1910) [17, с. 332, 59, 179, 180] и мн. др.

² 2. «Вдали от тебя, Петербург», 4. «Санкт-Петербургские триолеты», 5. «Станный город», 7. «Санкт-Петербург», 9. «Случай на Литейном проспекте», 17. «Белой ночью», 26. «Туманная история», 28. «Гранитный призрак», 31. «Дама в карете», 35. «Триптих», 37. «Коробка спичек».

с. 79]. А сквозь него проступает едва различимый облик овечьей туманом юности: «Ведь это Юность из тумана / Мне машет белым рукавом» [18, с. 85].

Список литературы

1. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. 2-е изд. Т. 2. – М.: Издательство АН СССР, 1957. – С. 377–397.
2. Анциферов Н.П. «Непостижимый город...» Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина. – СПб.: Лениздат, 1991. – 335 с.
3. Спивак Д.Л. Финский субстрат в метафизике Петербурга // Метафизика Петербурга (Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры). – Вып. 1. – СПб.: ФКИЦ «Эйдос», 1993. – С. 38–46.
4. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. – С. 133–244.
5. Раков Ю. Мистический Петербург: По страницам истории и литературы. – СПб.: ТЕССА, 2001. – 224 с.
6. Гоголь Н.В. Собрание художественных произведений: в 5 т. – М.: Издательство АН СССР, 1959. Т. 5. – С. 7–264.
7. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. М.: Гос. Изд-во худож. лит., 1956. – С. 209–375.
8. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. – М.: Гос. изд. худож. лит., 1957. – 660 с.
9. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5. – М.: Гос. изд. худож. лит., 1956. – 599 с.
10. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 29. – Кн. 1. – Л.: Наука. Ленингр. Отд-е, 1986. – 573 с.
11. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: в 4 т. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1962. Т. 4. – С. 164–257.
12. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. – Л.: Наука, Ленинградское отд-е, 1981. – Т. 2. – С. 175–195.
13. Анненский И.Ф. Стихотворения и трагедии. – Л.: Сов. писатель, 1990. – 640 с.
14. Гиппиус З.Н. Стихотворения. – СПб.: Акад. проект, Изд-во ДНК, 2006. – 592 с. (Новая библиотека поэта).
15. Блок А.А. Собрание сочинений: в 6 т. – М.: Изд-во Правда (Б-ка «Огонек»), 1971. Т. 2. – С. 158–160.
16. Белый А. Петербург. – М.: Худож. лит., 1978. – 389 с.
17. Черный С. Собрание сочинений: в 5 т. – М.: Эллис Лак, 1996. Т. 1. – 464 с.
18. Петербург в поэзии русской эмиграции (первая и вторая волна). – СПб.: Акад. проект; Изд-во ДНК, 2006. – 848 с.

References

1. *Pushkin A.S. Polnoe sobranije sochinenij i pisem: V 10 t.* [Complete Collected Works and Letters: In 10 vols.]. 2nd Edition. Vol. 2. М.: Izdatel'stvo ANSSSR, 1957. P. 377–397.
2. *Antsyferov N.P. «Nepostizhimyi gorod...» Dusha Peterburga. Peterburg Dostoevskogo. Peterburg Pushkina* [«An Incomprehensible City...» Petersburg's Soul. Dostoevsky's Petersburg. Pushkin's Petersburg]. St Petersburg: Lenizdat, 1991. 335 p.
3. *Spivak D.L. Finskii substrat v metafizike Peterburga* [The Finnish Substance in Petersburg Metaphysics]. In: *Metafizika Peterburga (Chtenijapoteorii, istorii i*

filisofiikultury [Petersburg Metaphysics (Readings in Theory, History, and Philosophy of Culture)]. – Issue 1. St Petersburg: FKITs «Eidos», 1993. P. 38–46.

4. *Dostoevsky F.M. Sobranije sochinenij: V 10 t.* [Collected Works: In 10 vols.]. Vol. 4. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1956. P. 133–244.

5. *Rakov Ju. Misticheskij Peterburg: Po stranitsam istorii i literatury* [Mystical Petersburg in History and Literature]. St Petersburg: TESSA, 2001. 224 p.

6. *Gogol N.V. Sobranije khudozhestvennykh proizvedenij: V 5 t.* [Collected Fiction: In 5 vols.]. M.: Izdatel'stvo ANSSSR, 1959. Vol. 3. P. 7–264.

7. *Dostoevsky F.M. Sobranije sochinenij: V 10 t.* [Collected Works: In 10 vols.]. Vol. 1. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1956. P. 209–375.

8. *Dostoevsky F.M. Sobranije sochinenij: V 10 t.* [Collected Works: In 10 vols.]. Vol. 5. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1956. 599 p.

9. *Dostoevsky F.M. Sobranije sochinenij: In 10 t.* [Collected Works: In 10 vols.]. Vol. 8. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1957. 660 p.

10. *Dostoevsky F.M. Polnoe sobranije sochinenij i pisem: V 30 t.* [Complete Collected Works and Letters: In 30 vols.]. Vol. 29. P. 1. L.: Nauka. Leningr. otd-e, 1986. 573 p.

11. *Lermontov M. Ju. Sobranije sochinenij: V 4 t.* [Collected Works: In 4 vols.]. M.; L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1962. Vol. 4. P. 164–257.

12. *Nekrasov N.A. Polnoe sobranije sochinenij i pisem: V 15 t.* [Complete Collected Works and Letters: In 15 vols.]. L.: Nauka. Leningr. otd-e, 1981. Vol. 2. P. 175–195.

13. *Annensky I.F. Stikhotvorenij i tragedii* [Poetry and tragedies]. L.: Sovetskiipisatel', 1990. 640 p.

14. *Hippius Z.N. Stikhotvorenija* [Verses]. St Petersburg: Akademicheskij proekt; Izdatel'stvo DNK, 2006. 592 p.

15. *Blok A.A. Sobranije sochinenij: V 6 t.* [Collected Works: In 6 vols.]. M.: Izdatel'stvo«Pravda» (Biblioteka «Ogoniok»), 1971. T. 2. P. 158–160.

16. *Bely A. Peterburg* [Petersburg]. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1978. 389 p.

17. *Cherny S. Sobranije sochinenij: V 5 t.* [Collected Works: In 5 vols.]. M.: Ellis Lak, 1996. Vol. 1. 464 p.

18. *Peterburg v poezii russkoi emigratsii (pervaja i vtorajavolna)* [Petersburg in Russian Émigré Poetry (First and Second Waves)]. St Petersburg: Akademicheskij proekt; Izdatel'stvo DNK, 2006. 848 p.

Статья поступила в редакцию 15.03.2019

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 394(091)"18"

ГРНТИ 03.61.91: Этнография отдельных стран и народов

М.С. Трегубова

Султанская аудиенция глазами русских путешественников во второй половине XIX в.

В статье представлены впечатления авторов «Русского вестника» о султанской аудиенции во второй половине XIX в. Приём иностранных посланников был важным элементом дипломатической культуры. Главным источником по данной теме являются «Константинопольские письма» и воспоминания военного историка и генерал-адъютанта Д.А. Скалона. Аудиенция могла состояться и назначаться только с позволения султана, а оповещал посланников о ней великий визирь. Участниками на аудиенции были: церемониймейстер, переводчик и некоторые приглашенные гости иностранных миссий. Выявлены элементы восточных традиций, существовавших в османском дворе во время приёма иностранных делегаций. Описаны правила поведения и маршруты следования иностранных гостей. Приведены особенности бытовых и культурных изменений султанской аудиенции. По замечаниям авторов «Русского вестника» во второй половине XIX в. некоторые церемониальные атрибуты и ритуалы, подношение подарков и угощения видоизменились или утратили свой символический смысл.

Ключевые слова: журнал «Русский вестник», аудиенция, приём, путешественники, военный историк Д.А. Скалон, «Константинопольские письма», Османская империя, воспоминания, посланник, XIX век.

M.S. Tregubova

Sultan audience with the eyes of Russian travelers in the second half of the XIX century

The article presents the impressions of the authors of the «Russian Messenger» about the Sultan audience in the second half of the XIX century. Reception of foreign envoys was an important element of diplomatic culture. The main source on this topic is the «Constantinople Letters» and the memoirs of the military historian and Adjutant General D.A. Skalona. The audience could take place and be appointed only with the permission of the Sultan, and the Grand Vizier notified the envoys about her. Participants at the audience were: the master of ceremonies, a translator and some invited guests of foreign missions. The elements of eastern traditions that existed in the Ottoman court during the reception of foreign delegations were revealed. The rules of conduct and routes of foreign visitors are described. The features of household and cultural changes of the Sultan audience are given. According to the comments of the

authors of the «Russian Messenger», in the second half of the XIX century, some ceremonial attributes and rituals, the offering of gifts and treats, changed or lost their symbolic meaning.

Key words: magazine «Russian Messenger», audience, reception, travelers, military historian D.A. Scalon, «Constantinople Letters», Ottoman Empire, memoirs, envoy, XIX century.

Россию и Османскую империю на протяжении нескольких столетий, в том числе и в XIX в., связывали многообразные отношения, которые касались вопросов войны и мира, торговли и политики. В связи с этим эта страна представляла интерес для русских дипломатов, учёных и путешественников. Вместе с тем, установление культурных и научных связей между двумя странами на протяжении нескольких веков было спонтанным и нерегулярным.

В XIX столетии возрастает интерес русского общества к Востоку. Изучение его в России имело две главные цели: практическую (информационное обеспечение связей с восточными государствами, а также управление восточными народами – подданными империи) и научную, которая помимо всего прочего включала в себя изучение восточных источников по истории самой России [1, с. 15].

Одним из русскоязычных источников о Турции XIX в. является общественно-политический журнал «Русский вестник», издаваемый публицистом и литературным критиком М.Н. Катковым с 1856 по 1906 гг. На его страницах русская публика могла не только получить новости политики и мира, прочесть литературные и научные статьи, но и узнать много нового о других странах. Каждый номер состоял из беллетристики и статей научного характера, объединённых в первый отдел, второй отдел состоял из политических заметок под названием «Современная летопись».

Каждая из публикаций по турецкой тематике раскрывает разные стороны турецкой истории, культуры и политики. Авторы публикаций «Русского вестника» побывали в Турции в разное время и с разными целями. Это были путешественники, историки, лингвисты и публицисты. В некоторых статьях встречается описание увиденных русскими путешественниками придворных и религиозных церемоний как одного из ярких элементов турецкой культуры.

Церемониалы высочайших выходов и дипломатические приёмы в течение XVIII–XIX вв. были актуальны и поддерживали престиж верховной власти [2, с. 47]. Церемония представляла собой торжественный официальный акт, при проведении которого соблюдались особые правила. Церемониал предполагал ряд действий или изъявлений символического характера, традиционно обязательных в тех или иных случаях общественной или религиозной жизни.

Приём иностранных посланников являлся частью внешнеполитической деятельности Порты. Османские протокольные мероприятия всегда проводились по определенному сценарию. Схема проведения аудиенции определялась рядом факторов, самыми важными из которых были статус представляемого послом государства, его положение на международной арене и внешнеполитический вектор Порты [3, с. 50].

Придворный церемониал включал в себя: 1) аудиенцию; 2) коронацию нового султана; 3) иллюминацию в честь главы империи.

Главной среди придворных церемоний была аудиенция, официальный прием у высокопоставленного лица. Аудиенция давалась лишь по прибытии послов в Османскую империю и отъезде оттуда [4, с. 50]. Среди постоянных участников аудиенции были видные сановники и члены государственного управления. Но иногда прием у султана обходился и без их присутствия. Непременными участниками на аудиенции были церемониймейстер, переводчик и некоторые приглашенные гости иностранных миссий. Аудиенция могла состояться и назначаться только с позволения султана, а оповещал посланников о ней великий визирь.

Приём у султана включал в себя определенные правила поведения. По правилу этикета приглашенные делегации отдавали почести главе государства поклоном, говорили приветственные слова и иногда обменивались подарками.

Главными источниками о султанской аудиенции этого периода являются «Константинопольские письма» и воспоминания русского военного историка и генерала Д.А. Скалона. В них авторы описывают детали султанского приёма, восточные интерьеры, особенности османских традиций, а также внешний вид главы империи и придворных чинов.

Неизвестный автор «Константинопольских писем» был принят султаном Абдул-Азизом I в 1861 г. в свите русского посланника А.Б. Лобанова-Ростовского [5, с. 306]. Однако в самих письмах автор не раскрывает сведения о себе и цели визита к султану. Другой автор – Дмитрий Антонович Скалон в 1864–1878 гг. был адъютантом великого князя Николая Николаевича-старшего и сопровождал его в поездке на Восток. Об этой поездке он оставил воспоминания «Путешествие по Востоку и Святой земле в свите великого князя Николая Николаевича в 1872 году».

Соблюдение определенных правил и обычаев, необходимых для аудиенции, русскому человеку, да и любому европейцу казались странными, а порой возмутительными. По замечанию автора «Константинопольских писем», не только ни одно частное лицо из иностранцев не могло предстать перед падишахом, но и сами представители дружественных государств, сподоблялись этой чести не

иначе, как прошедши через разные тягостные обряды и церемонии, почти не понятные в нынешнее время [6, с. 12].

По сообщениям французского путешественника и сына драгомана при французском посольстве в Константинополе Шарля Деваля (1806–1862), в прежние времена посланник должен был целовать руку султана или рукав его одежды. Но данный ритуал был отменен, так как в глазах европейцев выражал неуважение турецкой стороны к дипломатическим представителям, и в XIX столетии посланник только совершал поклон пред падишахом [7, с. 22].

Автор «Константинопольских писем» отмечал, что в былые времена на аудиенцию к султану могли быть допущены на следующих условиях: «Сняв с себя оружие, и с непокрытой головой участник подходил к воротам Серая и ждал, пока ему дадут дозволения переступить порог внутренних ворот. А главный визирь в это время докладывал султану о личности гостя. После великий визирь угощал посланника и его свиту роскошным обедом в одном из киосков, далее на посла надевали богатую шубу и цветные халаты на членов его посольства. Затем визирь вторично докладывал повелителю о том, что гости одеты и сыты, и готовы видеть владыку Востока. И только тогда султан заходил в специальный киоск, куда приводили посланника, поддержанного с обеих сторон за руки главными евреями, заменяющими в то время камергеров. После совершался поклон и приветственная речь, султан отвечал по-турецки, а драгоман миссии переводил сказанное посланнику [6, с. 13].

Из данного эпизода можно выделить несколько моментов, которые, по мнению автора, и казались столь унижительными. К примеру, появиться без оружия, без головного убора, затем долгое время ждать разрешения на вход в здание, к тому же посланника держали под руки представители султана.

Первый, кто не желал подчиниться этой церемонии в XVIII в. и посмеялся над бессмысленными обрядами, был русский посол в Константинополе Н.В. Репнин. Он не позволил снимать с себя оружие даже в присутствии султана, угрожая в противном случае вообще отказаться от аудиенции. В ответ на это турецкая сторона долго медлила с представлением султану. Примеру Н.В. Репнина последовали и другие иностранные дипломаты, такие как французский посол в Константинополе Жан-Батист-Аннибал Обер-дю-Байе. В ответ на это султанскому двору пришлось отменить обряд снятия оружия, спешивания и восточных поклонов. Порта, желая показать своё величие и надменность перед европейцами под предлогом восточного радушия и мусульманского гостеприимства, но сохранила традиции угощения обедом и дарения одеждой [6, с. 14].

Перед тем как быть представленным султану, представители иностранных миссий должны были соблюсти определённый порядок

следования в зал приёма. К примеру, в XVIII в. маршрут иностранных дипломатов на аудиенцию к султану и великому визирю включал в себя несколько остановок: 1) первой церемониальной стоянкой, где принимались иностранные послы и посланники, были палаты киреджи-баши; 2) далее приём проходил во дворце процессий, названный российскими посланниками «киоском процессий» и находившийся на улице, ведущей к султанскому дворцу; 3) завершали прохождение делегации палаты капыджи-баши, где принимались послы важных государств. Послы менее значимых европейских государств и большинство посланников не принимались в вышеупомянутых палатах, а были вынуждены дожидаться вызова на аудиенцию к падишаху, сидя на лавке у ворот [3, с. 50].

В XIX в. происходят изменения как в самом размахе церемонии, так и в её деталях. Изменялся и маршрут следования гостей: 1) посланников встречали турецкие придворные чины уже в султанском дворце; 2) затем гости приглашались в гостиную, где им предлагались восточные угощения; 3) после гостей провожали в приёмную султана.

Султанская аудиенция в XIX в., как и в прошлые века, могла состояться в один день для нескольких государств: «В один и тот же день были назначены четыре аудиенции: русскому, французскому, австрийскому и прусскому посольствам. Русскому посольству приём назначен был в половине второго часа» [6, с. 12].

Сопровождал гостей во дворец второй по значимости человек в империи – великий визирь: «В 10 часов приехал великий визирь представиться его величеству наследнику, а вслед за ним церемониймейстер. После завтрака нас усадили в четырехместное ландо, присланная в Дольмабахче для представления его величеству султану» [8, с. 527].

Весть о прибытии иностранных послов сообщал гром береговых султанских пушек, «в знак почести и согласия между державами» [6, с. 17]. Во дворец султана делегация добиралась водным или сухопутным путем. Водным транспортом были султанские и парадные каики, легкое гребное парусное судно: «Мы пришли к пристани и сели в придворные и посольские каики. Эти красивые лодки сколачивались из тонких буковых досок, весла укреплялись кожаными петлями смазанных маслом, отчего они скользили по воде без всякого шума» [8, с. 540]. Наземным транспортом служили ландо, легкая четырехместная повозка со складывающейся вперед и назад крышей или кареты: «После завтрака нас усадили в четырехместное ландо, присланное за нами для представления его величеству султану. Кучера были одеты в синие, богато расшитые золотом куртках и шароварах, шорные сапоги и на головах красные фески» [8, с. 527].

Первое, что открывалось взору русских путешественников, – роскошная резиденция османских правителей. Д.А. Скалон был впечатлен восточной красотой дворца Долмабахче, фасад которого состоял из главного корпуса и двух крыльев украшенных мраморной колоннадой дорического ордена с широкой лестницей. Со стороны площади дворец был обнесен двумя стенами и монументальными воротами с бронзовой позолоченной решеткой. В первом дворе стоял караул с хором музыки. Второй двор был покрыт газонами с цветами и красиво посаженными стриженными деревьями [8, с. 528].

Особым великолепием отличалось внутреннее убранство дворца. Многие публицисты и путешественники восхищались восточным колоритом увиденных интерьеров: «Мы поднялись на второй этаж, в тронный зал и изумлены были пурпурным светом. Зал не имел окон, а освещался сверху стеклянной крышей, имеющий форму купола, внутри которого растянута ярко пурпурная шелковая ткань. Лучи солнца, проходя сквозь эту ткань, сообщают всему фантастический, поразительный колорит. Одни только золотые колонны, зеленые мраморные столы да малахитовые каминные плиты невольно бросились в глаза. Из этой комнаты мы перешли направо, в другую, и в следующей комнате, расписанной по белому фону золотыми и зелеными фресками, у зеленоватого же малахитового каминного портала стоял османский владыка, опершись обеими руками на саблю» [6, с. 32].

Во дворце султана посланника и его свиту встречали придворные чины: «Войдя в первую комнату, мы увидели наполненную ею придворными чинами и прислугой, в гостиной все расположились на широких диванах» [6, с. 15]. Д.А. Скалон вспоминал: «Мы остановились перед широкой белой лестницей, у дверей великого князя встретил султан, затем мы прошли мимо чинов двора и флигель-адъютантов. По мере приближения они наклонялись и касались правой рукою груди и лба и оставались в таком положении пока не проходил султан. Взойдя на лестницу и пройдя две роскошные залы, делегация остановилась в небольшой приемной, а султан с великим князем и принцами зашли в гостиную, где они сели в кресла, расставленные полукругом» [8, с. 528].

Важным элементом османской повседневной культуры было подношение послам курительных трубок или кофе. Среди всех угощений кофе имел особый статус, так как он являлся исключительно церемониальным подношением. В случае, если кофе не предлагался, это воспринималось гостем как попытка нанести оскорбление принимающей стороной. В восточном этикете подача кофе являлась более распространенной традицией, чем подношение трубки.

До XIX в. не было принято предлагать трубки посланникам, да и потом это случалось не часто. Османский этикет различал кофе и трубку. Если кофе подавался всем гостям, то трубка предлагалась

тем, ранг которых соответствовал статусу принимающей стороны [3, с. 54].

Вот как это описывается в «Константинопольских письмах»: «Я был удивлен тем, как лакеи необыкновенно проворно помещали на ярко вымещенный тазик, длинный ясиновый чубук, с трубкой туго набитой табаком и верхний конец чубука, украшенный маленькими бриллиантами, подавали гостю. Кофе подали в крошечных и чрезвычайно легких фарфоровых чашечках, вставленные в сквозные серебряные поддонники, так же украшенные бриллиантами» [6, с. 16].

После всех необходимых согласно турецкому этикету процедур гости приглашались в аудиенц-зал. Среди участников приёма с турецкой стороны, по воспоминаниям авторов «Русского вестника», были: министр иностранных дел, церемониймейстер, переводчик и секретарь султана. С русской стороны в аудиенции участвовали посол или посланник, представители царствующей династии, путешественники, ученые, публицисты.

До XIX в. дипломатическим представителям обычно предоставлялась возможность встречаться наедине с падишахом не более одного-двух раз за все время их пребывания в столице. Позднее по причине изменений в межгосударственных отношениях султан стал более доступным для них, однако он редко обсуждал с посланниками политическую тематику, так как для этого с ними неофициально встречался великий визирь [9, с. 158].

Встречу и разговор султана Абдула-Азиза I и великого князя Николая Николаевича-старшего описывает Д.А. Скалон: «Разговор при встрече происходил через переводчика, которым в тот день был министр иностранных дел. Великий князь передал султану поклон от государя императора российского и поблагодарил за приём. Султан выразил свое удовольствие видеть у себя великого князя и сожалел, что тот приехал на такой короткий срок. Потом перешли к обыкновенному разговору. Султан спрашивал, нравится ли его высочеству Босфор и Константинополь. Далее всех присутствующих позвали в гостиную, и великий князь представил султану русскую свиту» [8, с. 530].

В «Константинопольских письмах» имеется подробное описание встречи русской делегации и главы империи: «В тронном зале мы отдавали султану почести троекратным поклоном, встали все в ряд за посланником, который говорил его величеству султану приветственную речь на французском языке. Министр иностранных дел Али-паша передал содержание речи посланника на турецком языке. Далее султан вынул из кармана бумагу и твёрдым голосом прочел несколько фраз, министр передал слова посланнику на французском языке, после перешли к представлению свиты посланника» [6, с. 20]. Стоить заме-

тить, что источники не указывают на продолжительность приёма и дальнейшие темы разговора.

Во время приёма иностранных делегаций в султанском дворце большое значение придавалось подношению подарков. Эта традиция выражала стремление к поддержанию добрых и прочных двухсторонних отношений. Этикет обмена дарами включал в себя установленные предписания и определенные правила подношения и принятия дорогих подарков. Самым дорогим подарком, который мог получить посланник, был конь. Российские послы стали получать коня в дар от падишаха после заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора в 1774 г. [3, с. 55]. Д.А. Скалон так рисует это обычай: «Мы оделись в мундиры и поехали в Долмабахче для прощальной аудиенции. Великий князь поблагодарил султана за радушный прием и драгоценный подарок двух арабских жеребцов» [8, с. 548].

Знаком большого внимания и личного расположения султана, по сообщению Д.А. Скалона, было приглашение для просмотра парадного выезда султана в мечеть Бекшташ. Этот парадный выход по воспоминаниям автора, происходил только в самые большие праздники и был назначен именно для русской делегации. Сама процессия выглядела следующим образом: «Солдаты встали в ружье, музыка заиграла и выезд начался. Впереди верхом ехали паши, в блестящих с золотым шитьем мундирах, на прекрасных лошадях. За ними сын султана, окруженный пешими адъютантами, далее пеший конвой и министры друг за другом, потом попарно пешком человек шестьдесят флигель-адъютантов и наконец, сам султан. Он сидел на великолепном сером жеребце, на котором убор был усыпан драгоценными камнями» [8, с. 550].

Особое впечатление производил на участников аудиенции глава империи. Его персона, характер, внешние данные особенно привлекали взгляд европейцев. Именно личность султана олицетворяла всю мощь и великолепие Османской империи, поэтому каждому европейцу любопытно было увидеть владыку Востока в собственных его чертогах [6, с. 10].

Из «Константинопольского письма»: «В это время я смог рассмотреть наружность и костюм султана. Одежда султана – широкие панталоны, черный однобортный сюртук со стоячим воротником, под которым виднелся белый воротничок рубашки, а поверх всего одет императорский плащ. На ногах его были одеты европейские лакированные сапоги, а поверх них широкие туфли. Голова покрыта обыкновенным фесом, у левого бедра на золотом поясе висела большая турецкая сабля, на шее, и на груди сияли бриллиантовые знаки и ордена» [6, с. 28]. Военный историк Д.А. Скалон описывает внешность главы страны, говоря, что султан был среднего роста, с большими карими глазами и русой бородой, приятной наружности, не лишенной

величия. Одет был весьма просто, в черный сюртук известного турецкого покроя, белые широкие шаровары и на голове красная феска [8, с. 526].

На торжественных мероприятиях глава империи, как и полагается, был одет изысканно. Один из парадных выездов султана наблюдал Д.А. Скалон, который вспоминал, что на повелителе был надет мундир, весь зашитый золотом, а на феске горел бриллиантовый аграф с пером [8, с. 527]. В «Константинопольских письмах» есть упоминание о праздничном одеянии султана: «Султан въехал на своем прекрасном белом арабском коне. Одет он был в шитый генеральский мундир, грудь его украшала голубая лента с красными каймами и бриллиантовая звезда» [6, с. 30].

В статье юриста и доктора международного права В.А. Уляницкого можно встретить сведения об упрощенных условиях передачи важных документов непосредственно султану. Автор анализирует правовые основы в государстве и повествует, что европейские посланники получили право передавать свои полномочия и верительные грамоты непосредственно султану, а не через великого визиря. Об изменении аудиенции свидетельствует и тот факт, что с XVIII в. европейским посланникам дозволялось уже сидеть на аудиенции у визиря на той же эстраде, где садился и великий визирь [10, с. 313].

В XIX в. некоторые церемониальные атрибуты и ритуалы, в частности форма одежды османских чиновников, предметы дарения и угощения, видоизменились или потеряли свой символический смысл [3, с. 56]. Возможно, это было продиктовано самим временем, и Османская империя ориентировалась на Европу и стремилась «идти в ногу со временем». Особенности менталитета жителей восточной страны диктовали свои правила приема послов: на аудиенции султана подчеркивалось его величие и унижалось достоинство европейских представителей [4, с. 12]. По замечанию авторов журнала «Русский вестник» султанская аудиенция некогда столь грозная и полная ужасов, столь пышная и облеченная всей прелестью азиатской роскоши, ныне утратили свою поэзию. Во второй половине XIX в. европейцы представлялись султану уже без страха испортить свое платье лакомыми яствами турецкой кухни, так как угощения обедами уже не было, дарения шубами и халатами отменены [6, с. 20].

Список литературы

1. Жуков К.А. Некоторые узловые моменты русско-турецких отношений в конце XVII – начале XX в. // Вестн. С.-Петербур. ун-та. Востоковедение и африканистика. – 2009. – № 2.
2. Захарова О.Ю. Российская государственная церемониальная культура // Вестн. МГОУ. Сер. 3. Обществ.-полит. и гуманитар. науки. – 2010. – № 1.
3. Якушев М.М. Османский протокол в дипломатических отношениях Порты и России (конец XVIII – начало XIX в.) // Восток. – 2010. – № 3. – С. 50–56.

4. Кудрявцева Е.П. Турецкая дипломатия в первой половине XIX в. // Вестн. МГИМО. – 2008. – № 2.
5. Теплов В.А. Русские представители в Царьграде // Ист. вестн. – 1891. – Т. 45.
6. Константинопольские письма (1861–1866) // Рус. вестн. – 1867. – № 69. – С. 12–32.
7. Деваль Ш. Два года в Константинополе и Морее (1825–1826), или исторические очерки Махмуда, янычар, новых войск, Ибрагим-паши, Солимана-бея, и проч., соч. К.Д.; пер. с фр. А. Очкин, действ. чл. вол. ст. петерб. о-ва любителей словесности. – Электрон. текст. дан. – СПб.: Тип. Ивана Глазунова, 1829 (2016). [4], IV, 215 с.
8. Скалон Д.А. Путешествие по Востоку и Святой Земле в свите Великого князя Николая Николаевича в 1872 году // Рус. вестн. – 1876. – № 123. – С. 527–550.
9. Якушев М.М. Иностранные дипломаты при Османском дворе (период второй половины XVIII – начала XIX века) // Свободная мысль. – 2010. – № 2.
10. Уляницкий В.А. Турция, Россия и Европа с точки зрения международного права // Рус. вестн. – 1877. – № 128.

References

1. Zhukov K.A. *Nekotoryye uzlovyye momenty russko-turetskikh otnosheniy v kontse XVII – nachale XX vv.* [Some key moments of Russian-Turkish relations in the late XVII – early XX centuries] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika [Bulletin of St. Petersburg University. Orientalism and Africanism]. 2009. № 2.
2. Zakharova O.YU. *Rossiyskaya gosudarstvennaya tseremonial'naya kul'tura* [Russian state ceremonial culture] // Vestnik MGOU. Seriya 3. Obshhestvenno-politicheskie i gumanitarny'e nauki [Bulletin of MGOU. Series 3. Socio-political and humanities]. 2010. № 1.
3. Yakushev M.M. *Osmanskiy protokol v diplomaticheskikh otnosheniyakh Porty i Rossii (konets XVII – nachalo XIX veka)* [The Ottoman Protocol in the diplomatic relations of Ports and Russia (late XVIII – early XIX century)] // Vostok [East]. 2010. № 3. P. 50–56.
4. Kudryavtseva Ye.P. *Turetskaya diplomatiya v pervoy polovine XIX v.* [Turkish diplomacy in the first half of the nineteenth century] // Vestnik MGOU [MGIMO Bulletin]. 2008. № 2.
5. Teplov V.A. *Russkiye predstaviteli v Tsar'grade* [Russian representatives in Tsargrad] // Istoricheskij vestnik [Historical messenger]. 1891. Т. 4.
6. *Konstantinopol'skiye pis'ma (1861–1866)* [Constantinople Letters (1861–1866)] // Russkij vestnik [Russian messenger]. 1867. № 69. P. 12–32.
7. Deval' SH. *Dva goda v Konstantinopole i Moreye (1825–1826), ili istoricheskiye ocherki Makhmuda, yanychar, novykh voysk, Ibragim-pashi, Solimana-beya, i proch* [Two years in Constantinople and Morea (1825–1826), or historical essays by Mahmud, the Janissaries, the new troops, Ibrahim Pasha, Soliman Bey, and so on]. Spb.1828. cit. KD; per. with fr. A. Ochkin, action. tsp ox Art. peterb Island of lovers of literature. – Electron. text given. St. Petersburg: type. Ivana Glazunov, 1829 (2016). – [4], IV. 22.
8. Skalon D.A. *Puteshestviye po Vostoku i Svyatoy Zemle v svite Velikogo knyazya Nikolaya Nikolayevicha v 1872 godu* [Traveling through the East and the Holy Land in the retinue of Grand Duke Nikolai Nikolaevich in 1872] // Russkij vestnik [Russian messenger]. 1876. № 123. P. 527–550.

9. *Yakushev M.M. Inostrannyye diplomaty pri Osmanskom dvore (period vtoroy poloviny XVIII – nachala XIX veka)* [Foreign diplomats at the Ottoman court (the period of the second half of the XVIII – early XIX centuries)] // *Svobodnaya my`sl`* [Free thought]. 2010. № 2.

10. *Ulyanitskiy V.A. Turtsiya, Rossiya i Yevropa s točki zreniya mezhdunarodnogo prava* [Turkey, Russia and Europe from the point of view of international law] // *Russkij vestnik* [Russian messenger]. 1877. № 128.

Статья поступила в редакцию 29.03.2019

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 355.252(470)"192"-055.2

ГРНТИ 03.23.55: История России Новейшего времени

Д.Ю. Исповедников

«Женский вопрос» в жизни командного состава РККА в 1920-е гг.*

В статье рассматриваются формы влияния «женского вопроса» на жизнь семейного и холостого командного состава РККА в 1920-е гг. По итогам изучения крупного комплекса архивных источников показано, как складывались взаимоотношения между красным командиром и его избранницей в контексте послереволюционных преобразований, когда менялось восприятие брака и женщины. Анализируется влияние на поведение супругов материально-бытовых трудностей, политических установок и культурных потребностей. При низком уровне постепенно проводимой социализации многие жены краскомов не работали и не были в достаточной мере вовлечены в общественную и просветительскую деятельность. Подобное положение создавало предпосылки для ненормальных явлений в домашней среде и как следствие негативно отражалось на службе мужей-командиров, в том числе кандидатов и членов ВКП(б), которые были главной опорой армии на начальном этапе советского военного строительства.

Ключевые слова: РККА, красные командиры (краскомы), семейный быт, женский вопрос.

D. Yu. Ispovednikov

«The woman question» in the life of commanders of the Red Army in the 1920s.

The present article deals with the forms of «the woman question» influence on the life of family and single commanders of the Red Army in the 1920s. According to the results of study of large complex of archival sources, it shows how relationships between the red commander and his steady developed in the context of post-revolutionary transformations, when the perception of marriage and a woman have changed. The impact of material and domestic difficulties, political attitudes and cultural needs on the spouses' behavior is also analysed. With a low level of gradual socialization, many wives of the kraskoms didn't work and were not sufficiently involved in social and educational activities. This situation created prerequisites for abnormal phenomena in the domestic environment and, as a result, had a negative effect on the service of husbands, including candidates and members of the CPSU, who were the main support of the army at the initial stage of Soviet military construction.

© Исповедников Д.Ю., 2019

© Ispovednikov D.Yu., 2019

* Продолжение. Начало в № 1(9), 2019.

Key words: Red Army, red commanders (kraskoms), family life, «the woman question».

IV. В 1920-е гг. менялось отношение к самой женщине

1. С одной стороны, после завершения Гражданской войны возникла «уверенность победителей-революционеров в **особых правах на любовь дочерей и жен своих бывших врагов**», в ком видели своего рода «трофеей» [1, с. 105]. О влечении партийцев к представительницам аристократии и буржуазии с тревогой писал в 1923 г. первый секретарь ЦК РКП(б) Украины Э.В. Квиринг. Он отмечал, что супруги большинства работников – либо политически несознательные, либо враждебные обывательницы, поскольку коммунистки составляли «менее 10 % всего числа членов партии». Под влиянием бывших офицерских и генеральских жен менялись привычки и запросы краскомов, в доказательство чего Квиринг приводил случай «позорной дуэли» двух командиров из-за грузинской княжны¹ [2, с. 364].

В таких союзах, помимо классовых и идейных противоречий, проявлялся обманчивый статус краскома, чье место в обществе 1920-х гг. далеко не всегда соответствовало положению триумфатора. Как итог, если женщина пыталась через выгодное замужество вернуться к привычному безбедному существованию, то впоследствии могла испытать жестокое разочарование. Совокупность названных проблем по данным политуправления Среднеазиатского военного округа (далее – САВО) разрушила брак командира 69-го полка, члена ВКП(б) Володкина. Его супруга, принадлежавшая до революции к высокому сословию, отличалась легким поведением: «привлекала к себе ухажеров, на почве чего возник скандал, который довел до того, что жена пустила себе пулю в грудь из нагана» [4. Л. 198 об.].

Несчастливой оказалась и семейная жизнь политрука 288-го полка (Украинский военный округ, далее – УВО), крестьянина, члена ВКП(б) с 1920 г., женившегося на 18-летней полячке из дворян, кото-

¹ В изученных автором документах имеется два подобных примера. Первый изложен в выписке из протокола заседания Центральной контрольной комиссии (1924 г.) по делу об исключении ОПК ККА отделкома 14-го полка, кандидата РКПб с 1920 г., за предложение устроить дуэль одному из отделкомов из-за ревности к женщине, что сам он объяснил шуткой и попыткой проверить храбрость товарища. По суду дан год условно. ЦКК постановила решение ОПК ККА изменить и восстановить дуэлянта членом партии с объявлением строгого выговора [3. Номер листа не указан].

Обстоятельства второго случая сообщаются в информационном письме ОПК ПриВО за второе полугодие 1927 г.: член партии, комэск поскандалил в пивной с комсомольцем-летчиком из-за женщины и вызвал того на дуэль. Летчик вызова не принял [4. Л. 34–34 об.].

рая долго отвергала его предложения. Согласия удалось добиться через родных и подруг девушки, однако после свадьбы она сразу же уехала и отказывалась вступать с ним в интимную связь. Ситуация стала известна в полку, послужив поводом для насмешек со стороны товарищей-партийцев незадачливого мужа: «еще ни одной ночи с ней не спал, а 200 руб. ухлопал». В итоге политрук две недели избегал службы и запросил о переводе, в чем ему было отказано. Не видя иного выхода, он попытался убить жену, ранив ее, а вторым выстрелом в сердце покончил с собой [5. Л. 33].

Через свою «социально чуждую» супругу краском мог подпасть под влияние ее родственников. Так, в сводке об итогах чистки партии за октябрь 1929 г. сообщалось о моральном разложении помощника командира 31-го кав. полка Кирилове, рабочем, члене партии с 1918 г. После свадьбы с женой расстрелянного белого офицера он поселился в одной квартире с ее отцом, лишенным избирательных прав, устроил его на работу и одновременно судился со свекровью за дом и имущество [6. Л. 17].

2. С другой стороны, партийные краскомы утверждали, что **на женщину нужно смотреть как на «равноправного члена общества»**. Во время одного из опросов 1924 г. такую мысль в графе «Половые взаимоотношения» высказал 141 чел. из 154 чел., требуя пресекать многоженство и многомужество, ведущие к проституции [7. Л. 295]. В ноябре 1925 г. из 142 чел. семейного комполитсостава 1-й Грузинской стр. дивизии 76,3 % сообщили, что воспринимают супругу как товарища. Еще 20,1 % были просто «увлечены красотой жены» и 3,6 % нуждались в хозяйке [8. Л. 133 об.]. Аналогичную точку зрения высказали опрошенные в марте 1924 г. члены партийных организаций 3-й Кавказской стр. дивизии. Сдавшие анкеты 24 чел. высшего и старшего комсостава, 60 чел. среднего и 30 красноармейцев (62 % от общей численности организаций) на вопрос о том, кого они ищут в жене, указывали сразу несколько разных вариантов, среди которых преобладал «товарищ» (92 ответа). На втором месте оказалась «хозяйка» (32 ответа), на третьем – «самка» (28 ответов), что подразумевало наибольшую привлекательность для партийца женщины образованной. Однако исчерпывающих объяснений по данному аспекту дано не было: 26 чел. признали, что супруги отстают от них в развитии, 11 чел. описали их как равных себе, 11 чел. – как превосходящих и двое – как безграмотных [9. Л. 2, 2 об., 5]. При этом комиссия, проводившая исследование, заключила, что «громадный процент отсталых жен относительно мужа партийца является очень тяжелым местом в семейном быту». Принимая во внимание возраст подавляющего числа опрошен-

ных (1898–1900), авторы отчета предположили, что большинство браков было заключено в период Гражданской войны или последующей службы и имело «случайный» характер¹.

Таким образом, если изначально подготовленность супругов могла быть одинаковой, то в дальнейшем по мере учебы мужа между ними намечался разрыв, становившийся одним из главных мотивов развода. На момент анкетирования в 3-й Кавказской стр. дивизии брак разорвали 7 чел. старшего и высшего состава, 4 чел. – среднего, 1 чел. – младшего и 1 красноармеец. Еще 3 чел. старшего и высшего состава, 6 чел. – среднего и 2 чел. – младшего намеривались это сделать. Возникновение «семейной пустоты» объяснялось недостаточным вовлечением жен в общественно-культурную деятельность (около 56 %) и медленным распространением новых форм семейного досуга, таких как октябрины или посещение партийных съездов. В этой связи, как сообщала комиссия: «для абсолютного большинства жен коммунистов основной работой является ведение домашнего хозяйства, для жен, более обеспеченных и бездетных, время проходит в ничегонеделании». Высказывалось даже опасение, что при большой занятости краскомов из 60 чел. женатых только 11 чел. участвовали в жизни своих детей. Остальные находились под присмотром матерей, которые ввиду слабой подготовки не могли дать им коммунистического воспитания [9. Л. 3].

Заметим, что в изученных материалах встречаются и примеры, когда «идеологический предлог» использовали лишь для прекращения обременительных отношений и ведения разгульной жизни и после продолжительного сожительства женщину выгоняли как «мещанку» или «малограмотную» [12. Л. 297]. В 1925 г. Президиум окружной партийной комиссии (далее – ОПК) Ленинградского военного округа (далее – ЛВО), разбирая дело дезертировавшего комвзвода военно-фельдшерской школы, члена ВПК(б), из служащих, которого обвиняли

¹ Аналогичный вывод сделан в обзоре работы окружных партийных комиссий РККА за 1926 г.: «некоторые товарищи стремятся развестись с женами, с которыми прожили годы гражданской войны и говорят: “она меня не удовлетворяет, не подходит, не пара”» [10. Номер листа не указан].

Могли распадаться и браки, заключенные задолго до революции. Летом 1929 г. командир-военком 4-й кав. дивизии (ЛВО) С.А. Зотов, 1882 г.р., выходец из бедной казацкой семьи, поясняя проверочной комиссии по партийной чистке причины развода с женой пролетарского происхождения, отвечал, что женился в 1900 г. по настоянию родителей и до свадьбы невесту ни разу не видел. После разрыва в 1914 г. из-за измены с ее стороны сошелся с бывшей женой офицера (на 3 года старше): «не генеральша и не княгиня. Идеологической опасности для меня не представляет» [11. Л. 465, 466].

в нескольких преступлениях, отмечал: «привлекался к ответственности за двоеженство... Три раза женился и в течение года разводился, каждый раз объясняя женитьбу тем, что его прежняя жена была для него идеологически чужда, тогда как одна была членом РЛКСМ, вторая – коммунистка, и только третья – дочь торговли» [13. Л. 36].

Оздоровить семейный быт военнослужащих путем организации доступного досуга в первые послереволюционные годы удавалось не всегда. В начале 1920-х гг. ячейки, объединявшие супруг краскомов, прачек, поварих и прочих вольнонаемных, создавались в армейских частях спонтанно. Жизнеспособность их во многом зависела от патрона политработников и от того, насколько тесное сотрудничество удавалось им наладить с ближайшими городскими и губернскими женотделами, а также филиалами всевозможных организаций, как Общество друзей воздушного флота или Международная организация помощи революционерам [14. Л. 133].

Так, в 36-й Забайкальской стр. дивизии по причине загруженности политсостава женские коллективы вместо декабря 1923 г. образовались только весной 1924 г. и первым делом избрали из числа 108 участниц делегатов для встречи с работницами местных уездных комитетов [15. Л. 133]. Наибольшую самостоятельность проявили супруги комсостава 107-го полка дивизии (40 чел.). Они участвовали в благотворительных и просветительских акциях, посещали открытые собрания коммунистических ячеек, на одном из которых жена помощника комполка выступила с докладом о значении международного женского дня. В марте им удалось собрать 150 р. пожертвований на подарки красноармейцам даурского гарнизона, раздать 300 наборов (табак, спички, мыло, конфеты) и поставить пьесу «Бабыя деревня» [16. Л. 90].

По донесениям с мест при наличии средств и преподавателей среди девушек проводились самые разноплановые занятия. В круг обсуждаемых тем входили антирелигиозные вопросы, аспекты советского строительства, история ВКП(б), проблемы быта и гигиены. В 10-й дивизии (ЛВО), где на апрель 1926 г. действовало четыре кружка (101 женщина), уроки проходили раз в неделю при средней посещаемости 70–80 %, а на плановых собраниях в 30-м полку ежемесячно обсуждались достигнутые результаты. Женщины работали в армейских библиотеках, выполняли обязанности членов горсовета и явочных комиссий, состояли слушательницами партийной школы, участвовали в самодеятельности, вели культурные мероприятия в подшефных детских домах, на собственные деньги открывали школы кройки и шитья [17. Л. 122–123].

Создавались многочисленные кружки: первой помощи, охраны материнства и младенчества, драматические, общеобразовательные (для малограмотных) и политические, как в 11-й, 22-й и 28-й дивизиях (Северо-Кавказский военный округ, далее – СКВО), где учителя руководствовались программами ЦК ВКП(б) и использовали вместо пособия Политграмоту для работниц. К началу 1926 г. в этом округе при нескольких полковых клубах функционировали женские уголки, выпускавшие свои газеты, что позволяло вовлекать девушек в военнокорреспондентскую работу. Существовала возможность и для их командировки на обучающие курсы. При этом политуправление СКВО отмечало, что лишь семь из 24 подчиненных политсекретариату частей развернули такую активность, иногда совершенно не учитывая интересы и желания женщин, процент охвата которых был крайне невелик [18. Л. 38 об.].

Большой объем работы осуществляли члены первых Домов Красной армии (далее – ДКА). Так, в приказе по Ленинградскому ДКА № 80 от 9 апреля 1927 г. подводились итоги его трехлетней деятельности с момента образования в апреле 1924 г.: «1 156 членов дома на 1 апреля сего года с непрерывным ростом начсостава и членов их семей говорят о качественном росте и значении Дома как культурного центра для командира КА. 15 кружковых организаций с 486 членами, в которых проведено за 1926–1927 гг. 507 занятий с посещением 11 739 чел... Художественно-массовая работа... три года дают 678 массовых мероприятий с 312 030 посетителями. Работа среди женщин и детей затронула непочатый край деятельности по внедрению нового быта в семью командира. Библиотека обслужила 43 306 посетителей. Политпросвет кабинет, юридическая консультация, экскурсионно-театральная работа... спорт-клуб, живой военный журнал "Оборона СССР" и живая газета – все это вместе взятое дало возможность посетить ДКА за 3 года 367 174 чел.» [19. Л. 75]. За зиму 1927 г. участницы трех кружков Ленинградского ДКА (127 чел.) провели 195 занятий, девять утренников (для 4 900 детей), три вечера (2 100 чел.) и две лекции-беседы (52 чел.) [20. Л. 19].

Главным развлечением, доступным для жен комсостава РККА, были мероприятия полковых клубов (спектакли, семейные вечера), которые не имели планового характера и ориентировались, как правило, на потребности красноармейцев, по причине чего содержание мероприятий могло быть низкого уровня. На это несоответствие обращал внимание товарищей командир 7-го стр. корпуса (УВО) В.М. Мулин в своем выступлении на окружном политсовещании в январе 1925 г. [21. Л. 37–38].

Вместе с тем культурные работники порой были бессильны преодолеть «мещанское мышление» самих командирских жен. Так, в конноартиллерийском дивизионе (УВО) летом 1926 г. спектакли оказались под угрозой срыва только потому, что среди актрис «вдруг оказывалась местная комсомолка или просто гражданка, которой по роли выпадало жеманничать с кем-нибудь из мужей». В итоге предъявлялся ультиматум: «выставьте такую-то, и тогда все будут активно участвовать. Иначе из коллектива выходим» [22. Л. 391 об.]. Прекращение общения с соперницами вело к открытому антагонизму и частой ротации состава кружков. В ноябре 1928 г. в схожих выражениях сообщалось о проблемах Минского ДКА (Белорусский военный округ, далее – БВО) [23. Л. 18].

Добавим к этому, что общественной деятельности препятствовали и отдельные краскомы, которые не разделяли прогрессивных взглядов и старались ограничить социальную активность своих супругов. В просмотренных фондах РГВА обнаружено несколько подобных примеров. Из почто-телеграммы политуправления 5-й Отдельной Краснознаменной армии, апрель 1924 г.: комвзвод школы 2-й дивизии «разошелся с женой по причине участия ее в клубработе. Он категорически настоял взять обратно поданное заявление его женой о вступлении в КСМ, мотивируя тем, что женщина должна знать только свое хозяйство, а не развращаться на сцене» [16. Л. 108]. Из обзора работы ОПК РККА, 1926 г.: «член партии, комвзвод побил свою жену, за то, что она была на женском собрании и не успела к его приходу остудить приготовленный компот» [10. номер листа не указан]. В августе 1928 г. собственнические чувства товарищей осудил один из участников прений начсостава 105-го стр. полка (Сибирский военный округ, далее – СибВО): «не согласен во взгляде на женщин. От консерватизма надо отказаться. Конкретная борьба с ухаживаниями – держать жен дома и никуда не пускать – на это же пойти нельзя. Надо иметь больше доверия к женщинам» [24. Л. 182].

С конца 1920-х гг. культурная деятельность в частях РККА сосредоточилась в ДКА, массовое строительство которых было инициировано в 1928 г. Если прежде данная сеть насчитывала всего 30 учреждений, то к началу 1929 г. выросла до 62, а к апрелю 1930 г. – до 81 и согласно первой неполной отчетности за период с сентября 1928 г. по март 1929 г. имела около 65 тыс. членов, охватывая кадровый начсостав на 40–45 %.

Таблица 1

*Состав Домов Красной Армии по состоянию
на 1 марта 1929 г. и 1 апреля 1930 г.*

Состав ДКА		Всего членов	Начсостав			Слушателей и курсантов	Красноармейцев	Начсостав запаса	Членов семей военнослужащих
			Высшего и старшего	Среднего	Младшего				
На 1 марта 1929 г. (по данным 40 ДКА из 62)	Абсолютное количество	37 705 ¹	3 081	9 277	3 776	747	4 713	3 013	8 425
	% к общему количеству членов		8,2	24,6	10,6	2	12,5	8	22,3
На 1 апреля 1930 г. (по данным 59 ДКА из 81)	Абсолютное количество	69 696	6 812	14 092	7 566	2 917	8 468	7 589	12 965
	% к общему количеству членов		9,8	20,2	10,9	4,2	12,1	10,9	18,6

Составлено по: 25. Л. 8; 29. Л. 126.

Исходя из табл. 1, в 1929–1930 гг. доля членов семей военнослужащих (авторы документа оговаривают, что подразумевают под этим определением преимущественно жен), занятых в ДКА, составляла в среднем незначительные 20,5 %, тогда как ожидалось, что к общественно-культурной деятельности своих супругов сумеют привлечь до 2/3 женатого начсостава.

Образование в системе ДКА получали менее половины представительниц этой группы: 3 666 чел. (43,5 %) в 1929 г. и 5 859 чел. (45,1 %) в 1930 г. – с учетом, что одна женщина могла быть одновременно записана в несколько кружков. Сопоставление данных об их посещаемости на основе изучения статистики о работе 59 ДКА на

¹ Из них 4 673 чел. (12,3 %) отнесены к группе «прочих», ничего о себе не сообщивших.

1 апреля 1930 г. позволяет определить условные интересы обоих супругов в семьях военных. Нижеприведенная таблица включает только общие цифры по различным группам кружков, поскольку в самом документе приведена более детальная и громоздкая их градация, данные которой частично использованы в примечаниях и дальнейших комментариях.

Таблица 2

Посещаемость курсов и кружков 59 ДКА на 1 апреля 1930 г.

Кружки и курсы	Начсостав (вместе с младшим)	Члены семей военнослужащих
Всего учащихся – 26 076 чел.	8 656 чел. (33,2 % от общего количества учащихся)	5 859 чел. (22,5 % от общего количества учащихся)
В абсолютном исчислении и в процентах от общего числа членов кружков данного направления		
Военная подготовка начсостава	1 404 чел. (74,1 %)	
Стрелковые	170 чел. (21,9 %)	214 чел. (27,7 %), в том числе 33 чел. – в трех женских стрелковых кружках
Осоавиохимовские	56 чел. (4 %)	851 чел. (61,1 %) В том числе 506 чел. – в 26 группах кружков первой и санитарной помощи, а также 267 чел. – в 16 группах курсов сестер запаса
Спортивные	261 чел. (26,6 %)	284 чел. (29 %)
Общеобразовательные	994 чел. (60,3 %), в том числе 345 чел. учились в 20 отделениях воскресного университета	165 чел. (10 %)
Художественные	514 чел. (24,6 %) Самые посещаемые – драматические (27 групп, 208 чел.) и хоровые (29 групп, 104 чел.)	527 чел. (24,7 %) Драматические (27 групп, 253 чел.), хоровые (29 групп, 158 чел.)
Производственно-технические	2 848 чел. (43,5 %), в том числе 260 старших командиров состояли в 23 автомобильных кружках и 1 374 младших командиров занимались в 94 группах курсов по подготовке в вузы	351 чел. (5,3 %)
Политические	282 чел. (42,8 %)	253 чел. (38,4 %)

Продолжение табл. 2

Иностранные языки	610 чел. (64 %) Немецкий (44 группы, 393 чел.) Польский (восемь групп, 121 чел.)	230 чел. (24,2 %) Немецкий (44 группы, 126 чел.) Украинский (четыре группы, 47 чел.)
Для семей военно-служащих		2 433 чел. (89,9 %) В том числе 385 чел. – в 24 женских стрелковых кружках
Прочие	1 468 чел. (28,7 %) Старшие командиры посещали в основном коммунистический университет (пять групп, 111 чел.) и курсы военных переводчиков (17 групп, 108 чел.)	539 чел. (10,7 %), в том числе 118 чел. – в 15 библиотечных кружках

Составлено по: 26. Л. 129–130.

1. В соответствии с данными табл. 2 примерно равное количество членов семей военнослужащих и представителей кадрового начсостава занималось в стрелковых (27,7 % и 21,9 %), спортивно-гимнастических (29 % и 26,6 %), художественных (24,7 % и 24,6 %) и политических кружках ДКА (38,4 % и 42,8 %). Краскомы преобладали в общеобразовательных кружках (60,3 % против 10 %) и в производственно-технических (43,5 % против 5,3 %). Намного больше их изучало также иностранные языки (64 % против 24,2 %). Жены, в свою очередь, являлись ядром Осоавиахимовских кружков (61,1 % против 4 %).

2. Указанные кружки в зависимости от целевой направленности можно разделить на четыре группы: военной и профессиональной подготовки, общеобразовательные и досуговые. Подсчет их численности показывает, что большинство кадрового начсостава – около 3 500 чел. – повышало уровень общего образования. Более 2 000 чел. получали профессиональную подготовку. В основном – младшие командиры, которые, по всей очевидности, не планировали связывать свое будущее с дальнейшей службой. В частности, 618 чел. посещали 44 тракторных кружка, 521 чел. – 39 колхозных, 100 чел. – 14 кооперативных. Около 1 700 чел. комсостава занимались военной подготовкой. В кружках досуга и отдыха числилось менее 1 000 чел.

3. Среди жен военнослужащих на первом месте стояло получение профессиональных навыков, что объяснялось стремлением устроиться на работу, а также необходимостью вести домашнее хозяйство. Из 1 800 женщин 1 099 чел. учились кройки и шитью, 236 чел. – на телеграфисток и телефонисток, 137 чел. – на кооперативных курсах, 101 чел. – на дошкольных воспитательниц. Примерно равное количе-

ство – по 1 500 чел. посещали кружки военной и общеобразовательной подготовки. При этом если в политических школах и кружках читывалось 820 слушательниц, то в общеобразовательных – только 277, втрое меньше. Подобное внимание к вопросам политики, а также стрелкового дела (см. табл. 2) можно связать в том числе с желанием отдельных жен разделить интересы своих мужей. В кружках досуга и отдыха членов семей военнослужащих также числилось менее 1 000 чел.

Согласно отчетам о библиотечной работе ДКА, в 1929–1930 гг. книги брали около половины жен военнослужащих и предпочитали, как и их мужья, беллетристику [25. Л. 10; 26. Л. 131].

Клубы ДКА, однако, не всегда отвечали своим задачам из-за недостатка средств, хорошего оборудования и толковых руководителей. Программу одного из таких «очагов культуры» описал в докладной записке о состоянии частей БВО в ноябре 1928 г. политотдел 79-го полка. Автор констатировал, что из 100 женщин в работу ДКА по причине ее халтурности вовлечены только 15: «выступил арттехник с похабной песенкой “Цветы мои”, за ним комроты рассказал анекдот “как у царя было 16 строевых дочерей и 1 нестроевая”. Комбат слабеньким голоском пропел “Звездочка”, затем был поставлен водевиль, содержание коего сводится к тому, что муж надоедает жене, а в заключении танцы. В Минском ДКА картины демонстрировали 2 месяца спустя после городского кино и три года подряд в годовщину КА ставили пьесу “Советский черт”» [23. Л. 18]. Ввиду бюджетного дефицита не вполне удовлетворял запросы посетителей и Смоленский ДКА (БВО), где на август 1928 г. числилось 1 034 члена: 690 мужчин и 344 женщины. Из них высшего и старшего начсостава – 120 чел., среднего – 299 чел., младшего – 48 чел. В отчете о деятельности учреждения говорилось: «кроме киносеансов, на которые тоже бывают жалобы на низкое качество картин, приходится прибегать к халтурным гастролерам, не всегда отвечающим по качеству репертуара требованиям к массовой работе в ДКА. За зимний период поставлена одна приличная пьеса “Разлом”. Часто лекции местных профессоров по вопросам жизненным и необходимым начсоставу приходилось отменять ввиду неявки слушателей» [27. Л. 134, 137].

3. Не сумев стать товарищем мужу-командиру и не будучи по-настоящему вовлеченной в его жизнь, жена часто превращалась в источник неприятностей. Одни, преимущественно крестьянки, игнорируя окружавшие нововведения, продолжали привносить в семейный быт религиозную обрядность. Они настаивали на крещении детей, проведении похорон по церковным обрядам, праздновании Рождества и Пасхи и сохранении в доме икон [22. Л. 82 об.; 28. Л. 258]. Из проходивших в ноябре 1925 г. анкетирование 142 чел. семейного комполитсостава 1-й Грузинской стр. дивизии 4 % показали, что имеют

верующих жен и 8 % назвали верующими всех членов своей семьи, 7,1 % имели на квартире религиозные изображения. При этом борьбу с религиозностью в семье вели 59,4 % партийцев и 69 % беспартийных [8. Л. 133].

Жены старшего комсостава «омещанивались» от безделья и становились «главными виновниками уродливого быта командира... Мечтая все время о костюмах, шляпках и духах, они не прочь завязать половые связи с сослуживцами своих мужей» [20. Л. 21]. Свидетелем того, как скупающие дамы могли влиять на жизнь воинской части, стал командир батареи 10-го арт. полка (Московский военный округ, далее – МВО). В своих заметках, направленных редакции «Красной Звезды» в 1929 г., он писал: «За последнее время %% собачек в нашем полку увеличивается. У нас часто можно видеть, как идущие на базар или в лавку “подполковницы и полковницы” /так частенько красноармейцы называют жен начсостава/ тянут за собой на шнурках или цепочках своих “норок”, “джеков”, “полканов”. Этим вопросом увлекаются и сами командиры, которые стали иметь не только собак, но и литературку по их воспитанию, а в то же время для себя газеты не выписывают. Частенько даже сами командиры разгуливают с собачками на улице. У нас прислугу, в большинстве подростков, на 90 % не регистрируют, работать заставляют 10–12 часов, а иной раз и больше. Платят столько, сколько вздумается нашим подполковницам. Сплетнями жены занимаются на 95–100 %. Они знают, по каким причинам одного командира батареи переводят на другую батарею. И прежде чем командование полка успеет переместить..., дамы дают уже ему оценку с положительной или отрицательной стороны. Назвать красноармейца “хамом”, “хулиганом” или “шелопаем” для наших дам ничего не стоит. Результатом этого имеем факты, когда красноармейцы привлекали жен комсостава через Нарсуды к ответственности... Из 60 жен ходят на кружки и активно участвуют в постановках 6–8 чел.» [28. Л. 258–259].

О том, что жены «мелкобуржуазного» происхождения разлагают командиров, докладывал в ноябре 1928 г. старший инструктор Коровченко, обследовавший 24-ю стр. дивизию (УВО). По его заключению сближение с «чуждым элементом», особенно опасное ввиду близости границы СССР, происходило вследствие жилищного кризиса в местах дислокации частей – Виннице и Жмеринке – и вынужденного расселения краскомов по квартирам нэпманов. Из-за отсутствия «чистого индустриального пролетариата» за исключением рабочих одного-двух маленьких заводов приятельские, а впоследствии и родственные отношения, комполитсостав заводил с пребывавшими здесь в избытке «торгашами, спекулянтами, кустарями-ремесленниками, бывшими чиновниками и приставами». Одной из их «жертв» стал комроты 70-го полка Ядчук, выходец из крестьян, член ВКП(б) с 1920 г., единона-

чальник, по отзывам – «прекрасный командир, хороший партиец авторитетный и близкий красноармейцам». После вступления в брак с мещанкой он стал «отрываться» от бойцов и сослуживцев, проявляя в общении надменность: «вел роту, остановил около своей квартиры, пошел пить чай – рота ждала. После вышел под руку с женой, та его провожала. Красноармейцы остались очень недовольны. Начал семейную склоку с одним из политруков» [29. Л. 449]. Конфликты между семьями начсостава вплоть до драк и избиения жен Коровченко объяснял также неорганизованностью общественного питания и отдаленностью военного городка от центра Жмеринки, из-за чего все свободное время проводилось в пагубной обстановке.

К конфликтам с красноармейцами приводила также замешанность отдельных жен краскомов в «денщичестве», что продолжало в какой-то мере офицерскую традицию – иметь в лице денщика домашнего бухгалтера, прислугу, няньку для ребенка и пр. [30, с. 97, 104–105, 106, 108]. Следуя примеру мужей-командиров, злоупотреблявших властью, одни ездили на полковых лошадях на дачи и в город, другие использовать бойцов в качестве посыльных, извозчиков, подручных, отдавая им распоряжения [22. Л. 391 об.; 31. Л. 192; 32. Л. 3]. Кто-то воспринимал это как должное. В частности, в 74-м полку (Отдельной Дальневосточной армии) супруга командира эскадрона жаловалась комиссару гарнизона: «муж, когда уезжал, приказал красноармейцу носить мне воду и колоть дрова, а он не ходит – подтяните» [33. Л. 81]. Осенью 1924 г. один из бойцов 2-го сводного легкого артполка (Сиб-ВО) подал политруку докладную записку, где спрашивал: «Прошу Вашего выяснения, что стоишь на посту дневальным, командир заставляет качать воду, его жена тоже заставляет. Не исполнить нельзя, командир приказывает, о котором прошу выяснить, ведь дневальному не разрешается отвлекаться» [34. Л. 23].

Целый перечень серьезных проблем, вызванных неподобающим поведением жен начсостава, выявила в 1928 г. партийная комиссия 9-й дивизии (СКВО). По ее наблюдению образ жизни командиров-партийцев не отражал лозунг культурной революции в быте коммуниста: «За один летний период в Персиановском лагере имело место до 2 десятков семейных и межсемейных склок. Жены носят кольца вообще и обручального типа, серьги и другие побрякушки, не говоря о всевозможных применениях грима и краски. Наряды крикливые. В воспитании детей зафиксировано 3 случая обучения детишек реверансам, поцелуям рук у старших» [4. Л. 198]. Одну из жен, которая заставляла прислугу «подать папироску в постель и зашнуровать ботинок» нянька-девочка и вовсе называла «барыней». Комиссия также отмечала, что в нескольких частях все поголовно жены начсостава никаких газет не читали, и лишь немногие увлекались «не совсем дельной» беллетристикой, причем не советскими изданиями, а доре-

волюционными, которыми снабжались через знакомых мещан из Новочеркасска. Как итог они находились вне всякой политики, не зная задач кампаний на селе, и допускали среди населения выражения, порочившие партию, советскую власть и РККА. Приводились и наиболее яркие высказывания: «жена коммуниста из тяжартполка в присутствии 10 жителей говорит, что ее комнатная собачка /с которой она ходит по станице и заслужила название “жены офицера”/ может кушать только колбаску и яички, выражая это в тот острый момент хлебозаготовок в станице, когда контрреволюция чувствительно была на размычку комсостава с бойцами и населением /обзывая комсостав “новыми панами”/. Жена коммуниста среди жителей станицы говорит: “не надо давать в ЕПО 15 рублевый взнос, зачем, когда в любое время в Новочеркасске можно что угодно купить”. Жена комсомольца комвзвода, узнав, что квартирного хозяина лишили права голоса, в защиту его обозвала: “соввласть и партия – сволочи”» [4. Л. 198 об.].

Со схожим поведением столкнулись в феврале 1930 г. политработники 51-й дивизии (УВО), в отдельных частях которой жены отказывались посещать собрания со словами «на селе грабят, а нас здесь уговаривают», а в 151-м полку супруга комвзвода, кандидата партии, дочь раскулаченного «на все общежитие ругала коммунистическую партию “бандитами”» [35. Л. 31 об.].

Порой ссоры и сплетни выливались в настоящие «женские войны» и переносились мужьями-командирами на служебные взаимоотношения. Дело доходило до разрыва с товарищами и драк [12. Л. 297; 28. Л. 258; 36. Л. 94 об.]. В ноябре 1924 г. из опрошенных 252 членов парторганизации 9-й дивизии (СКВО) 6 % сообщили о личных счетах с отдельными сослуживцами, в 20 % случаев – из-за жен [37. Л. 15 об.]. Доходило и до серьезных эксцессов. Один из них произошел летом 1927 г. в 34-м полку (БВО), где командир 3-го эскадрона и старший лекарь помощник, спровоцированные конфликтом между своими супругами, устроили в части перестрелку и оба погибли [36. Л. 257 об.]. В сводке чрезвычайных происшествий статистического отдела Главного управления РККА к 20 ноября 1930 г. описывался кровавый инцидент в 91-м стр. полку. Здесь помощник командира роты на почве ненормальных межсемейных и товарищеских отношений застрелил из нагана жену командира роты и легко ранил жену политрука [26. Л. 195 об.].

В отдельных частях подобные ссоры усугублялись привычкой жен строго придерживаться «рангового положения мужей» и примерять на себя их полномочия [20. Л. 21; 10. Номер листа не указан]. В октябре 1923 г. комроты 17-го стр. полка в заявлении командующему войскам МВО, председателю военного трибунала МВО, политуправлению Республики и ЦК РКПб, описывая свой конфликт с командованием, упоминал, что «6 дивизией командует из будуара жена комполка 17

Миловзорова, на квартире у какого-то на рождество 1922 г. и пасху 1923 г. были пьянки» [38. Л. 226]. Одной из настоящих «полковых дам» была супруга начальника 11-й пех. Нижегородской школы комсостава, которая требовала, чтобы подчиненные ее мужу командиры кланялись перед ней, а также «вела откровенные беседы с лекпомами лазарета» и предлагала, «если начшколы не удовлетворяет каких-либо просьб, обращаться к ней, т.к. она может все сделать» [39. Л. 198–198 об.]. В сентябре 1928 г. делопроизводитель Юргинского учебного арт. полигона (СибВО) на совещании комсостава заявил, что за 4 года службы выяснил основной корень зла и скандалов в семьях комсостава: «наши жены при общении задирают носы и смотрят на жену нижестоящего начальника с презрением. Жена старшего не хочет говорить с женой младшего. Я прихожу к заключению, что переброска полигона в город – необходимость, которая устранил наших жен от ссор, комсостав от неурядиц и пьянства» [40. Л. 217 об.].

Обеспокоенность политуправлений вызывала чрезмерная осведомленность жен о служебных делах своих мужей. Так, в октябре 1924 г. политрук сводного легкого артполка (СибВО) рапортовал военному артиллерийского парка: «сего числа жена помкомандира парка говорит: “репетиции и спектакля у нас не будет, красноармейцы парка уходят в полк, я это еще узнала вчера”. Считаю, что разглашение военных тайн командирами своим женам, а последними встречным и поперечным совершенно не допустимо» [34. Л. 22]. В октябре 1929 г. ПУР ОДВА сообщало, что, невзирая на тайну переброски 63-го полка на ст. Карымская, в адрес его комсостава массово поступали телеграммы из Барнаула от супругов, которые сообщали о скором выезде к новому месту дислокации [41. Л. 29]. Примечательный факт был зафиксирован в 6-м тер. резервном полку (СибВО), где жена комроты выдавала пароль для караулов, который ее муж забыл оставить заместителю при отъезде [42. Л. 283].

Имели место и попытки жен влиять на мужа в вопросах продвижения по службе подчиненного ему начсостава. О подобной ситуации в 1928 г. начальник Особого отдела (далее – ОО) УВО докладывал командующему войсками округа И.Э. Якиру. Речь шла о конфронтации между командиром 23-го артполка Нельдихиным и военкомом Касьяновым на почве необоснованных кадровых перестановок. Комполка – сын генерала-помещика, бывший дворянин и капитан Русской императорской армии – окружал себя преимущественно беспартийными командирами и «контрреволюционным элементом», в том числе с подачи супруги: «находится под влиянием жены мещанки, с которой делится о состоянии полка. Последняя разглашает эти сведения и влияет на него в деле продвижения начсостава» [43. Л. 133].

В мае 1929 г. похожую проблему выявило политуправление СКВО. Как выяснилось, в 69-м кав. полку произошла склока начсоста-

ва на почве вмешательства в жизнь части жены командира 4-го эскадрона Дмитриева. Этот эпизод не только оказался поводом для отстранения его от должности, но и вызвал резонанс среди местного населения, став объектом высмеивания в стенгазете станичного клуба. Среди комментариев к карикатурам в ней можно прочитать следующее: «Дмитрихи за сплетнями некогда убрать свою грязную рубашку, собака идет ей на помощь». Под рисунком неопрятной комнаты Дмитриева, где «Нюська подметает, Клавка трет пол, а над горелкой сушатся подвязки», автор замечает: «вот, что творится у нашей аристократки в квартире, ведь она занята более серьезным делом». На следующей картинке «А.А. Дмитриха» изображена позади пары влюбленных. На ее высунутом длинном языке написано: «не бери ее замуж, а то мне досадно» [44. Л. 58, 62].

Летом 1928 г. газета «Красноармейская звезда» (СибВО) опубликовала на данную тему критический фельетон с говорящим названием «Дуся сделает. Или как не нужно командовать»: «врид командира взвода славного Н батальона тов. К... строчит записку своему будущему заместителю – тов. Буйкович. Мастеров останется за комвзвода, а вы будете его помощником. Вам надлежит 1. отметить в карточках /которые сделала жена/ попадания каждой винтовки... 4. Напомните Дусе о подшивке дел в новые папки и храните в чистоте и аккуратности. Храните в аккуратности это вы товарищ Буйкевич а у К... за это отвечала вторая половина Дуся. Главное: удобство и жена при деле. 5. Наряд ведите сами. Жене, дескать, не поручайте ей и так много дел. 6. Купите жене лист бумаги, она вам сделает лист нарядов. Ну и жена, молодец. Может она, кстати, и командовать будет? ... а то Мастеров не сумеет... Вероятно военная квалификация Дуси куда выше. 6. Соберите все красноармейские книжки по именному списку, которого нет. А может быть жена, кстати, сделает и список. Вы говорите военная тайна? Пустяки». В ПУР РККА данный опус оценили негативно, отметив, что «любовь газетчика к острому словцу восторжествовала над политическими соображениями, ...газета не учла, что факт активной помощи жены – явление, не заслуживающее высмеивания» [20. Л. 130–131].

Как можно заключить, несмотря на распространение в 1920-е гг. идеи равноправных товарищеских взаимоотношений между мужчиной и женщиной, командиру РККА, и в первую очередь партийцу, было весьма непросто найти жену достаточно развитую и «подходящего» притом социального происхождения, что приводило к возникновению «семейной пустоты». Изменить положение должна была усовершенствованная и расширенная к концу десятилетия сеть культурно-образовательных учреждений в армии. Кружки и клубы выполняли три главных задачи: обучение и политическое воспитание женщин, отрыв их от домашнего быта за счет вовлечения в общественную работу и

создание условий для совместного досуга супругов. Тем не менее в окружении комсостава оставалось немало представительниц мещанства, совершенно ничем не интересовавшихся и не занятых, которые вмешивались в служебные дела мужей и вредили их карьере.

V. Партийные организации, следившие за моральным обликом комсостава РККА, не всегда поддерживали его в попытках наладить семейный быт.

В изученных документах политуправлений военных округов удалось обнаружить упоминание только об двух позитивных примерах. Весной 1924 г. ячейка 60-го полка (ЛВО) добилась развода комвзвода, который обвинялся «в мещанстве, взгляде на женщину, как на низшее существо, сватовстве с обрядностью». Президиум ОПК при разборе дела установил, что командир познакомился с девушкой «на одной из пирушек своих знакомых /очевидно с этой целью устраивающими пирушку лицами/. Был сосватан и женился. ...от приемного отца девушки требовал вещей домашнего обихода: самовар, пальто, платьев для будущей жены и т.д. но получил отказ. На предложение отца невесты устроить красную свадьбу не согласился и предложил справить ее подомашнему с выпивкой. По прошествии 1–2 недель после свадьбы стал появляться в нетрезвом виде и придирается к жене т. к. ему передали, что она до свадьбы имела связь с другими, но уверяла до свадьбы его в своей целомудренности. На просьбу жены дать развод отвечал “жить не буду и развод не дам”» [13. Л. 80].

В 1927 г. в одной из частей САВО партийной комиссии удалось предотвратить гибель командирской четы, столкнувшейся с характерными для 1920-х гг. проблемами: «Комвзвода, член ВКП(б), имел грудного ребенка и больных жену и 13-летнюю сестру. Сам был перегружен работой днем и вечером в одной из комиссий по проверке имущества. Хотел отправить жену в больницу, но не знал, что делать с ребенком и сестрой... Парторганизация отнеслась к нему недостаточно чутко, давала задания, которые он не мог выполнять, и он решил покончить жизнь самоубийством, но в дело вмешалась парткомиссия. ...Жена была отправлена в больницу, ребенок при содействии губкома был помещен в ясли, было выдано пособие из кассы взаимопомощи на товарища, было оказано моральное воздействие и тем самым дело ликвидировано. Оба они нервные и мало воспитаны. На почве ревности с ее стороны и неудовлетворенности ею как женщиной с его стороны возникало много недоразумений, но вместе с тем разводиться не хотели и решили вместе покончить с собой» [4. Л. 76].

За этими исключениями в донесениях внимание уделялось в основном бездействию политработников, вполне осведомленных о ненормальностях во внеслужебной жизни начсостава. Как отмечалось, предупредительная и разъяснительная работа с краскомом, решив-

шим связать судьбу с девушкой неподходящего происхождения или сомнительной репутации, могла бы «спасти его от попадания в обывательскую среду, разложения и суицида» [36. Л. 338]. Однако и при самостоятельном обращении с подобными проблемами в парторганизацию поддержку получали не всегда. Рекомендации по процедуре развода, очевидно, тесно сопряженной с сохранением служебного авторитета, работники давали лишь формальные. Могли, например, предложить «ввиду психической ненормальности жены» развестись с ней и отправить по месту жительства [45. Л. 79]. Оставаясь один на один со своей бедой, даже достойные командиры приходили в отчаяние. Именно по этой причине весной 1927 г. покончил с собой курсант старшего класса Ленинградской пех. школы, кандидат ВКП(б), согласно характеристикам – примерный и способный. В ходе дознания выяснилось, что он в течение двух месяцев был женат на «типичной мещанке», которая упрекала его «занятиями в школе, читаемостью книг и газет и в ультимативной форме требовала бросить школу и партию и жить только с ней». Ответственный секретарь партийного коллектива дал ему следующий совет: «если дорога партия, ты должен сам решить вопрос» [46. Л. 59].

В 288-м полку (УВО), где весной 1926 г. из-за насмешек сослуживцев над его семейными неурядицами застрелился политрук, женившийся на польской дворянке, военком и партбюро хорошо знали о разложении части, которая дислоцировалась в маленьком местечке среди «мелкобуржуазного» окружения при полном отсутствии культурного досуга. Только за июнь 1926 г. здесь покончили с собой 4 чел., в том числе трое членов ВКП(б). На этом фоне, однако, военком неоднократно заявлял, что вмешиваться в личную жизнь партийца он права не имеет. Застрелившийся политрук в оставленных письмах рассуждал иначе: «может, если бы меня товарищи поддержали, этого бы не случилось. Я знаю, что это неэтично, что вы меня осудите, но, однако, я не могу пережить нанесенные мне обиды» [5. Л. 33].

К аналогичным последствиям приводила и бестактность парторганизации, когда она все же решалась принять необходимые меры. В сводке ПУР РККА от 9 мая 1925 г. сообщалось о недопустимых действиях партбюро 7-го полка (Кавказская Краснознаменная армия, далее – ККА), толкнувших на самоубийство комроты, секретаря ротной ячейки Данилова. Поводом стало обсуждение его незарегистрированного сожительства с гражданкой, вызвавшего среди сослуживцев «впечатление неэтичного поступка». Сам командир на расспросы отвечал, что живет с этой женщиной временно и не знает, свяжется ли с ней окончательно. Президиум ячейки и полковое бюро предложили оформить отношения в ЗАГСе или разойтись, а также объявили строгий выговор за некоммунистическое поведение. На общем собрании

коллектива полка, куда комроты вызвали для объяснений, дело было решено расследовать дальше. В итоге партийная комиссия ККА постановила «вынести резкое осуждение позорного поступка Данилова», сразу после чего он застрелился [47. Л. 306].

Другой прецедент описан в обзоре о самоубийствах и покушениях в частях САВО за 1926 г. В центре скандала оказался комвзвода 10-го радиобатальона, член ВКП(б) Демкин, который скрывал ото всех свое семейное положение и сошелся с дамой из «чуждой среды». Под ее влиянием он растрачивал по ресторанам свое жалование и занимал у подчиненных по 5–10 р., а приехавшей жене предложил вернуться на родину и прибегал в целях быстрого разрыва к издевательствам: «пригласил на квартиру любовницу, которая демонстративно подчеркивала перед его женой свое превосходство. По уходе любовницы он разъяснил Демкиной, что это его будущая жена, и что Демкина по сравнению с ней никуда не годится и должна уехать. Говорил, что свое имущество, которое находится в Пензенской губернии, он отдает ей и детям и на том порывает с ней все. Его жена, очутившись без средств, обратилась за содействием в ОКК, последняя направила ее в парткомиссию гарнизона. Демкина вызвали на собеседование с секретарем парткомиссии, где он вел себя вызывающе и на предложение дать средств жене заявил: “ничего я не буду платить”. На этой почве он застрелился, бросив в предсмертной записке упрек парткомиссии якобы за вмешательство в личную жизнь до половых вопросов включительно: “если тов. Пупырева заставили с женой жить, то меня никто не сможет заставить”» [48. Л. 230].

Настоящая драма развернулась в декабре 1928 г. в Гомеле (БВО), где сначала партбюро 31-го кав. полка, а затем и общепартийное собрание объявили «чуждым элементом» жену комвзвода Колько и вынесли постановление о недопустимости их совместного проживания. После вынужденного, вопреки желанию обоих супругов, развода девушка уехала к себе на родину, однако уже 16 декабря вернулась обратно и остановилась у бывшего мужа, которого утром 18 декабря смертельно ранила в живот двумя выстрелами из нагана и выстрелом в висок покончила с собой. Как выяснилось в результате последующего расследования, подход к обвинению со стороны ответственных лиц носил явно бюрократический характер, а использованные сведения оказались непроверенными и ложными. Такое заключение дал прокурор ВС СССР в меморандуме начальнику ПУР РККА от 11 марта 1929 г., в котором изложил обстоятельства дела. Рассмотрим их, представив для удобства в виде нижеследующей таблицы.

Таблица 3

*Компрометирующие сведения о жене комвзвода
31-го кав. полка 6-й Чонгарской дивизии Екатерине Колько
(в девичестве – Смирновой), поступившие за период 1927–1928 гг.*

От кого и когда поступили	Основное содержание	Источник информации и мотив доноса	Реальные сведения, установленные следствием
<p>От комвзвода 31-го кав. полка Пятенко от 14 апреля 1927 г. (показания подтверждены 26 января 1928 г.)</p>	<p>В 1923–1924 г. состояла в тайной фашистской организации на Кубани или Дону. Сожительствовала с главарем. После разгрома организации исключена из ВЛКСМ. Поддерживала письменную связь с главарем, который бежал в Финляндию. Узнав обо всем от Пятенко, Колько обыскал вещи жены и нашел письма, в которых говорилось о новой подпольной организации в Нальчике. На предложение Пятенко сообщить в ОО Колько отказался: «я немного обожду, если она не прекратит с ним связи, я заявлю и потребую вознаграждение 3–5 тыс. руб.»</p>	<p>Из разговоров с Е. Колько за время проживания с ней на одной квартире Заявление подано после того, как Е. Колько сообщила ОО о хозяйственных злоупотреблениях Пятенко</p>	<p>Из семьи мало-мощного крестьянина-середняка. Двое ее братьев служат в РККА. Третий брат демобилизован, занимает должность секретаря сельсовета. По окончании сельской школы работала как комсомолка в станице Изобильная. В 1921–1926 гг. состояла слушательницей курсов дошкольного воспитания губернской партшколы, студенткой рабфака при Сельхозинституте в Ставрополе, школьной работницей. После замужества Е. Колько по собственному желанию оставила должность заведующей школой и уехала в Гомель</p>
<p>От политрука 31-го кав. полка Трифонова от 26 января 1928 г.</p>	<p>Родные Е. Колько имеют сыроварню и живут достаточно хорошо. Отец и братья – люди бывалые, умеют устраиваться. Заветная мечта Е. Колько – отвлечь мужа от военной службы и заниматься тем же, чем отец Жених Е. Колько имел чин в Деникинской армии, затем эмигрировал и возвратился в 1923–1924 г. Он фашист и большой руки аферист, что Е. Колько по духу, ибо этому ремеслу ее и других детей своих отец учил с детства. Из каких-то тактических соображений состояла в ВКП(б), но какой-то злой человек ее вышиб оттуда</p>	<p>Из личной беседы с Е. Колько От своей жены Мотив заявления можно объяснить интригой против Е. Колько других супругов начсостава</p>	<p>После замужества Е. Колько по собственному желанию оставила должность заведующей школой и уехала в Гомель</p>

Продолжение табл. 3

<p>Отношение начальника ОО 6-й дивизии на имя военкома дивизии и секретаря ДПК от 30 октября 1928 г.</p>	<p>В 1923 г. Е. Смирнова ранила из винтовки секретаря ячейки ВКП(б) Госкомбината в станице Изобильная за то, что он перехватил ее любовное письмо. Из ВЛКСМ исключена не была, а вышла позднее по собственному желанию. О настоящих связях Е. Колько с главарем фашистской организации мужу известно, но он это укрывает и мер предпринять не может, так как находится под ее влиянием. В общежитии Е. Колько выявила себя как «политсомнительная». В беседе постоянно злорадствует: «ах скорей бы война, тогда я своего добьюсь, тогда примут всех коммунистов»</p>	<p>Заявления Пятенко и Трифонова. Опрос жен начсостава</p>	
--	--	--	--

Составлено по: 49. Л. 74–75.

Анализ табл. 3 показывает, что Е. Колько была человеком несдержанным. Переехав в Гомель в 1926 г., она уже в апреле 1927 г. вступила в открытый конфликт с сослуживцем мужа и, по всей видимости, с рядом жен начсостава, которые распускали о ней сплетни. Эти нелепые истории, использованные в обоих доносах в ОО, были весьма разнообразны: здесь и нарушение этических норм (измена мужу) и уголовное преступление (стрельба в человека), и подпольная деятельность (членство в фашистской организации, антисоветская агитация) и непролетарское происхождение. Данная ситуация негативно отразилась и на положении самого комвзвода Колько, который в заявлении Пятенко изображен несознательным и корыстным, а в отношении начальника ОО – как безвольный и подверженный пагубному влиянию супруги. Примечательно также отсутствие упоминаний о работе Е. Колько, хотя на родине она получила профессиональное образование и занимала должность заведующей школой. Это говорит о том, что на новом месте устроиться ей не удалось и приходилось зависеть от мужа.

Из материалов следствия становится понятно, что отчасти Е. Колько спровоцировала появление слухов своим резким поведением по причине болезненности: «катар легких, ревматизм, истерико-неврастения». Кроме того, роль сыграли и семейные неурядицы, по-

скольку мужу приходилось содержать ребенка от первой жены. Тяжело переживая материальную необеспеченность, Е. Колько вела разговоры об убийстве этого ребенка и писала комдиву с просьбой демобилизовать ее мужа или дать фиктивную записку в суд о том, что он демобилизован, дабы прекратить выплату алиментов. В довершение супруг запрещал ей заниматься общественной работой из-за ревности [49. Л. 97].

В дальнейшем все эти факты, либо неизвестные, либо превратно истолкованные, либо намеренно искаженные, послужили основой для осуждения, перед которым оба супруга оказались совершенно беспомощными. Хотя Колько просил на общем партсобрании проверить обвинительный материал, вызывавший сомнения и у ряда его сослуживцев, военком, представитель политотдела дивизии и ответственный секретарь коллектива с убежденностью подтвердили стопроцентную достоверность сведений, что лишало возможности апеллировать в вышестоящие инстанции. Не смогла опровергнуть ложь и сама Е. Колько, допрошенная еще 26 января 1928 г. «в плоскости выяснения автобиографии».

Отчаянность положения удостоверяют обнаруженные после случившегося ее письма в ЦК. В первом, от 16 декабря еще звучит надежда: «Я прошу и умоляю Вас, не дайте мне погибнуть – быть проституткой, дайте возможность совместно жить с коммунистом... Прошу обратить самое справедливое внимание на мое заявление, если за эти дни не придется покончить с собой, ибо я осталась на улице без куска хлеба и крова. Письма этого молодого человека, которого считают за фашистского руководителя, а он верно тоже ни в чем не виноват. Неужели в центре нет правосудия? Нет, я верю и жду спасения для себя». Но уже на следующий день от этой уверенности не осталось и следа: «нет, верно, нигде правосудия, к Вам обратиться муж не разрешил, побоялся парторганов, которые могли бы ему заявить, мол, тов. Колько – член партии – уклоняется от решения директив ячейки, защищая свою жену – чуждого элемента. Перед смертью говорю Вам, что я ни в чем не виновата, общежитие знает, как и для кого, я жила, и кто я. Все остальное следственные органы сделают. Мои документы хранятся в общежитии. Одно письмо мужа написано под влиянием военкома полка. Прошу об одном, впредь пусть органы партии не губят семьи, довольно и нас двоих». Аналогичным настроением проникнуто и письмо краскома к родителям жены: «В общем, сообщаю, человека у меня отбирают насильственным путем: если я только не верну Вашу дочку, а свою жену, так потом услышите, что и меня нет в жизни» [49. Л. 74].

Как видно, внеслужебный быт комсостава РККА, находясь под пристальным вниманием партийных организаций, принадлежал к области публичных отношений, когда любая ненормальная ситуация вы-

носились на широкое обсуждение и становилась известна всей части, включая красноармейцев. В борьбе с различными аномалиями политработники могли встать на сторону женщины, подвергавшейся издевательствам, однако главной их задачей являлось сохранение морального облика самого командира, для чего порой предпринималось крайне грубое и некомпетентное вмешательство в его семейные дела. Подобное давление вызывало резкое отторжение со стороны супругов и ломало их жизнь.

VI. Большинство холостых краскомов несмотря на сложности стремились выстроить нормальные семейные отношения.

1. В первую очередь они сталкивались с материальной необеспеченностью, следствием чего становились всевозможные эксцессы. На этой почве наблюдались случаи сожительства политруков и комвзводов со старухами 60–70 лет (УВО, весна 1923 г.), отсутствие половой жизни у 25 % 30-летних командиров (ККА, 1924 г.) [50. Л. 155 об.; 51. Л. 320 об.]. Имело место и сведение счетов с жизнью. В обзоре самоубийств по РККА за январь-март 1925 г. сообщалось о двух комвзводах, покончивших с собой из-за невозможности прокормить будущую семью. Причем если от одного из них невеста требовала оставить армию ради нормального заработка, то от другого, напротив, продолжать службу [52. Л. 36 об., 37].

Политработники объясняли нехватку жалования общением краскомов с дочками купцов и попов, которым была нужна веселая жизнь. Чрезвычайно любопытен с этой точки зрения доклад Московской ОПК ответственному секретарю конфликтной комиссии ПУР РККА за апрель-июнь 1925 г. о «печальном» влиянии на курсантов Иваново-Вознесенской школы местных работниц¹. Девушки уговаривали молодых людей бросить учебу и поступить на фабрику, где легче условия, лучше перспективы и выше оклад – 40–50 р., тогда как после школы командирское жалование равнялось лишь 32 р., «тем более что нужно служить не там, где можно устроиться лучше с семьей, а куда пошлют». По их словам, муж и жена из рабочих не только получали одинаковую плату, но также могли спокойно жить на одном месте, что давало возможность обустроить квартиру и заготавливать продукты в период их наибольшей дешевизны. Подобные разговоры привели к тому, что двое активных курсантов, членов партии, разочаровались в учебе и стали высказывать демобилизационные настроения. Только после беседы политработникам удалось убедить их, что «у красного командира перспективы не меньше, а больше, чем у рабочего» [56. Л. 37].

¹ Заметим, что в 1920-е гг. видные участницы революционного движения считали работниц (не говоря о прочих) отсталым элементом – оплотом традиционной семьи и частной жизни [53, с. 15; 54, с. 172. 55, с. 7].

В докладной записке начштаба всех ВУЗов¹ Республики зам. председателю РВС Республики от 11 января 1923 г. отмечалось, что действовавшее военное законодательство не регламентировало процесс вступления курсантов в брак, чем обуславливался целый ряд недоразумений. На особом совещании ответственные работники Главного управления военно-учебных заведений и московских ВУЗов резюмировали: «семейная жизнь затрудняет дело подготовки будущих красных командиров». Среди учащихся наблюдалось отсутствие влечения к занятиям, нежелательная тяга к женам и детям и на этой почве – серьезные нарушения дисциплины. В администрацию ВУЗа направлялись многочисленные запросы о предоставлении семьям жилплощади, пайка и других, положенных по закону льгот, обеспечить которые по объективным причинам было непросто. Кроме того, многие в стремлении оказать помощь заключали фиктивные браки, чем часто злоупотребляли. Для выхода из положения совещание полагало необходимым ограничить возраст зачисления в школу, чтобы уменьшить число семейных кандидатов. Предлагалось усилить спортивные занятия и обставить внешкольную жизнь курсанта разумными развлечениями, позволяя жениться только в исключительных случаях с разрешения начальника и комиссара ВУЗа. При этом начальник ПУР РККА А.А. Антонов-Овсеенко подчеркивал, что курсант, пользуясь в стенах ВУЗа (следует оговорить, что далеко не всегда и не везде) удобствами для своей семьи, лишался их сразу после выпуска и направления в часть, хотя еще не получал материальных привилегий комсостава [57. Л. 44].

Весной 1924 г. политуправление СКВО доносило о распространении среди комсостава 25-го полка 9-й территориальной дивизии, расквартированного в Мечетенской области Черкесского округа, венерических заболеваний, которыми было заражено до 80 % местного населения. Командиры заявляли, что вынуждены прибегать к случайным связям, поскольку их жалование не позволяет содержать жен [37. Л. 111]. О том же сообщали партийцы 3-й Кавказской стр. дивизии. Из 60 чел. холостых, 32 чел. за нехваткой средств не могли жениться, 18 чел. не имели половых контактов в течение нескольких лет и 32 чел. – в течение нескольких месяцев. Притом лишь 6 чел. не желали связываться семьей. Большинство рассуждало в духе: «если не женюсь на 24 году жизни, придется кровь сосать», «неженатому трудно, от работы отвлекают мысли о женщине» [9. Л. 5]. Фрагментарные сведения о том, как решали «половой вопрос» краскомы и курсанты в 1920-е гг., содержат материалы опросов и анкетирования, представленные в следующей таблице.

¹ ВУЗ – военное учебное заведение.

*Способы решения «полового вопроса» среди курсантов
и командиров по результатам анонимных опросов 1920-х гг.*

	3-я Кавказ- ская стр. ди- визия март 1924 г. Опрошено 60 чел. холостых	1-я Грузинская стр. дивизия ноябрь 1925 г. Опрошено 142 чел. холостых		18-я стр. дивизия декабрь 1925 г. Опрошено 234 чел. (женатые и холостые)	Омская пех. школа декабрь 1928 г. Опроше- но около 60 чел.
		беспартий- ные	партий- цы		
Проститутки	11 чел.	58 %	92 %	5 чел.	3 %
Случайные свя- зи	8 чел.	7 %	9 %	76 чел.	34 %
Воздержание	20 чел. (до 30 лет)	39 %			8 %
Онанизм	13 чел.		38 %		6 %

Составлено по: 8. Л. 133 об.; 9. Л. 5; 42. Л. 376; 58. Номер листа не указан.

Табл. 4 показывает, что единой тенденции среди холостых командиров в частях не было. Анкетирование Омской пех. школы показало, что только 8 % будущих краскомов придерживались аскетизма: «половой инстинкт заглушался работой, считаю его излишней тратой энергии». Отдельные же курсанты, наоборот, вступали в брак, чтобы избежать «разложения, пьянки, проституции и растрат». Причем связь с проститутками считалась «преступной» [42. Л. 376, 377]. В 18-й стр. дивизии преобладание случайных связей объяснялось отчасти поведением женатых краскомов (10 чел.): «жена в отлучке, а это требуется». Касательно проститутки один заметил: «со знакомыми иметь дело опасно т.к. придется платить в случае родов, а жалования итак не хватает» [58. Номера листов не указаны.]. В 1-й Грузинской стр. дивизии обращает внимание, что процент партийцев, использовавших проститутки, в полтора раза превышал процент беспартийных, многие из которых придерживались воздержания.

По данным анкетирования, 252 члена парторганизации 9-й дивизии (СКВО) в 1924 г. из холостых нормальную интимную жизнь вели 22 чел. (21,2 %) и 82 чел. (78,8 %) – ненормальную. Не имели сексуальных контактов в течение более 2 лет – 16 чел., венерическими болезнями болели 66 чел. (26,2 %) [39. Л. 15]. При опросе были получены также сведения о начале «полового общения с женщинами». В 12–14 лет первый опыт получили 4 чел. (1,5 %), в 14–16 лет – 15 чел. (5,9 %), в 16–18 лет – 80 чел. (31,7 %), в 18–20 лет – 89 чел. (35,3 %), после 20 лет – 53 чел. (21 %) и 3 чел. (1,2 %) его не имели вовсе.

На этом фоне появлялись рассуждения о необходимости открытия домов терпимости. Такое мнение высказали 54 % из опрошенных 142 чел. холостого начсостава 1-й Грузинской стр. дивизии [8. Л. 133 об.]. О существовании специальных квартир в Новочеркасске, где занимались сводничеством военнослужащих, в том числе коммунистов, сообщалось в 1926 г. на ОПК СКВО [10. Номер листа не указан]. С подобной целью могли использоваться и армейские клубы. Так, в апреле 1929 г. комиссия политуправления БВО по обследованию Смоленского ДКА отмечала проникновение на семейные вечера частей гарнизона «нежелательного элемента, составлявшего так называемую выставку невест» [27. Л. 130].

2. Многим молодым краскомам в силу свойственной их возрасту инфантильности было присуще легкомысленное отношение к женщинам. Натуры романтические, склонные к мечтам и глубоким душевным переживаниям гибли от неразделенных чувств или, как это называли политработники, – «из-за неудачи в удовлетворении своих личных эгоистических стремлений, носящих обывательско-мещанский характер» [31. Л. 274 об.]. Западный фронт, 1923 г.: комвзвода шесть месяцев жил на квартире у бывших дворян, влюбился в дочь хозяйки (19 лет), долгое время не говорил ей о своей любви, и только когда переехал на другое место попросил ее руки. Получил отказ. Оставил записку в стихах: «Причины смерти не ищите. Увы, ее Вам не познать. Я умираю лишь потому, что так надо. Так требует от меня жизнь». После его смерти остались стихи, большей частью посвященные разным женщинам [59. Л. 134]. Туркестанский фронт, 1924 г.: «комвзвода 5 стр. полка, находясь на охране моста вдали от полкового центра, попадает в мещанскую среду и влюбляется в комсомолку. Решает жениться и узнает о связях, ранее бывших у его невесты. В то же время получает извещение о перемещении его в артполк, который якобы должен убыть в Бухару. В этом он видит гонение судьбы, не дающее ему устроить личную жизнь. Проживая перед поступлением на военную службу в Москве среди образованных сестриц в окружении мещанской идеологии, сам заражается ей. В нем прививаются черточки интеллигентской мягкотелости, стремление к тихой уютной жизни. Удар судьбы, который он видит в назначении в артполк, не переносит и кончает самоубийством» [59. Л. 167]. УВО, 1928 г.: комвзвода, 1907 г.р., беспартийный, из бедной крестьянской семьи. Был в хорошем настроении, ревностно относился к службе... Предполагал заняться самообразованием, с целью через 2–3 года поступить в Академию. Жил на квартире гражданки г. Умани /жена бывшего офицера сосланного в Сибирь за контрреволюционную деятельность/ вместе с товарищем. В эту гражданку влюбился подпал под ее влияние не получая взаимности. Заражался мещанско-обывательской идеологией. Гадал на картах, прося мать гражданки.

Получая 100 р., лез в долги, покупал исключительно сладости на угощение. Военком предупреждал его о том, что он попал в мещанскую среду, рекомендовал сменить квартиру и порвать связь с гражданкой [60. Л. 165].

Страдали краскомы и от излишнего идеализма, как один из лучших комвзводов школы 296-го полка (УВО) Томкив, который женился на 18-летней девушке через три дня после знакомства. Товарищам свой поступок он объяснял тем, что, как коммунист, намерен дать «бедной молоденькой женщине» образование и «сделать из нее развитого человека». Избранница, однако (со слов свидетелей), оказалась глупой и скандальной. Она ругала мужа за частые посещения собраний и чтение газет, бессистемно тратила его жалование на различные лакомства и уничтожала купленные для нее книги. Далее история развивалась стремительно. Через две недели Томкив заразился триппером, не имея никаких сторонних связей, еще через две недели его жена прервала 5-месячную беременность. Наконец, через четыре месяца после свадьбы Томкив стрелял в супругу, ранив ее, и покончил с собой. Расторгнуть брак для него, по мнению политуправления округа, было невозможно из-за боязни общественного мнения [5. Л. 30–31].

Согласно данным за январь-март 1925 г., из 42 самоубийств командиров РККА девять стали следствием неудачного романа, что объяснялось «общим омоложением КА и ее комсостава, отсутствием материальной обеспеченности, при которой возможно наладить семейную жизнь» и переходом от старого быта к новому [52. Л. 34, 36 об.]. Поводом могла стать также неожиданная беременность девушки и требование сожителства [22. Л. 117 об.]. Документы показывают, что подавляющее большинство самоубийств, вызванных напряженными отношениями с противоположным полом, приходилось на средний комсостав. За 1924–1925 гг. в этой группе свело счеты с жизнью 62 чел., на романической почве – 12,92 %, из-за идейного разлада в семье – 3,22 % [61. Л. 24]. За 1925–1926 гг. – 63 чел., из-за семейных неурядиц – 11 чел. (в том числе семь комвзводов), из-за романтических отношений – 12 чел. (семь комвзводов) [62. Л. 327]. Следует, однако, учитывать, что сводные данные по теме были далеко не полными – примерно в половине дел подробности оставались неизвестны, поскольку многие предсмертные записки за исключением фраз «безнадежная любовь» или «связь с женщиной» ничего не сообщали.

Обратной стороны легкомысленности был цинизм и как следствие – распущенность в личной жизни молодых краскомов и курсантов. В № 30 от 12 августа 1927 г. «Военный Вестник» опубликовал статью одного из работников ВУЗа, по утверждению которого военно-учебные заведения с крайне строгим режимом, оторванные от общегражданской и армейской жизни, чрезвычайно перегружали курсантов и игно-

рировали их культурные запросы. Это побуждало молодого человека искать развлечений в окружавшей его мещанской среде, где воспитывались нежелательные склонности и взгляды, в числе которых «легкомысленное отношение к жизни, к половому вопросу, браку, семье. Жизненным идеалом этих курсантов становятся деньги вино женщины – разгул» [63. Л. 91 об.]. Подобную тенденцию отмечал и начальник 3 отдела ПУР РККА В.Н. Черневский. В своем обзоре политикоморального состояния ВУЗов за январь 1929 г. он, в частности цитировал ответы из анкет выпускников Омской пех. школы 1928 г.: «половой вопрос разрешил частой сменой женщин, с одной нельзя – наживешь алименты»; «за три года использовал 17 штук дамочек и 4 штуки барышень» [64. Л. 3 об.]. Фантастически насыщенной нелепыми событиями оказалась личная жизнь курсанта старшего класса одного из ВУЗов ККА: «самоубийство жены, через две недели – фактическая женитьба, и через 3 дня – развод, через неделю – женитьба со сватовством и регистрацией в ЗАГСе, а через 10 дней – вновь развод, выбрасывание жены на улицу, клевета на начшколы, публичная попытка к самоубийству, исключение из партии, вторая публичная попытка к самоубийству на «романической подкладке», исключение из школы, увольнение из армии» [63. Л. 92].

Следствием подобного образа жизни становились венерические заболевания. МВО, июль 1923 г.: старшина пулеметной команды 52-го стр. полка, прогуливаясь в саду с двумя девицами, одной из них из нагана прострелил обе руки, другую убил, после чего покончил жизнь самоубийством. Дознание выяснило, что одной из девиц он был заражен сифилисом [59. Л. 1–2]. ККА, сентябрь 1928 г.: в общежитии начсостава 10-го железнодорожного полка комвзвода, кандидат в члены ВКП(б) застрелил гражданку и покончил с собой, оставив записку: «в смерти нашей просим никого не винить, мы решили умереть с обоюдного согласия». По материалам следствия на спецзаседании партбюро полка было установлено, что командир имел связь с проститутками, болел сифилисом. Находясь на стадии лечения, принудил, со слов его соседа, под угрозой револьвера убитую к половой связи и, якобы, был угнетен тем, что заразил женщину, на которой собирался жениться [65. Л. 198].

Романтизм и распущенность вполне могли уживаться в характере одного человека. Такого, например, как 20-летний комвзвод 44-го полка (УВО) Коваленко, который в ночь с 3 на 4 июля 1925 г. убил помощника комполка и начштаба полка, после чего застрелился сам. Сопоставляя профессиональные и индивидуальные качества убийцы, следственная комиссия обратила особое внимание на его взаимоотношения с женщинами. Щедрый, жизнерадостный и добрый к красноармейцам Коваленко, как выяснилось, был болезненно самолюбив в общении с противоположным полом. Когда его сожительница написа-

ла ему, шутя: «Петя-Петя, ты дурак», он схватился за наган, сказав, что уничтожает своих обидчиков, и тут же расплакался. По свидетельским показаниям краском вместе с сослуживцем водил на квартиру проституток, состязаясь «в количестве половых актов, ... в то же время имел связь с одной работницей, от которой требовал справку о ее невинности и не зараженности, на ее любовных письмах писал циничные и похабные резолюции». Позднее Коваленко влюбился «чистой любовью» в дочь владельца мебельной мастерской. В письмах он называл ее своим идеалом, «удовлетворяясь одними встречами сентиментально-мещанского характера» [21. Л. 290–292].

3. Распущенность комсостава РККА в отношениях с женщинами нередко становилась причиной изнасилований и стычек с гражданским населением. Инциденты происходили на кратковременных сборах, во время обучения допризывников, командировок и отпусков, когда краском, начиная с отделкома и заканчивая политруком, комбатом или комполка, напивался и проникал в поиске женщин в частные дома или мог под дулом нагана заставить девушку выйти за него замуж [5. Л. 4 об.; 10. Номер листа не указан; 66. Л. 13; 67. Л. 80; 68. Л. 22]. Подобные выходки наносили существенный ущерб авторитету комсостава. Все они имели схожий сценарий: мотив – потребность в женском внимании, средство – личное оружие, катализатор – алкоголь. Целый ряд таких эпизодов был зафиксирован в 1928 г. Летом трое командиров батарей 2-го Туркестанского арт. полка (САВО), все – члены ВКП(б), и беспартийный комвзвода, совершенно пьяные, приставали с «циничными предложениями» к прислуге столовой в кишлаке Нияз-Бек. Получив отказ, один из них обещал обидчицу застрелить, а другой потребовал женщин от хозяина столовой [69. Л. 46]. В том же округе помкомвзвода и отделком Узбекского полка совместно с двумя поварами изнасиловали и отрезали голову 60-летней татарке [33. Л. 307]. В сентябре на хуторе около г. Лепеля (БВО) пять пьяных младших командиров 4-й отдельной пулеметной роты напали на гулявшую пару прямо на улице: «гражданин вступился за жену, и дело дошло до драки. Младшие командиры открыли по гражданину стрельбу из наганов и ранили последнего. Женщина бросилась бежать на хутор, младшие командиры с выстрелами погнались за ней. На крик вышел крестьянин, который с ругательствами набросился на преследователей, последние ранили крестьянина в полость живота. На выстрелы прибежал сторож кирпичного завода и когда стал ругать младших командиров, они нанесли ему тяжелое ранение, от которого сторож через час скончался» [36. Л. 274].

Возмутительные ситуации происходили на деревенских праздниках, куда приглашали представителей комсостава. Из донесения политотдела 12-й стр. дивизии от 30 января 1928 г.: «двое комвзводов, будучи в районе на однодневном сборе, напильсь и стали наносить

оскорбления двум женщинам. Оскорбления сводились к предложению со стороны комвзводов с ними ночевать, когда женщины отказались... то были попытки к их изнасилованию... Комвзвод, будучи приглашен одним крестьянином в гости, напился и полез целоваться к присутствовавшим женщинам. Один крестьянин заявил ему, что так делать не годится, тогда комвзвод вынул наган с намерением застрелить его, но был схвачен за руку... Командир артдивизиона был приглашен в гости месткомом СТС, где, напившись, стал приставать к женщинам....» [70. Л. 39–40].

Имели место и нападения на женщин, работавших или служивших в РККА. МВО, июль 1926 г.: комвзвода, старшина и отделком 56-го стр. полка в пьяном виде решили проникнуть в женское общежитие. В завязавшейся перестрелке пострадал комендант здания и один из нападавших. Оба скончались от ранений [52. Л. 110 об.]. Приволжского военного округа (ПриВО), вторая половина 1927 г.: комвзвода, член ВКП(б) с 1919 г., пользуясь служебным положением, «использовал в половом отношении 4-х уборщиц», за что осужден губсудом к одному году лишения свободы [4. Л. 34].

Следует заметить, что в 1920-е гг. в СССР проблема изнасилований обострилась и в гражданской, в том числе рабочей, среде. Как заключает Н.И. Лебина, нападения на девушек, особенно групповые, которые становились продолжением хулиганских действий и следствием закрытия публичных домов, перестали быть редкостью, как до революции, когда официальное предложение доступных женщин намного превышало спрос [71, с. 231].

4. Частой спутницей нетрезвого командира, в том числе партийного, судя по сводкам и политдонесениям, была проститутка [70. Л. 40; 72. Л. 76; 73. Л. 253; 74. Л. 21 об.]. Особое внимание политработников эти связи привлекали по причине их открытости: с женщинами легкого поведения наиболее морально разложившиеся краскомы проводили время не только в общественных местах, но и нередко приводили их в казармы и общежития. БВО, январь 1925 г.: «пьяные комвзводы саперного батальона поехали к проституткам, где продолжали пьянку, пока не были удалены дежурным по гарнизону». На организованном совещании начсостава части по данному вопросу, комроты Цветанович заявил: «мы пили, пьем, пить будем». Ему вторил комвзвода Жириков: «пошел в притон потому, что я самец и мне нужна самка, а 5 сутками ареста вы меня не исправите» [36. Л. 36–37]. СКВО, апрель 1927 г.: курсант национальной кав. школы, партиец, ночью привел во двор женщину и по соглашению с ней устроил очередь. Участвовала часть членов партии и комсомольцев [63. Л. 92]. САВО, октябрь 1928 г.: комвзвода 2-го Туркменского кав. полка, член ВКП(б), в обществе двух проституток поужинал с вином в столовой, после чего предложил одной пройти с ним на квартиру. Девушка на это разрази-

лась ругательствами: «дурак, солдатская собака!» и была избита. Всех участников драки задержала милиция. Комвзвода после разбирательства получил от партбюро строгий выговор с предупреждением [4. Л. 235 об.]. СибВО, ноябрь 1928 г.: «двое пьяных командиров среднего начсостава 18 корпуса, использовав до потери сознания проститутку, привезли ее на извозчике в больницу для приведения в чувства, заявив администрации, что заплатили деньги, но договоренное время с ней не провели, а потому подождут, пока она придет в чувства, и заберут с собой» [42. Л. 338].

В 1928 г. органы ОГПУ передали члену Президиума Центральной контрольной комиссии ВКП(б) Е.М. Ярославскому записную книжку, утерянную в отпуске курсовым командиром Омской пех. школы (СибВО) Беляковым, который состоял в партии с 1925 г. Изучив записи о ежедневных занятиях командира с января по май 1928 г. Ярославский оставил красноречивую резолюцию: «Какой бабник – помешался на половых наслаждениях и на женщин смотрит, как на орудие физического наслаждения». Поведение Белякова из дневника представляется следующим образом: начал половую жизнь с женой сослуживца, которая затягивала его в пьянки, от нее он заболел триппером. По излечению в течение трех месяцев имел связь с 20 женщинами, из коих 10 – проститутки. Часто выпивал с ними, при этом тщательно скрывая свои похождения: «я пошел по наклонной плоскости, пытался удержать себя, но не сумел. Раньше, когда находился в Тифлисе, то вел себя почти также, но связи с проституцией было меньше. За помощью к парторганизации обратиться стеснялся» [42. Л. 339].

Как отмечает Н.Б. Лебина, ссылаясь на парадоксальные результаты медицинских исследований, проституция в 1920-е гг. уступила первенство в деле распространения венерических болезней, и человек имел больше шансов заразиться, ведя беспорядочную сексуальную жизнь [71. С. 230]. В изученных документах политуправлений РККА обобщающих выводов по этому вопросу выявлено не было. Однако можно отметить, что чаще всего использование проституток как причину заболеваемости комсостава называли в УВО. Любопытные цифры, в частности, содержит ведомость о движении больных за июль 1921 г. в Киевском клиническом госпитале, лазарете 137-й бригады, госпитале 7-й дивизии и Житомирском военном госпитале, 1505-й и 637-й госпиталях, Киевских 1-м и 2-м гарнизонных амбулаториях, а также Винницком гарнизонном амбулатории. Среди поступивших сюда «новых» 1 408 больных лиц комсостава насчитывалось 221 чел. Был проведен также приблизительный и неполный (1 193 чел.) учет венериков по источникам их заражения. «Жертвами» проституток стали 507 чел., мешочниц – 248 чел., сельских работниц – 110 чел., советских служащих – 109 чел., замужних домохозяек – 73 чел., домашней прислуги – 60 чел., фабричных работниц – 29 чел.,

женского медперсонала – 15 чел., солдаток – 14 чел., вдов – 13 чел., неустановленных женщин – 11 чел. и заболевших по неизвестным причинам – 4 чел. [75. Л. 17 об.] В донесении от 28 марта 1925 г. политуправление УВО сообщало о большом числе заразившихся от проституток командиров 3-й Казанской дивизии (26,5 %), а в донесении от 4 февраля 1926 г. – 51-й дивизии, в число которых попали и семейные [21. 325 об.; 22. Л. 82 об.]. Проблема оставалась актуальной и в дальнейшем. По данным на первое полугодие 1928 г. в частях округа главным поводом для привлечения комсостава к ответственности (101 чел. из 462 чел.) и исключения его из партии (19 чел. из 141 чел.) являлось «пьянство и связь с проститутками» – оба эти пункта были объединены в одну графу [31. Л. 284].

Аналогичные выводы делали и политуправления других округов. Негативно о посещении притонов в поселках, прилегавших к казармам и военным городкам, отзывались работники 36-й Забайкальской стр. дивизии. В подтверждение они приводили данные о случаях первичного заболевания и повторного лечения сифилиса (10 прецедентов), а также других подобных инфекций (14 прецедентов) среди комсостава с 1 января 1923 г. по 1 февраля 1924 г. [15. Л. 132]. В декабре 1928 г. политуправление ЛВО доносило, что рост пьянства в 4-й стр. дивизии при участии 23 чел. старшего и среднего комсостава влечет связь с проститутками, в результате коей имелись случаи заболевания венерическими болезнями [67. Л. 36]. Еще одно свидетельство содержит обвинительное заключение в отношении временно исполнявшего должность командира 1-го эскадрона 2-го Туркменского кав. полка (САВО), члена ЦИК ТССР Бердыева и помощника по политической работе Мамалиева. В августе 1930 г. они решили присоединиться к басмачам и дезертировали, после чего Бердыев убил свою жену. В характеристике Мамалиева читаем: «элемент, окончательно разложившийся... Имел систематические связи с проститутками, хронически болел гонореей, будучи в конце 1929 г. и начале 1930 г. в оперкомандировке в Ташаузском округе заражал дехканок гонореей, давая повод половой распущенности и рядовому составу, дискредитируя комполитсостав. Большую часть времени проводил в отпусках и госпиталях на излечении гонореи. На политзанятиях вел беседы по половому вопросу и рассказывал анекдоты [76. Л. 45, 48].

Таким образом, изученные документы ПУР РККА и управлений военных округов за 1920-е гг. освещают «женский вопрос» в материально-бытовой, политической и духовной плоскостях жизни комсостава в сопряжении с широким кругом проблем. Приведенные примеры неблагополучных командирских семей описывают, по сути, одну модель отношений, в которых женщины оказывались выключены из процесса социализации. Большинство – ввиду объективного отсутствия подобных возможностей, но были и те, кто намеренно отказывался

следовать новому курсу. Таким образом, на фоне революционных лозунгов о равноправии полов жены краскомов зачастую не имели или не видели необходимости в собственном источнике дохода, жилье, образовании, культурном досуге. Зависимые, ограниченные, уязвимые, они небезосновательно направляли свое недовольство против мужей, не находя должной поддержки. Скрыть домашние конфликты в условиях военных городков и общежитий практически не удавалось, и их последствия преследовали командира на службе. В изложении политработников несознательная жена/сожительница/невеста/ – главный проводник идеологически чуждого влияния и вдохновитель распрей с красноармейцами, сослуживцами, парторганизацией, местными властями, гражданским населением. В конечном итоге взаимное отчуждение супругов вызывало нервные расстройства, усугубляло девиантное поведение, вело к росту насилия и распаду браков. Аналогичные явления наблюдались и среди холостого комсостава, для которого невозможность нормально разрешить «женский вопрос» становилась причиной аномалий в половом поведении.

Список литературы

1. Черных А.И. Крылатый Эрос и Промфинплан // Социологические исследования. – 1993. – № 8.
2. Квиринг Э.В. Жены и быт // Партийная этика: Документы и материалы дискуссии 20-х годов / сост. и авт. примеч. М. А. Макаревич]. – М.: Политиздат, 1989.
3. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 9. Оп. 28. Д. 1250.
4. РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 261.
5. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 812.
6. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 707.
7. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 711.
8. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 791.
9. РГВА. Ф. 9. Оп. 17. Д. 166.
10. РГВА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 236.
11. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 69.
12. РГВА. Ф. 25899. Оп. 2. Д. 419.
13. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 1275.
14. РГВА. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 262.
15. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 468.
16. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 432.
17. РГВА. Ф. 25888. Оп. 2. Д. 1323.
18. РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 46.
19. РГВА. Ф. 28348. Оп. 1. Д. 39.
20. РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 397.
21. РГВА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 205.
22. РГВА. Ф. 25899. Оп. 2. Д. 425.
23. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 600.
24. РГВА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 291.
25. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 109.
26. РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 484.

27. РГВА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 426.
28. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 115.
29. РГВА. Ф. 9. Оп. 18. Д. 308.
30. Шапошников Б.М. Воспоминания. Военно-научные труды. – М.: Воениздат, 1982.
31. РГВА. Ф. 25899. Оп. 2. Д. 434.
32. РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 112.
33. РГВА. Ф. 9. Оп. 18. Д. 223.
34. РГВА. Ф. 9. Оп. 17. Д. 211.
35. РГВА. Ф. 25899. Оп. 2. Д. 449.
36. РГВА. Ф. 9. Оп. 18. Д. 273.
37. РГВА. Ф. 25896. Оп. 2. Д. 51.
38. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 202.
39. РГВА. Ф. 25883. Оп. 5. Д. 2274.
40. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 53.
41. РГВА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 412.
42. РГВА. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 273.
43. РГВА. Ф. 25899. Оп. 6. Д. 5.
44. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 129.
45. РГВА. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 264.
46. РГВА. Ф. 25888. Оп. 2. Д. 1327.
47. РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 107.
48. РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 244.
49. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 103.
50. РГВА. Ф. 25899. Оп. 1. Д. 63.
51. РГВА. Ф. 9. Оп. 17. Д. 218.
52. РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 250.
53. Елизарова А.И. Воспоминания // Коммунистка. – 1922. – № 2.
54. Коллонтай А.М. Новая мораль и рабочий класс. – М., 1919.
55. Коллонтай А.М. Предисловие Резолюции Первого Всероссийского совещания работниц. Пг., 1920.
56. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 1264.
57. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 187.
58. РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 258.
59. РГВА. Ф. 9. Оп. 17. Д. 186.
60. РГВА. Ф. 25899. Оп. 6. Д. 5.
61. РГВА. Ф. 25895. Оп. 2. Д. 13.
62. РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 256.
63. РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 262.
64. РГВА. Ф. 9. Оп. 18. Д. 319.
65. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 55.
66. РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 497.
67. РГВА. Ф. 9. Оп. 18. Д. 274.
68. РГВА. Ф. 25883. Оп. 2. Д. 1184.
69. РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 255.
70. РГВА. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 276.
71. Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. – М.: НЛО, 2016.
72. РГВА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 237.
73. РГВА. Ф. 25888. Оп. 1. Д. 188.
74. РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 631.

75. РГБА. Ф. 25899. Оп. 5. Д. 759.

76. РГБА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 56.

References

1. Chernyh A.I. *Krylatyj EHros i Promfinplan* [Winged Eros and financial plan] // *Sociologicheskie issledovaniya*. 1993. № 8.

2. *Kviring EH.V. ZHeny i byt* [Wives and be] // *Partijnaya ehtika. Diskussii 1920-h godov* [Party ethics: Documents and discussion materials of the 20s] [Comp. and auth. note. M. A. Makarevich]. M., 1989.

3. *Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv* (dalee – RGVA). F. 9. Op. 28. D. 1250.

4. RGVA. F. 25895. Op. 1. D. 261.

5. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 812.

6. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 707.

7. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 711.

8. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 791.

9. RGVA. F. 9. Op. 17. D. 166.

10. RGVA. F. 9. Op. 3. D. 236.

11. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 69.

12. RGVA. F. 25899. Op. 2. D. 419.

13. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 1275.

14. RGVA. F. 25893. Op. 1. D. 262.

15. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 468.

16. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 432.

17. RGVA. F. 25888. Op. 2. D. 1323.

18. RGVA. F. 25896. Op. 9. D. 46.

19. RGVA. F. 28348. Op. 1. D. 39.

20. RGVA. F. 9. Op. 26. D. 397.

21. RGVA. F. 9. Op. 3. D. 205.

22. RGVA. F. 25899. Op. 2. D. 425.

23. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 600.

24. RGVA. F. 9. Op. 3. D. 291.

25. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 109.

26. RGVA. F. 9. Op. 26. D. 484.

27. RGVA. F. 9. Op. 3. D. 426.

28. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 115.

29. RGVA. F. 9. Op. 18. D. 308.

30. *Shaposhnikov B.M. Vospominaniya. Voенno-nauchnye trudy* [Memory lane. Military-scientific works]. M., 1982.

31. RGVA. F. 25899. Op. 2. D. 434.

32. RGVA. F. 9. Op. 26. D. 112.

33. RGVA. F. 9. Op. 18. D. 223.

34. RGVA. F. 9. Op. 17. D. 211.

35. RGVA. F. 25899. Op. 2. D. 449.

36. RGVA. F. 9. Op. 18. D. 273.

37. RGVA. F. 25896. Op. 2. D. 51.

38. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 202.

39. RGVA. F. 25883. Op. 5. D. 2274.

40. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 53.

41. RGVA. F. 9. Op. 3. D. 412.

42. RGVA. F. 25893. Op. 1. D. 273.

43. RGVA. F. 25899. Op. 6. D. 5.

44. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 129.
45. RGVA. F. 25893. Op. 1. D. 264.
46. RGVA. F. 25888. Op. 2. D. 1327.
47. RGVA. F. 4. Op. 1. D. 107.
48. RGVA. F. 25895. Op. 1. D. 244.
49. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 103.
50. RGVA. F. 25899. Op. 1. D. 63.
51. RGVA. F. 9. Op. 17. D. 218.
52. RGVA. F. 9. Op. 26. D. 250.
53. *Elizarova A.I. Vospominaniya* [Memory lane] // *Kommunistka*. 1922. № 2.
54. *Kollontaj A.M. Novaya moral' i rabochij klass* [New morality and the working class]. M., 1919.
55. *Kollontaj A.M. Predislovie Rezolyucii Pervogo Vserossijskogo soveshchaniya rabotnic* [Preface of the Resolution of the First all-Russian meeting of workers]. Pg., 1920.
56. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 1264.
57. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 187.
58. RGVA. F. 9. Op. 26. D. 258.
59. RGVA. F. 9. Op. 17. D. 186.
60. RGVA. F. 25899. Op. 6. D. 5.
61. RGVA. F. 25895. Op. 2. D. 13.
62. RGVA. F. 9. Op. 26. D. 256.
63. RGVA. F. 9. Op. 26. D. 262.
64. RGVA. F. 9. Op. 18. D. 319.
65. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 55.
66. RGVA. F. 9. Op. 26. D. 497.
67. RGVA. F. 9. Op. 18. D. 274.
68. RGVA. F. 25883. Op. 2. D. 1184.
69. RGVA. F. 25895. Op. 1. D. 255.
70. RGVA. F. 25893. Op. 1. D. 276.
71. *Lebina N.B. Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii* [Soviet everyday life: norms and anomalies]. M. 2016.
72. RGVA. F. 9. Op. 3. D. 237.
73. RGVA. F. 25888. Op. 1. D. 188.
74. RGVA. F. 4. Op. 1. D. 631.
75. RGVA. F. 25899. Op. 5. D. 759.
76. RGVA. F. 25895. Op. 1. D. 56.

Статья поступила в редакцию 28.02.2019

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

УДК 378(091)"19":636.1(47)

ГРНТИ03.21.31: История России Нового времени

Д.А. Мельникова

Коннозаводское образование в Российской империи (вторая четверть XIX – начало XX в.)

В статье на основе комплекса разнообразных источников анализируется система подготовки персонала для государственных конских учреждений, которые с 1843 г. входили в состав Управления государственного коннозаводства – ведомства, контролирующего коневодческую отрасль Российской империи. Одним из элементов государственного коннозаводства являлись конские заводы, в которых разводили породистых лошадей. Территории заводов включали коннозаводские округа, население которых состояло из крестьян, принадлежащих до начала 1860-х гг. Управлению государственного коннозаводства. С 1864 г. коннозаводские крестьяне были уравниены в правах с государственными. Крестьяне выполняли все работы в качестве нижних чинов по обеспечению заводов, условия которых требовали предварительной подготовки персонала. Начальное образование дети крестьян получали в сельских училищах.

Обучение нижних чинов осуществлялось с учетом специфики будущей работы. Учащиеся посещали занятия по общеобразовательным, специализированным предметам. Много внимания уделялось практической стороне обучения. Программы учебных заведений формировались Управлением государственного коннозаводства, которое учитывало внутренние потребности коневодческой отрасли.

Ключевые слова: коннозаводские училища, Главное управление государственного коннозаводства, нижние чины, коннозаводство, Хреновская школа, лошади, ветеринария.

D.A. Mel'nikova

Horse breeding education in the Russian Empire (second quarter of XIX – beginning of the XX centuries)

The article according to the complex of different sources analyses the system of personnel training for state horse breeding institutions, which were the part of the State Horse Breeding Department – the agency controlling the horse-breeding industry of the Russian Empire since 1843. One of the elements of state horse breeding were horse farms for breeding thoroughbred horses. The territories of the factories included horse-breeding districts, whose population consisted of peasants belonging to the early 1860s to the Horse Breeding Department. Since 1864 horse-breeding peasants were equalized with the state. The peasants performed all the work as lower ranks to provide the

plants, the conditions of which required preliminary training of personnel. Peasants' children received primary education in rural schools.

Lower ranks training was carried out taking into account the specifics of future work. Students attended classes in general education, specialized subjects. Much attention was paid to the practical side of learning. The programs of educational institutions were formed by the State Horse Breeding Department, which took into account the internal needs of the horse-breeding industry.

Key words: horse breeding colleges, Main Department of State Horse Breeding, lower ranks, horse breeding, Hrenovskaya school, horses, veterinary medicine.

Коневодство Российской империи со второй четверти XIX в. состояло в ведении Главного управления государственного коннозаводства¹, деятельность которого полностью была сосредоточена на контроле, улучшении, поддержании всех направлений данной отрасли. Одним из элементов системы государственного коннозаводства были конские заводы, работа которых была направлена на разведение лошадей различных пород в зависимости от потребностей страны. В момент учреждения Управления государственного коннозаводства в 1843 г. к нему были причислены: Деркульский, Ново-Александровский, Лимаревский, Стрелецкий конные заводы в Харьковской губернии², Починковский конный завод в Нижегородской губернии и рассадник кровных лошадей в Скопине. В 1845 г. Управлением государственного коннозаводства был приобретен Хреновской конный завод в Воронежской губернии [1, с. 109]. В дальнейшем, на протяжении второй половины XIX в. система государственных конских заводов неоднократно подвергалась изменениям.

Заводам Харьковской и Нижегородской губернии принадлежали территории – коннозаводские волости, большую часть населения которых составляли коннозаводские крестьяне, проходившие службу при заводах в качестве нижних чинов [2, с. 119, 123–124].

С целью подготовки прислуги для конных заводов Управление государственного коннозаводства создавало учебные заведения, в которых дети нижних чинов проходили начальное обучение. До 1834 г., когда государственные конские заводы находились в статусе военных и подчинялись Комитету о коннозаводстве российском и Управлению Императорскими военно-конскими заведениями, первые коннозаводские учебные заведения назывались школами [1, с. 117]. Все мальчики, дети нижних чинов, по достижении 7–9-летнего возраста поступали в школу, где обучались «чтению по гражданской и церковной печати», письму, 4-м правилам арифметики и военному строю [3. Л. 1 об.]. В 15–16 лет мальчики назначались прислугой в разные отделения заво-

¹ С 1843 по 1882 гг. ведомство именовалось как Управление государственного коннозаводства.

² Заводы в Харьковской губернии носили общее название – Беловодские.

дов. Недостатком такой системы было то, что учащиеся не успевали «выучиться не только правильно читать, порядочно писать», но и плохо усваивали арифметику, несмотря на то, что ежедневно с 8 утра до 12 дня и с 4–5 до 6 вечера они находились в школе [3. Л. 2]. Летом в 5–6 вечера учащиеся выходили на площадь для обучения строю и маршировке. «Практическая сторона приготовления мальчиков к заводской службе не имела правильного распределения» [3. Л. 2].

В 1843 г. школы были преобразованы и разделены на два отделения: старшее и младшее, но при одном учителе, в помощь которому для младшего возраста назначались по два «более даровитых школьника» [3. Л. 2 об.]. К предметам преподавания были добавлены: краткая история Ветхого и Нового завета, «начатки православной веры», заучивание главных молитв и их пение перед занятиями и после.

«Практические занятия школьников по заводу получили более определенный порядок» [3. Л. 2 об.]. Школьники были разделены на четыре возрастные категории: младшие от 7 до 9–10 лет; два отделения подростков: первое – от 9–10 до 12, второе от 12 до 16 и 17 лет; затем взрослые. «Первое отделение подростков назначалось к отъемам, второе к годовому возрасту, а взрослые вообще по заводу, где требуется более опытности и более физических сил» [3. Л. 2 об.]. Лучшие выпускники из взрослых учащихся назначались в ученики: писарские, архитекторские, землемерские, фельдшерские, коновальные, берейторские, в частные помощники. Менее способных отдавали для обучения «различным мастерствам»: слесарному, кузнечному, сапожному, шорному, малярному, плотничному [3. Л. 3].

Первое отделение подростков в течение августа, сентября, октября, иногда до первой половины ноября утром было обязано «явиться к отъемам» и к 9 часам окончить уборку [3. Л. 3 об.]. В каждый сарай, где помещалось от 10 до 12 отъемышей, назначалось по 2–3 школьника, которые чистили сараи, застилали их чистой свежей подстилкой, раздавали овес, закладывали сено, чистили жеребят, беря каждого на недоуздок, что «первоначально не обходилось без помощи конюха».

После обеда в 3–4 ч дня учащиеся возвращались из школы обратно к жеребяткам, выводили их во двор, приучали к «поворотам» [3. Л. 4]. Каждый мальчик был обязан знать всех жеребят своего сарая: помнить имя, масть, родителей жеребенка, уметь наглядно рассказать об особых приметах, если таковые имелись. Мальчики, отличавшиеся хорошей памятью, усердием и вниманием «производились в ефрейторы» [3. Л. 4]. Подростки второго отделения ухаживали за жеребятками годового возраста. «Более сухие, легкие и не очень рослые

мальчики из этого отделения назначались к уходу за образчиками¹, которые заезжались ими уже под верх, начиная с 2,5 летнего возраст» [3. Л. 4 об.]. Из этих мальчиков выбирали будущих жокеев для придворной конюшни и пробных скачек.

В 1843 г. школы при Беловодских заводах были преобразованы в училища, так как программа первых не соответствовала поставленным целям Управления государственного коннозаводства [4. Л. 12]. Преобразования 1843–1844 гг. были осуществлены «в намерении связать заведения с общей системой коннозаводского образования, и иметь возможность получать из них воспитанников для высшего специального образования по коннозаводству» [4. Л. 14].

По неосуществленному проекту Управления государственного коннозаводства новые учебные заведения должны были стать первым этапом в системе коннозаводского образования. Высшей ступенью предполагалось учредить коннозаводской и ветеринарный институты [4. Л. 14]. Разница между существующими и предполагаемыми заведениями состояла в программах обучения: «для людей полезных для коннозаводства» подготовка должна была проходить для низших и высших должностей в государственные коннозаводские учреждения, а для ветеринаров – кадров «низшей и высшей степени» [4. Л. 14, 14 об.].

Училища Управления государственного коннозаводства планировалось разделить на два курса: первый соответствующий приходским училищам, а второй – уездным [4. Л. 24 об., 25].

В качестве устава для коннозаводского института планировалось взять для примера «Высочайше утвержденный устав Императорской Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии» и устав Ветеринарной школы в Харькове [4. Л. 15]. По примеру Медико-хирургической академии ученики коннозаводского института должны были делиться на два разряда: первый (высший) – воспитанники благородного происхождения и «люди свободного состояния»; второй или низший – из фельдшеров, кантонистов и «людей, уволенных обществами для избрания рода жизни» [4. Л. 15, 16].

В первый разряд могли быть приняты лица по экзамену на «русском и латинском языке», логике и «начальных основаниях математики» [4. Л. 16]. Поступающие во второй разряд должны были уметь читать и писать по-русски. Возраст поступающих для первого разряда мог быть не менее 17 лет, а для второго не менее 16 лет [4. Л. 16 об.]. По проекту воспитанники первого разряда должны были выпускаться

¹ Осенью в государственных конских заводах из жеребят годового возраста отбиралось 6–8 жеребчиков и столько же кобылок, которых называли «образчиками». До 4-х летнего возраст они круглый год находились в конюшне на сухом корме для подготовки к скачкам.

ветеринарными врачами, а второго разряда – ветеринарными помощниками «с обязанностью прослужить восемь лет по Ветеринарной части в Гражданском или Военном ведомстве» [4. Л. 16 об., 17].

На практике в Российской империи система коннозаводского образования включала только коннозаводские училища и учебные заведения для подготовки наездников. Планы создать коннозаводской институт остались на стадии проекта. Если говорить о ветеринарном образовании, то оно реализовывалось в средних и высших учебных заведениях. В качестве примера мы можем привести Харьковский ветеринарный институт и Медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге. Лучшие выпускники коннозаводских училищ с 1844 г. могли продолжить образование в вышеперечисленных заведениях.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что образовательный проект Управления государственного коннозаводства был осуществлен только лишь для начального этапа подготовки коннозаводских чинов.

Система обучения в коннозаводских училищах, как отмечалось ранее, была направлена на более серьезную, чем в школах, подготовку персонала в государственные коннозаводские заведения. «Для обучения ежегодно принимались сыновья нижних и отставных чинов от 10 до 12 лет по желанию родителей, опекунов или родственников», а «с 1844 г. в училища было разрешено принимать сыновей помещичьих крестьян» от 12 лет [5, с. 78]. По указу от 1845 г. коннозаводских служащих, занимающих должности младших, старших нарядчиков и штутмейстеров, имеющих свидетельство об окончании коннозаводского училища, производили в первый классный чин без экзаменов [6, с. 239].

Штат каждого училища в 1846 г. включал: законоучителя, двух учителей первого курса, учителя второго курса, ветеринара и унтер-офицера для присмотра за воспитанниками [7, с. 52].

Курс обучения составлял два года, каждый из которого подразделялся на первоначальный и окончательный. Воспитанники училищ на первом году обучения в первоначальном классе изучали: грамоту, цифры, «первые начала» Закона Божьего; в первом окончательном классе: продолжение Закона Божьего, священную историю, первые четыре действия арифметики, исчисления на счетах, коновальное искусство и «главнейшие правила хождения за лошадьми» [4. Л. 41].

На второй год в первоначальном классе в программу обучения входили: Закон Божий, русская грамматика до словосочинения, латинская грамматика до глаголов, Русская история до восшествия на престол царствующего дома, арифметика, «общее обозрение русской географии», чистописание; по ветеринарии: краткая анатомия лошади, краткая патология, терапия, фармакология, гигиена, практические занятия в лазаретах [3. Л. 5 об., 6; 4. Л. 41, 41 об.]. Обязательным было

присутствие при расчистке копыт, ковке, таврении, «при разборке лошадей на повода» [3. Л. 6]. Учащиеся старшего отделения оставались на ночные дежурства в лазаретах. Учебный год продолжался 9 месяцев – с 1 августа по 1 мая. С 12-летнего возраста с мая по июнь воспитанники привлекались к практическому изучению коннозаводского искусства «при хождении сперва за жеребьятами и молодыми кобылками, а потом и за рослыми лошадьми» [4. Л. 44 об.].

В конце каждого года воспитанники проходили испытания «в успехах обучения» по 12-балльной системе. Те, кто отличались «особенным прилежанием, успехами в науках и поведением», на экзаменах награждались книгами и похвальными листами [4. Л. 47 об.]. Окончившие второй курс не менее чем с 11 баллами имели возможность продолжить обучение в высших учебных заведениях, воспитанники первого курса поступали в младшие служительские должности при государственных конских заводах и случных конюшнях, некоторые – в лазареты при заводах для обучения фельдшерскому делу.

Снабжение училищ книгами и учебными пособиями возлагалось на управляющего завода. В наставники русской грамматики и арифметики назначались учителя из коннозаводских служителей, ранее обучавшиеся в коннозаводских училищах. Преподавание Закона Божьего и священной истории поручалось исключительно местным священникам, ветеринарные и коннозаводские дисциплины – ветеринарным врачам [4. Л. 43, 43 об.].

В 1857 г. Управлением государственного коннозаводства были утверждены правила «увольнения детей нижних коннозаводских чинов для зачисления в свободные податные сословия» [2, с. 124]. По причине сокращения учащихся коннозаводские училища были закрыты и открыты вновь в 1860 г. [3. Л. 7, 7 об.].

На обучение принимались мальчики от 10 лет. Каждому назначались: одежда, провиант – по 1,5 четверти муки и $\frac{1}{2}$ четверти крупы, денежное жалованье по 5 р. в год [3. Л. 7 об.]. Обязательным была десятилетняя служба после обучения. Только старшим воспитанникам было разрешено ходить в лазареты и присутствовать при осмотре больных лошадей.

В 1869 г. новая программа подверглась сокращению. Заводские училища «стали равными сельским начальным училищам», а программа преподавания ветеринарии была настолько узкой, что не достигала желаемого результата в обучении [3. Л. 8]. С заменой в заводах нижних чинов вольнонаемной прислужкой в 1864 г. коннозаводские учреждения стали испытывать затруднения при найме, а количество потенциальных учащихся резко сократилось, так как дети старослужащих отправлялись на обучение «разным мастерствам», уклоняясь от обучения в училищах [8, с. 321; 3. Л. 8].

Кроме коннозаводских училищ, в 1868 г. Управление государственного коннозаводства по соглашению с Министерством внутренних дел открыло прием крестьянских мальчиков в заводские конюшни¹ [9. Л. 6]. В каждую конюшню на бесплатное 5-летнее обучение могло быть принято не более пяти учащихся в возрасте от 15 до 18 лет. Одежда и продовольствие было «установлено относить на счет крестьянских обществ» [9. Л. 6].

Программа обучения включала: первые правила ветеринарной науки «в том размере, как это необходимо для коновального фельдшера», «выкладывание жеребчиков», расчистку копыт и правильную ковку лошадей, уход за лошадей [9. Л. 6]. Обязанности по обучению возлагались на ветеринаров при заводских конюшнях.

По причине отсутствия желающих поступить в коннозаводские учреждения прием крестьянских мальчиков постепенно прекратился. В 1889 г. по ходатайству Уфимской уездной земской управы был возобновлен набор в Уфимскую заводскую конюшню [9. Л. 6]. «Вновь стали поступать из разных губерний заявления крестьян о желании определить их сыновей в учреждения Государственного коннозаводства для обучения началам ветеринарии и уходу за лошадьми» [9. Л. 6].

Новые правила устанавливали прием не более 10 мальчиков от 15 до 18 лет, окончивших успешно курс сельских училищ. Срок обучения определялся от трех до пяти лет. Одежду для учащихся предоставляло земство. На одного учащегося в год полагалось: три рубахи, трое подштанников, две пары сапог, трое портянок, две пары шерстяных чулок. На два года выдавалось: полушубок до колен, куртка или полукафтан по колено, шаровары из крестьянского сукна, шерстяные рукавицы, куртка или полукафтан и летние шаровары из белого толстого крестьянского холста, фуражка, кушак, войлок и подушка для постели [9. Л. 6].

В месяц на одного мальчика выделялось 6 р. на содержание. Ветеринару, обучавшему пятерых в год, выплачивалось 150 р., а если их число было более пяти, то 200 р. в год.

В дальнейшем не все конюшни дали согласие на прием крестьянских детей. Саратовская, Екатеринославская, Смоленская, Тифлисская заводские конюшни и Яновский конный завод отказались от приема, так как не имели помещений для занятий и общежития учащихся [9. Л. 11, 12, 26, 30, 62]. Виленская конюшня отчасти согласилась с прописанными в правилах условиями, исключая оплату ветеринару [9. Л. 15 об.]. Хреновская конюшня отказалась «за неимением учащихся», так как к тому времени на территории Хреновского завода были открыты коннозаводская школа для детей крестьянских

¹Заводские конюшни – учреждения Управления государственного коннозаводства, создаваемые с 1864 г. для получения приплода от казенных жеребцов и частных кобыл.

служителей и школа наездников [9. Л. 52]. Согласие на прием мальчиков дали: Тамбовская, Рязанская, Терская, Донская, Киевская, Починковская, Вятская, Ярославская, Орловская, Тверская, Черниговская, Харьковская, Таврическая и Полтавская конюшни [9. Л. 10, 13, 16, 18, 20, 21, 22 об., 23, 24, 25, 28–29, 54, 58, 60, 69 об.].

Создание коннозаводских училищ и открытие курса обучения при заводских конюшнях было направлено на подготовку персонала для присмотра, ухода и лечения лошадей. Кроме подготовки персонала Управление государственного коннозаводства заботилось об образовании коннозаводских крестьян на территории волостей государственных конских заводов. К 1844 г. в Беловодской волости действовало четыре приходских училища, в Починковской волости – пять, а в Скопинской – три [2, с. 119].

В 1845 г. с целью обратить внимание «на религиозно-нравственное образование крестьянских дочерей» было «признано нужным учредить» сельское училище для крестьянских девочек 10–12 лет в Беловодском коннозаводском округе [10. Л. 1 об., 2, 3].

К 1870–1880 гг. Управление государственного коннозаводства уделяло внимание развитию конных испытаний, которые были необходимы для поощрения владельцев лошадей разводить породистое качественное поголовье. Коннозаводчики и любители лошадей с особым интересом относились к рысистой породе, которая была выведена усилиями графа А.Г. Орлова-Чесменского.

«Граф...отлично ездил верхом и выезжал сам молодых лошадей. Составив рысистую породу...сам создал и все правила управления рысаком, его выезде и езде на нем как в дрожках, так и в санях» [11, с. 2]. Существовала легенда, что А.Г. Орлов-Чесменский «выписал калмыка» из Астрахани и ездовых упряжных пород. Совмещая их мастерство и теорию верховой езды, графу удалось составить «новую теорию езды на рысаках» [11, с. 2]. Среди лучших графских наездников отмечали: С. Белого, С. Черного, С. Мочалкина, известного под именем Сеньки Дрезденского¹. В 15 лет С. Белый подготовил И.Н. Рогова – простого рядчика артели кирпичников, работавших в Хреновом в 1815 г. Кроме него, у Белого прошел обучение Сидор Васильевич Клычев – крепостной известного коннозаводчика, основателя Лавровского конного завода В.П. Войекова.

В 1830-е гг. известные коннозаводчики В.И. Шишкин, И.Д. Ознобишин, В.В. и Н.И. Тулиновы, В.И. Охотников, И.Н. Дубовицкий отдавали крепостных мальчиков для обучения искусству наездника за плату на два года. Из сотни учеников не более десяти становились хорошими ездоками [11, с. 3]. Так продолжалось до 1861 г. После отме-

¹ Прозвище Дрезденский Семен Мочалкин получил после того, как граф А.Г. Орлов-Чесменский брал его с собой в поездку в Дрезден.

ны крепостного права «означенный способ образования наездников прекратился сам собою» [12, с. 3], вследствие чего искусство наездника «стало передаваться преемственно, из рук в руки, только некоторому, крайне ограниченному числу лиц» [12, с. 3].

В 1872 г. на беговые испытания с участием рысаков было выделено 33 682 р. 65 к. Через 10 лет, в 1882 г. сумма составила уже 129 146 р. 91 к. [12, с. 1]. «Народная страсть к рысистой лошади и вследствие того ощущаемая среди достаточного класса населения необходимость завести рысаком сделали производство этого сорта лошадей весьма прибыльным» [12, с. 1].

Известность русского рысака распространялась далеко за пределы Российской империи. В 1879 г. в Англию были проданы четыре рысака на общую сумму 26 000 р., в Пруссию – 13 рысаков на сумму 47 400 р. [12, с. 2]. Цена каждой лошади колебалась от 2 до 15 тыс. р. Во второй половине XIX в. в Берлине, Гамбурге, Вене, городах Франции и Италии организовывались рысистые бега, на которых русские лошади становились победителями.

«Вместе с существованием дорогой лошади» были необходимы опытные руки, умеющие ею управлять [12, с. 2]. На рубеже 1870–1880 гг. в России возникла необходимость в профессиональных наездниках, без которых было затруднительно дальнейшее развитие рысистого дела. «На ощутительный недостаток в наездниках чаще и чаще стали раздаваться жалобы заводчиков рысистых лошадей» [12, с. 3].

Для решения проблемы в 1881 г. с Высочайшего разрешения главноуправляющего государственным коннозаводством И.И. Воронцовым-Дашковым была учреждена Хреновская школа наездников, первый прием обучающихся в которую состоялся в 1882 г.

Штат учеников комплектовался выпускниками коннозаводских училищ, а также «питомцами» Императорских Санкт-Петербургского и Московского воспитательных домов [З. Л. 89 об.]. Обучение для них было бесплатным, а остальные вносили плату 40 р. в год [12, с. 4]. Принимались учащиеся от 16 до 18 лет, здоровые и физически развитые. Обязательным условием было обладание «элементарными познаниями в объеме по крайней мере, одноклассных сельских училищ» и наличие свидетельства об «успешном окончании курса наук» [З. Л. 90]. Срок обучения составлял два года. Учебный год начинался в мае. Первый выпуск состоялся в 1884 г. В качестве экзамена были организованы практические и устные испытания, а по итогам обучения выпускники получали свидетельство «на звание наездника» и были обязаны отслужить в каком-либо государственном коннозаводском учреждении четыре года на должности наездника, нарядчика или старшего конюха [З. Л. 92 об., 93]. Главноуправляющий государственного коннозаводства «вступил в соглашение с военным министром, в силу коего постановлено, чтобы воспитанники школы наездников, от-

бывающие по окончании курса воинскую повинность, назначались на службу в бригады кавалерийского запаса, а затем, по получении ими первоначального воинского образования, зачислялись в ветеринарные ученики, и по выдержании испытаний, – в ветеринарные фельдшеры» [12, с. 6].

Предметом изучения в Хреновской школе было «все что относится к конюшенному хозяйству, к уходу за лошадьми, к их как первоначальной выездке, так и к методической выездке и выдержке для рысистых испытаний на беговых ипподромах» [З. Л. 90 об., 91]. Учащиеся посещали кузницу, лазарет, конюшни, варки¹, а летом табуны. Курс обучения включал общеобразовательные предметы: Закон Божий, русскую грамматику и арифметику. По специальным предметам изучались подробный экстерьер лошади, основы анатомии, «основание иппологии заводского искусства и ветеринарии и более подробные сведения о болезнях ног вообще и копыт в частности», правила ковки и расчистки копыт [13, с. 2]. В случае хромоты лошади ученики не только присутствовали при ее лечении, но и самостоятельно делали перевязки, а также применяли «разные врачебные пособия больной лошади» [13, с. 2].

Теоретически и практически изучались правила ухода за лошадьми. Каждый ученик чистил лошадь, готовил ее к езде и запрягал. Изучение общих и специальных предметов происходило осенью и зимой, немного весной. Распорядок дня в школе был следующим: с 6 утра до 12 дня учащиеся занимались ездой и чисткой лошадей, с 12 до 3 дня был отдых, а с 3 до 7 вечера – теоретические занятия [12, с. 4]. В независимости от времени года учащиеся каждый день обучались верховой езде, которую в 1885 г. преподавал старший наездник Тихон Петрович Горбунов – ученик известного ездока И.Н. Рогова [13, с. 3].

Коннозаводское образование в Российской империи прошло несколько этапов, на каждом из которых создание учебных заведений происходило с учетом потребностей и пожеланий Управления государственного коннозаводства, которое контролировало коневодческую отрасль. Первые коннозаводские школы появились при государственных конских заводах до создания Управления. С появлением нового ведомства программа государственного коннозаводства была пересмотрена, коннозаводские школы преобразованы в училища. Кроме того, обучение персонала коннозаводских учреждений реализовывалось в заводских случных конюшнях. Новым этапом в системе коннозаводского образования стало учреждение Хреновской школы наездников, необходимость в которой была вызвана острой нехваткой квалифицированных ездоков для рысистого дела к последней четверти XIX в.

¹ Варок – огороженная площадка для выгула лошадей.

Список литературы

1. Зезюлинский Н.Ф. Историческое исследование о коннозаводском деле в России. Вып. 3. – СПб.: Типо-лит. Месника-Римана, 1893. [2], 223 с.
2. Мельникова Д.А. Коннозаводские крестьяне в Российской империи в середине XIX в. // История повседневности. – 2018. – № 1(6). – С. 118–126.
3. Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 412. Оп. 4. Д. 1275.
4. РГИА. Ф. 412. Оп. 3. Д. 48.
5. Мельникова Д.А. Хозяйственное и техническое обеспечение государственных конских заводов Российской империи во второй четверти XIX – начале XX в. // История повседневности. – 2019. – № 1 (9). – С. 68–82.
6. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. второе. 1845. Т. XX. № 18763.
7. ПСЗ. Собр. второе. 1846. Т. XXI. Штаты и таблицы. № 19761.
8. Обзор Управления государственными имуществами за последние 25 лет с 19 февраля 1855 по 19 февраля 1880 года, представленный государю императору управляющим Министерством государственных имуществ. – СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1880. – 441 с.
9. РГИА. Ф. 412. Оп. 4. Д. 2236.
10. РГИА. Ф. 412. Оп. 2. Д. 304.
11. Стахович А.А. Об организации общества для образования наездников и смотрителей конских заводов; Проект устава общества для образования наездников и смотрителей заводов и школы этого общества. – СПб.: Тип. Э. Метцига, 1875. – 36 с.
12. Школа наездников рысистых лошадей при Хреновском государственном конском заводе // Журнал коннозаводства. – 1884. – № 8. – С. 1–7.
13. Стахович А.А. Школа наездников в селе Хреновом. – СПб.: Тип. Месника и Римана, 1885. – 32 с.

References

1. *Zejulinskij N.F. Istoricheskoe issledovanie o konnozavodskom dele v Rossii* [Historical study of horse breeding in Russia]. Vyp. 3. SPb.: Tipo-lit. Mesnika-Rimana, 1893. [2], 223 p.
2. *Mel'nikova D.A. Konnozavodskie krest'jane v Rossijskoj imperii v seredine XIX v.* [Horse-breeding Farm Peasants in the middle XIX century in Russian Empire] // *Istorija povsednevnosti* [History of Everyday Life]. 2018. № 1 (6). P. 118–126.
3. *Rossijskij Gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA)* [Russian state historical archive]. F. 412. Op. 4. D. 1275.
4. *RGIA*. F. 412. Op. 3. D. 48.
5. *Mel'nikova D.A. Hozjajstvennoe i tehničeskoe obespechenie gosudarstvennyh konskih zavodov Rossijskoj imperii vo vtoroj chetverti XIX – nachale XX v.* [Economic and technical support of state horse factories of the Russian Empire from the second quarter of XIX – beginning of the XX centuries] // *Istorija povsednevnosti* [History of Everyday Life]. 2019. № 1 (9). P. 68–82.
6. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZ)* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Sobr. vtoroe. 1845. T. XX. № 18763.
7. *PSZ*. Sobr. vtoroe. 1846. T. XXI. Shtatyitabeli. № 19761.
8. *Obzor Upravlenija gosudarstvennymi imushhestvami za poslednie 25 let s 19 fevralja 1855 po 19 fevralja 1880 goda, predstavlenyj gosudarju imperatoru upravljajushhim Ministerstvom gosudarstvennyh imushhestv* [Review of the State Property Management for the last 25 years from February 19, 1855 to February 19, 1880, pre-

sented to the Emperor by the Governor of the Ministry of State Property]. SPb.: Tip. tovarishhestva «Obshhestvennaja pol'za», 1880. – 441 p.

9. RGIA. F. 412. Op. 4. D. 2236.

10. RGIA. F. 412. Op. 2. D. 304.

11. *Stahovich A. A. Ob organizacii obshhestva dlja obrazovanija naezdnikov i smotritelej konskih zavodov; Proekt ustava obshhestva dlja obrazovanija naezdnikov i smotritelej zavodov i shkolyj etogo obshhestva* [About the organization of society for the education of horsemen and caretakers of horse factories; Draft charter of a society for the education of equestrians and caretakers of factories and schools of this society]. SPb.: tip. Je. Metciga, 1875. 36 p.

12. *Shkola naezdnikov rysistyh loshadej pri Hrenovskom gosudarstvennom konskom zavode* [School of trotters of trotting horses at the Khrenovsky State Horse Stud] // *Zhurnal konnozavodstva* [Journal of horse breeding]. 1884. № 8. P. 1–7.

13. *Stahovich A.A. Shkola naezdnikov v sele Hrenovom* [School riders in the village of Khrenovo]. SPb.: Tip. Mesnika i Rimana, 1885. 32 p.

Статья поступила в редакцию 18.04.2019

Е.В. Дианова

Популяризация метрической системы в кооперативной печати Европейского Севера в 1920-е гг.

В статье рассматривается репрезентация метрической реформы в кооперативных журналах, издававшихся в первое десятилетие советской власти на Европейском Севере: «Кооперация Севера» и «Северный хозяин» (Вологда), «Северный кооператор» (Архангельск), «Олонецкий кооператор» (Петрозаводск), «Смычка города с деревней» (Великий Устюг). На основе помещенных в них публикаций анализируются методы формирования коллективных представлений о метрической системе (описание, сравнение, аналогия). Показано значение кооперативной печати 1920-х гг. в трансляции постановлений государственных органов о сроках проведения метрической реформы и информировании населения о введении метрических мер в оптовой и розничной торговле, различных отраслях промышленности, лесных промыслах, хлебозаготовках. Кооперативная периодика представлена как средство популяризации метрической системы, призванное доказать ее преимущества, простоту и удобство в обращении. На местах кооперативные журналы становились источником сведений о метрических мерах, помещая у себя таблицы перевода русских мер в десятичные меры и обратно.

Ключевые слова: метрическая реформа, десятичные метрические меры, старые русские меры, кооперация, кооперативная печать, популяризация мер.

E. V. Dianova

Promoting of the metric system in the cooperative press of the European North in the 1920s

The article considers representation of metric reform in the cooperative magazines issued in the first decade of the Soviet power in the European North: "Cooperation of the North" and "Northern owner" (Vologda), "Northern cooperators" (Arkhangelsk), "Olonets cooperators" (Petrozavodsk), "City bow with the village" (Velikiy Ustyug). On the basis of the publications placed in them methods of formation of collective ideas of the metric system (the description, comparison, analogy) are analyzed. The value of the cooperative press of the 1920s in broadcast of resolutions of public authorities on terms of carrying out metric reform and informing the population on introduction of metric measures in wholesale and retail trade, various industries, forest crafts, grain-collections is shown. The cooperative periodical press is submitted as the means of promoting of the metric system designed to prove its advantages, simplicity and convenience in the address. On places cooperative magazines became a source of data on metric measures, placing by themselves tables of the transfer of the Russian measures to decimal measures and back.

Key words: metric reform, decimal metric measures, old Russian measures, cooperation, cooperative press, promoting.

Метрическая реформа как проявление социальной модернизации обусловила взаимодействие и взаимное влияние процессов, происходивших в сельском хозяйстве, промышленности, торговле, культуре и образовании. В 1920-е гг. в проведении метрической реформы приняли активное участие кооперативные организации. Кооперативы, добровольные объединения потребителей и мелких товаропроизводителей, выполняли коммуникативную функцию между государством и различными группами населения, используя в качестве основного и самого распространенного в то время средства массовой информации и коммуникации – печать – для пропаганды метрической реформы. Популяризация метрических мер с целью их включения в экономическую повседневность являлась одним из условий успешного проведения метрической реформы.

Кооперативная печать выступала как канал для передачи официальных сообщений и постановлений советской власти. Так, в Петрозаводске информация о декрете СНК РСФСР «О введении Международной метрической десятичной системы мер и весов» от 11 сентября 1918 г. была опубликована в журнале «Олонецкий кооператор». Население Олонецкой губернии узнало, что декрет определял «положить в основание всех измерений, производимых в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике, международную метрическую систему мер и весов с десятичными подразделениями и производными» и «принять за основу единицы длины метр, а за основу единицы веса (массы) килограмм» [1, с. 32–33].

Декрет о введении метрической системы от 11 сентября 1918 г. в отличие от других мероприятий советской власти не вызвал возмущения со стороны кооперативных работников. Переход к новым десятичным мерам не был для кооператоров затруднительным делом, поскольку участие в торговле с Западной Европой, ведение экспортно-импортных операций приучили их обращаться как с русскими мерами, так и с международной метрической системой. Принятые от крестьянства лен, зерно, масло в фунтах и пудах для продажи за границу переводились в килограммы и центнеры.

По декрету от 11 сентября 1918 г. всю работу по введению метрической системы планировалось завершить к 1 января 1922 г., но в условиях Гражданской войны и иностранной военной интервенции данное намерение большевиков не осуществилось. Практическое осуществление и «проведение в жизнь» метрической реформы задержали «различные обстоятельства, преимущественно технического характера, отсутствие специального оборудования и соответствующих материалов» [2, с. 68].

После окончания Гражданской войны советское правительство вернулось к проведению метрической реформы. Декрет СНК РСФСР «Об отдалении срока введения метрической системы» от 29 мая 1922 г. продлил переходный период на новую систему мер до 1 января 1927 г. С этого дня «русские меры – аршин и фунт – должны официально уйти со сцены, кануть в прошлое русского народа и уступить место метрическим мерам – метру и килограмму» [3, с. 27].

Кооператоры указывали на своевременность проведения метрической реформы, поскольку «русские меры выкинуты самой жизнью». По их мнению, «более удачного и подходящего момента для замены русских мер метрическими не было и не будет». Соответственно, «метрическая система должна быть введена теперь или никогда» [3, с. 27].

Основная задача кооперации при переходе на метрическую систему состояла в популяризации метрической реформы, во «внедрении в сознание широких масс ясного в практическом отношении представления об основных метрических единицах веса, длины, объема» [4, с. 60]. В стране издавались пособия о метрических мерах, но данная литература не стала «достоянием широких масс населения». Более значительную роль в популяризации метрической реформы могла бы сыграть официальная периодика, но приходилось «констатировать тот факт, что освещение вопроса о введении метрической системы на столбцах повседневной прессы у нас почти совершенно отсутствует, а если и отмечается, то крайне редко и слабо» [3, с. 28]. Поэтому функции популяризации метрической системы брала на себя кооперативная печать.

В журнале «Кооперация Севера», издаваемом Вологодским губернским союзом северных кооперативов («Северосоюзом»), а с 1925 г. – Вологодским губернским кооперативным советом, регулярно печатались материалы о введении новой системы мер, о работе Междугосударственной метрической комиссии (1918–1925), затем с 5 июня 1925 г. – Центральной метрической комиссии. В журнале в качестве краткой исторической справки сообщалось, что Международная метрическая система мер и весов получила свое название от положенной в ее основу единицы длины – метра (одна десятиmillionная часть четверти Парижского меридиана). Первое постановление о введении новых мер во Франции относится к 1 нивоза IV года республики (22 декабря 1795 г.). Декрет о принятии метра как основной меры издан 1 термидора I года республики (31 июля 1793 г.). Метр был введен обязательно 22 июня 1799 г., однако его практическое применение в силу различных обстоятельств надолго задержалось. Лишь с 1 января 1840 г. пользование метром стало обязательным [5, с. 115].

Во многих странах метрическая система существовала еще с XIX в. Так, в Бельгии, Голландии, Италии, Австрии она вошла в упо-

требление с 1 января 1876 г., в Германии – с 1 января 1872 г., в Дании, Швейцарии, Швеции, Испании, Португалии, Турции, Египте – с 1875 г., в Мексике – с 1884 г. Финляндия ввела у себя метрическую систему с 1895 г. К 1923 г. за исключением Англии и США, «метрическая система распространилась по всему земному шару и в настоящее время является единственной принятой в науке и преобладающей в практической жизни» [5, с. 115].

При популяризации метрической реформы в печати применялся прием противопоставления повседневного векового опыта применения русских мер и благ, приносимых нововведениями. Воздействие кооперативной печати на читателей особенно заметно при описании достоинств метрической системы при сравнении с громоздкостью старых мер: «Устраняя необходимость сложного и кропотливого перевода мер одной страны в меры другой, она устанавливает единообразие мер для всего мира, в чем состоит ее первая и главная заслуга. Огромное преимущество метрической системы состоит в том, что она основана на нашей десятичной системе исчисления, чем устраняется необходимость производства каких-либо выкладок при раздроблении и превращении». Удобство состояло в том, что «в метрической системе четыре действия арифметики производятся точно так же, как, если бы мы стали производить различные расчеты в сотнях, рублях и копейках» [5, с. 116]. Разъясняя десятичный принцип метрической системы, пропагандисты проводили аналогию со счетом денег и делением рубля на копейки (1 рубль = 100 копеек = 10 гривенников) [6, с. 26].

Необходимость введения метрической системы доказывалась тем, что «в русской системе мер приходится бесполезно затрачивать много времени на превращение вершков и лотов в аршины и фунты и тому подобные операции». Кроме того, в русской системе «разнообразие различных мер для измерения одной величины так велико, что постоянно угрожает путаницей в практических расчетах». Примерами могли служить несколько видов сажени: казенная, морская, маховая, косая, царская, церковная и др. Для измерения земельной площади существовали казенная десятина в 2 400 кв. сажений, сотенная десятина в 10 000 кв. сажений, а также еще и хозяйственная, экономическая десятины [5, с. 116]. Настало время «сдать в архив истории обветшавшую и громоздкую систему русских мер протяжения и веса, бесповоротно заменив ее единой международной метрической системой мер, удобных и простых» [6, с. 24].

Между тем кооперативная печать установила, что «немалым тормозом» в деле успешного проведения метрической реформы стало «отсутствие у многих кооперативных союзов удобопонятных упрощенных таблиц перевода русских мер в метрические и обратно». Кооперативные журналы становились источником формирования знаний и

представлений о новых мерах, помещая у себя «Таблицы с основными единицами метрической системы», «Таблицы соотношения старинных русских мер и десятичных мер». Например, «Таблицы для перевода русских мер в метрические меры и обратно» давали информацию о том, что «единицей длины служит метр: 1 метр = 22,51 вершка = 3,28 фута = 39,37 дюйма. Единицей объема служит кубический дециметр (куб с ребром, равным одной десятой части метра): 1 куб. дециметр = 11,4 куб. вершка = 61,02 куб. дюйма. Единицей веса служит килограмм (вес 1 кубического дециметра воды при 4 градусах по Цельсию): 1 кг = 2,44 фунта» [5, с. 116].

Рабочим и крестьянам, которые ежедневно сталкивались в быту и жизненном укладе с новыми мерами, совсем не обязательно было заучивать все значения мер, так как «для многих приблизительных расчетов, вызываемых потребностями жизни, достаточно знать только приближенные значения соотношений между русскими и метрическими мерами». Для облегчения усвоения новых мер в журналах печатались памятки «Что необходимо знать о метрической системе каждому», где давались примерные соотношения старых и новых мер: метр – это приблизительно полсаженка. Отсюда следует, что при оценке расстояний на земной поверхности можно приблизительно принимать километр за версту; земельная мера метрической системы гектар немного меньше десятины (2400 кв. сажени). Килограмм немного меньше 2,5 фунтов, т. е. около 1/16 пуда, а грамм – почти 1/4 золотника и т. д. [5, с. 118].

Кооперативные журналы не только транслировали сведения о проведении метрической реформы, но и осуществляли структурирование имеющейся информации для лучшего ее восприятия. В первую очередь это касалось сроков введения новых мер в различных отраслях промышленности, в государственной, кооперативной и частной оптовой торговле. По плану Наркомата внутренней торговли метрическая система вводилась: 1 октября 1923 г. в крахмально-паточной и в электротехнической торговле; 1 января 1924 г. – в текстильной оптовой и 1 июля 1924 г. в текстильной розничной торговле; 1 января 1924 г. – в маслобойной промышленности, 1 марта 1924 г. – в табачной, чайно-кофейной и дрожжевой промышленности и торговле, 1 июля 1924 г. – в консервной, пивоваренной, кожевенной, химической, силикатной, металлической, топливной и горной промышленности и торговле, 1 августа – в кондитерской и сахарной промышленности и торговле. Метрические меры вводились в рыночной торговле мукой, зерном и солью, кроме крестьянской торговли с возов на базарах [7, с. 127].

В губерниях Европейского Севера в экономике большую роль играли лесные промыслы и заготовка леса. Кооперативная печать учитывала региональные особенности экономики и обращала внимание

населения, что метрическая реформа проводится в лесном хозяйстве и лесной кооперации. В 1923 г. Межведомственная метрическая комиссия и Управление лесами Наркомата земледелия РСФСР утвердили план перехода на метрическую систему исчисления в лесной промышленности. В первую очередь метрическое исчисление вводилось в северных губерниях (1924), во вторую – в северо-западных губерниях и в Нижегородской губернии (1925). На 1926 г. намечалось введение метрических мер исчисления во всех остальных губерниях РСФСР [8, с. 127].

Государственным лесозаготовительным трестам и трудовым лесным артелям рекомендовалось длину лесоматериалов измерять в метрах, ширину и толщину – в сантиметрах. Также требовалось «дрова исчислять в кубических метрах, а при выкладке полениц принимать вместо кубической сажени куб с ребрами в 2 метра, объемом в 8 кубометров». Центральное управление лесной промышленности наметило начать переход и применение новых мер не с 1 января 1924 г., а с осени 1923 г., а в области распиловки – со спуска в рамы бревен предстоящего сплава и не позже 1 июля 1923 г. [9, с. 30].

Кооператоры информировали крестьянство о введении метрической системы в хлебозаготовках. На основе циркуляра Народного комиссариата внутренней торговли СССР от 20 апреля 1926 г. «О введении метрической системы в хлебных операциях» были установлены сроки обязательного перехода на метрическую систему во всех стадиях хлебного дела в оптовой, полуоптовой торговле и в деле заготовке зерновых и хлебных товаров до 1 июля 1926 г.

Всероссийский центральный союз потребительских обществ (Центросоюз) в свою очередь издал 1 июня 1926 г. циркуляр «О переходе на метрическую систему во всех стадиях хлебного дела». Центросоюз сообщал о введении метрических мер в хлебозаготовках до 1 июля 1926 г., но для всех крестьян, продавцов зерна на ближайшие годы сохранялась система перевода по их требованию цен и веса на пуды. В первичной сети потребкооперации нужно было принять энергичные меры для переделки и переклеймения к 1 июля 1926 г. необходимого количества весов и гирь для снабжения всех мест приемки от крестьян зерновых и хлебных товаров.

При приеме хлеба от крестьянина служащие приемных пунктов были обязаны сообщать крестьянам при их требовании, чему соответствует то или иное количество хлеба в килограммах или центнерах русским мерам (в пудах). Также по просьбе крестьян давались сведения, какой цене за русскую весовую единицу (пуд) соответствует та или иная цена, назначенная за метрическую весовую единицу, например центнер. В отдельных случаях при наличии старых весов и гирь допускалось по требованию крестьян-продавцов производить параллельное взвешивание, т. е. определять вес в русских мерах и по мет-

рической системе. Но такого рода параллельные взвешивания являлись исключением, «отнюдь не превращаясь в отказ от метрической системы».

С 1 июля 1926 г. устанавливалась основная расчетная единица на зерно, масло-семена и продукты их переработки в 1 метрический центнер, т. е. 100 кг (1 центнер = 6,10482 пуда). В этих единицах крестьянину назначалась цена за сданные сельхозпродукты. Вес в приемочных ярлыках, квитанциях и других документах обозначался в центнерах и килограммах. Обозначение в тех или иных документах весового количества хлебных и зерновых продуктов в пудах и фунтах после перехода на метрическую систему отменялось.

Ссыпные пункты, расположенные в городах, на пристанях и на железнодорожных станциях, не имевшие метрического инвентаря должны были быть закрыты с 1 июля 1926 г. Персонал пунктов, снабженных метрическим инвентарем и таблицами, но ведущими заготовку в старых мерах, пудах, привлекался к ответственности «за невыполнение постановления правительства». В ссыпных пунктах, находящихся в местностях, удаленных от железнодорожных станций и пристаней, разрешалось использование старого весового инвентаря до 1 января 1927 г. с обязательным ведением отчетности в метрической системе, для чего требовался перевод пудов и фунтов в центнеры и килограммы [10, с. 12–13].

В переходный период велась пропаганда новых мер, проводилось ознакомление населения с новыми мерами. В изучении и получении навыков использования новых мер на практике нуждались прежде всего служащие торговых организаций. В большинстве случаев в первичных кооперативах конторские служащие и особенно работники прилавка не имели достаточного представления о метрической системе. В кооперативной печати говорилось о том, что «им необходимо немедленно приступить к основательному пополнению своих знаний метрической системы и практическому ее усвоению». Эта необходимость диктовалась двумя соображениями. Во-первых, «перевод на новую систему не должен вызвать ошибок в учете товаров и в бухгалтерских записях, что неизбежно случится, если первичные кооперативы приступят к использованию метрической системы без всякой подготовки». Во-вторых, требовалось знакомить крестьянское население с числовыми соотношениями мер по старой, русской системе и новой системе в его же интересах. В противном случае следовало «ожидать, что частный торгаш сумеет вовремя учесть незнание населения метрической системы и извлечет выгоду в ущерб рядовому покупателю» [6, с. 25].

При переходе на метрическую систему перед счетоводами каждого кооператива возникала «задача при осуществлении товарных операций перевести записи товара, измеренного в русских мерах, в новые

меры». Первоначально эти действия сопровождались опасением допустить ошибки. В то же время на страницах журналов авторы статей о метрической системе убеждали работников кооперативов, что «здесь нечего опасаться, так как эти переводы, благодаря постоянству отношений между мерами обеих систем еще проще, чем перевод изменяющихся по курсу совзнаков в червонцы, каковой, как показывает практика, доступен каждому счетоводу» [2, с. 71].

Во избежание каких-либо затруднений в низовой кооперативной сети Центросоюз рекомендовал правлениям первичных кооперативов «заняться ознакомлением своих работников с метрической системой, снабдив их таблицами и справочниками», которые «значительно облегчат и уточнят работу счетовода». При этом «изучение таблиц должно сопровождаться живым словом лектора, который бы мог разъяснить все значения метрических мер и толково ответить на все вопросы слушателей». Роль «истолкователей» могли взять на себя «местные учительские и вообще культурные силы». Для оплаты труда учителей и лекторов правлению кооператива разрешалось брать средства из сумм, ассигнуемых на культурно-просветительные цели. Тем самым кооператив «не только выполнил бы свой долг перед государством и населением, но и гарантировал себя от тех отрицательных последствий», которые неизбежно возникали в переходный период в торговой работе кооперативов [6, с. 25].

Ленинградский союз потребительских обществ (ЛСПО) первым начал широкую подготовительную работу по переходу всей кооперативной сети Ленинграда на метрическую систему. ЛСПО уже в 1924 г. для работников кооперации проводил курсы по метрической системе. В кооперативной печати сообщалось, что в связи с предстоящим переходом на метрическую систему организационным отделом ЛСПО разработан учебный план двухнедельных вечерних курсов по метрической системе. Период переподготовки работников кооперативного прилавка был рассчитан на 4 месяца. В 1924 г. через курсы предполагалось «пропустить» 200 чел. [11, с. 235]. Курсы по метрической системе организовывались и при других ленинградских кооперативах. В основном служащие проявляли интерес к курсам и охотно посещали занятия. Ожидалось, что к середине февраля 1925 г. все продавцы кооперативных магазинов Ленинграда будут ознакомлены с метрической системой. Попутно кооперативы города снабжались новыми торговыми весами [12, с. 34].

В журнале «Северный кооператор», печатном органе Архангельского кооперативного совета сообщалось, что в 1925 г. Архангельский губернский союз кооперативов (Архсоюз) проводил курсы в Архангельске, Мезени и Емецке. На кооперативных счетоводческих курсах в объеме 14 ч изучался отдельный предмет «Метрическая система» [13, с. 36].

На местах наряду с изложением в печати сущности метрической реформы рекомендовалось устройство двух- или трехчасовых лекций и бесед для «массового слушателя из крестьянского населения». На занятиях осуществлялась демонстрация метрических измерителей, проводились опыты по взвешиванию и измерению в метрических мерах с попутным разъяснением преимуществ метрической системы (удобство и простота). В кооперативных лавках на видном месте вывешивались красочные плакаты с изображением русских и метрических мер, наглядно показывающие взаимное отношение обеих систем, а также различные таблицы по переводу одних мер в другие. Непосредственное знакомство населения с новыми мерами происходило «на чисто практической почве» в потребительских лавках, где покупатели неизбежно сталкивались с теми измерителями, которые в данное время применялись «в торговом обиходе» [4, с. 60, 61].

В деле популяризации метрической системы для «инструкторского персонала или других местных интеллигентных сил» хорошим подспорьем становились кооперативные журналы, печатавшие не только официальные сообщения, но и доступные пониманию крестьянства очерки, фельетоны и бытовые зарисовки. К примеру, в 1925 г. журнал «Сеятель правды», издание Самарского губернского союза потребителей обществ, опубликовал «Маленький рассказ “о новых мерах”», в котором описывалась поездка дяди Михея и бабы Васены из деревни в город, чтобы продать продукты сельского хозяйства (пшеницу, молоко и масло).

В простой форме разговора дяди Михея с односельчанином излагалась сущность метрической реформы: «Был пуд, да нет уже пуда. Пропали, слышь, пуды-то. Килы пошли». Соотношение старых и новых мер показано на конкретном примере. Утром дядя Михей прикинул пшеницу на вес, вышло 25 пудов, а на заготовительном пункте ему сказали: «У тебя, слышь, 400 кило. За килограмм заплатим 10 коп., а всего тебе следует за 400 кило 40 руб.». Дядя Михей сначала испугался и не стал сдавать пшеницу, а про себя подумал: «Нет, шалишь, не надуешь!». Сам-то дядя Михей хотел продать пуд за 1 р. 60 к., но после долгих подсчетов оказалось, что и по старым мерам получил бы 40 р. Тогда он вернулся к весовщику и ссыпал зерно, так как выходило, «что 1 пуд, что 16 килограмм – все едино» [14, с. 11].

Также популярно объяснялись меры жидкости и объема. На базаре баба Васена продавала молоко сначала в старых мерах – в бутылках и четвертях, но оказалось, что «повышли бутылочки да четверти», а пришли литры и полулитры. Городские торговки объяснили деревенским жителям, «что это за литр, что это за штука такая»: «Четверть – что 3 литра – все едино». Значит, «если четверть равна 3 литрам, то 5 бутылок равны 3 литрам, а 1 литр – будет немного больше 1 ½ бу-

тылки. В бутылке примерно 3 стакана, а в литре – 5 стаканов» [14, с. 12].

Метрические меры длины рассматривались при описании покупки ткани. В городском магазине баба Васена попросила приказчика по привычке отмерить ей девять аршин ситца на сарафан, но продавец сказал: «На аршины не продаем, только на метры и сантиметры». Далее разъяснялось соотношение старых и новых мер длины: «Вам вместо 9 аршин потребуется 6 метров. 1 метр – все едино, что 1 ½ аршина». Так же производился подсчет затрачиваемых денег: «1 аршин стоил 40 коп., а 1 метр – 60 коп. За 9 аршин по 40 коп. вы бы заплатили 3 руб. 60 коп., также и за 6 метров по 60 коп. вам придется заплатить тоже 3 руб. 60 коп.». При покупке ткани на рубаху мужику вместо четырех аршин продавец отмерил 2 м 80 см ситца, объяснив, что «1 аршин – все едино, что 70 см, а сантиметров в метре 100, как в рубле 100 копеек; и считать сантиметры и метры надо так же, как рубли и копейки» [14, с. 12].

В рассказе отражены различные аспекты восприятия крестьянами метрической реформы. Это и страх перед изменением привычной русской системы мер, и сомнение относительно правильности перевода старых мер в новые, и боязнь обмана со стороны приказчика или весовщика: «А что, как недоплатит, да надует?». Некоторое сопротивление крестьян вызывал переход к новой мере земельной площади, когда при отведении земли под пашню или луг землемеры измеряли участок не десятинами, а гектарами. Отношение крестьян к популяризаторам метрической системы выразилось в нежелании внимать их доводам и объяснениям: «Мужики и слушать сперва не хотели, не знали, не понимали и всё тут». Агрономы и учителя терпеливо растолковывали им, что одна десятина равна 11/12 гектара, но «крестьяне перестали галдеть только тогда, когда все и всё поняли» [14, с. 12].

В то время как «старики все охали и ахали, вздыхали и качали головой», более восприимчивая к любым нововведениям молодежь, знакомая со школы с новыми мерами, «смеялась над страхами стариков и кричала: “Вот хорошо будет с новыми мерами – легко их будет запомнить, легко считать и не надо будет тратить лишнее время на всякие расчеты и подсчеты”» [14, с. 12].

Сложность проведения метрической реформы в стране заключалась не только в согласовании перехода отдельных ведомств и различных отраслей народного хозяйства на метрическую систему, но и в своевременном изготовлении большого количества метрических приборов и измерителей, изыскании средств на их приобретение или переделку. Неслучайно одной из главных причин задержки метрической реформы в 1918 г. считался «недостаток заводов, на которые можно было бы возложить массовое изготовление новых мер (гирь и весов), а также отсутствие специального оборудования и соответствующих

материалов» [2, с. 68]. Возобновление метрической реформы в 1922 г. объяснялось «экономическими факторами, полной изношенностью всего измерительного инвентаря», «настойчивым требованием замены его новым или капитальным его обновления» [3, с. 27].

Кооперативная печать напоминала о том, что «в деле приобретения метрических измерителей должны быть предприняты потребкооперацией самые энергичные меры для снабжения ими своей сети своевременно и в достаточном количестве соответствующим комплектом таких измерителей (гирь, метра, мер ёмкости, весов)». Также журналы выполняли функцию информирования кооперативов о возможности приобретения метрического оборудования. В Ленинграде изготовление метрических измерителей наладил завод «Кооператор» (бывший завод Сан-Гали), находившийся в ведении Северо-Западного областного союза потребительской кооперации. Для приобретения новых метрических весов и комплекта первичным кооперативам рекомендовалось связаться с кооперативными союзами.

Кооперативы могли широко использовать переделку весов и гирь для перевода их на метрическую систему. При этом надо было помнить, что переделке подлежали только весы с неравноплечными рычагами и с передвижной гирей. Переделка весов заключалась в нарезывании вместо шкалы с делениями, соответствующими русской системе веса, новой шкалы в метрической системе веса. Всякая переделка весов и гирь выверялась и проверялась в соответствии с правилами, установленными Главной палатой мер и весов [4, с. 60, 61].

В преддверии окончания переходного периода кооперативная печать, обращаясь к правлениям первичных кооперативов, неоднократно делала напоминание о приближающихся сроках реализации метрической реформы, выясняя: «Готова ли кооперация к переходу на метрическую систему? Приготовлен ли к нему ваш состав служащих? Приобретены ли все измерители? Ознакомляете ли вы население с новой системой? Вывешиваете ли стенные метрические таблицы в вашем кооперативе?» [15, с. 29].

Эффективность информационного воздействия печатных изданий на аудиторию при популяризации метрической реформы обнаруживалась на практике. Индикатором понимания и усвоения информации, транслируемой кооперативными журналами, являлось умение населения оперировать новыми мерами в социально-экономической сфере: в оптовой торговле – при заключении торговых сделок, в розничной торговле – при купле-продаже товаров повседневного спроса, при сдаче заготовителям продуктов сельского хозяйства и изделий кустарных промыслов.

Именно в заметках о работе первичных кооперативов раскрывалась вариативность восприятия метрической системы в разных социальных группах городского и сельского населения. Так, в печати

повсеместно распространилась информация о том, что Московский союз потребительских обществ (МСПО) решил начать введение метрической системы с 1 февраля 1925 г. и закончить переход московской кооперации к новым мерам к 1 апреля 1925 г. [12, с. 34]. Однако даже в кооперативных магазинах Москвы и Московской губернии в расчетах с покупателями возникали недоразумения. Уже после официального введения новых мер в торговых точках МСПО «килограмм приравнивался к 2,5 фунтам, а фунт – к 400 граммам, что влекло за собой обвешивание покупателя почти на 2,5 % и противоречило установленным допустимым погрешностям» [6, с. 25].

В журнале «Смычка города с деревней», печатном органе Северо-Двинского губернского кооперативного совета, помещались материалы о том, как «метрическая система принимается в сельских кооперативах». «Крестьяне уже начинают понимать ее, но в кооперативной сети есть еще ненормальности с этой системой. Часто приходится видеть, что приказчик вместо просимого фунта вешает 400 грамм. Разница, конечно, небольшая, но у крестьянина может появиться сомнение в правильности веса». Из-за вполне справедливых сомнений в правильности действий работника кооператива возникала конфликтная ситуация. Такое положение в советской кооперации было недопустимо. Между тем «дабы в дальнейшем не было бы шума в лавке из-за 9,5 грамм и нашептываний со стороны врагов кооперации», следовало разъяснить крестьянам метрическую систему, а «в лавке сделать соответствующие вывески и таблицы, сопоставляющие, сколько в фунте грамм, что стоит фунт и что стоит 400 грамм» [16, с. 19].

В Вологде в мясных магазинах центрального рабочего кооператива «Вологжанин» продавцы называли цены за фунт, тогда как в преискуранте вес указывался в метрических мерах. Автор заметки о рабочем кооперативе «Вологжанин» задавал резонный вопрос: «Спрашивается, как можно проводить в жизнь метрическую систему, когда кооператоры-продавцы настойчиво прививают старый фунт?». В Никольском обществе потребителей Устьянского района Вологодской губернии приказчики делали свои метки о цене метра ситца или сатина, ориентируясь на аршин, соответственно увеличивали стоимость одного метра ткани и укорачивали длину эталонного метра [17, с. 12, 13]. В условиях товарного голода правления кооперативных союзов вели «наблюдения за потребительским спросом на мануфактуру», одновременно проводя работу по внедрению метрических мер в розничную торговлю мануфактурой, рассылая на места преискуранты с указанием цен на ткани за один метр. Так, ткань «Прима» стоила 43 к., ткань «Марина» – 42 к., обычный ситец – 40 к. за метр [18, с. 30]. В период проведения кампании за снижение цен давались рекомендации в розничной торговле снижать отпускные цены за метр ткани, используя для компенсации убытков собственные средства кооперативов.

В ходе распространения метрической системы постепенно сокращался круг отраслей экономики и сфер повседневной жизни, где использовались старые меры, но к 1927 г. они не были вытеснены окончательно, о чем свидетельствуют публикации в вологодском журнале «Кооперация Севера». В 1927–1928 гг. авторы статей о сельском хозяйстве, сельскохозяйственной кооперации, кустарных и лесных промыслах часто по старинке использовали старые меры (фунты, пуды, десятины, сажени). Так, в статье об особенностях льняного сезона 1927 г. сообщалось, что в Вологодской губернии увеличился размер посевной площади льна с 19,5 тыс. десятин в 1926 г. до 22 тыс. десятин в 1927 г. В то же время отмечалась нехватка льняного семени около 7,5 тыс. пудов [19, с. 4].

В заметке о Новосельском обществе потребителей говорилось, что его на маслодельном заводе за 6 месяцев 1927 г. произведено 20 пудов 37 фунтов масла, в качестве комиссионного вознаграждения пайщикам было выдано по 1 р. 28 к. за каждый сданный на завод пуд молока [20, с. 9]. Еще пример: в Вологодской губернии в апреле 1927 г. вступил в строй сыроваренный завод Христорожественского общества потребителей; по плану завод должен был производить около 100 пудов голландского сыра в месяц [21, с. 8].

Материалы журнала «Смычка города с деревней» подтверждали приверженность населения к русским мерам и одновременное применение старой и новой системы мер в Северо-Двинской губернии. К примеру, в заметке о работе маслодельного завода Ленского кредитного товарищества говорилось, что к январю 1927 г. за 10 месяцев заводом произведено 392 пуда сливочного масла, продано 985 кг цельного молока и 57 кг сливок [22, с. 22].

Заготовительная деятельность кооперации также исчислялась в старых русских мерах. Так, в 1927 г. Вологодской губернии в 1927 г. предполагалось заготовить 130 тыс. пудов льноволокна и 10 тыс. пудов кудели [19, с. 4]. В районе деятельности Вологодского союза сельскохозяйственной, молочной и кредитной кооперации (Вологодсельсоюза) учет заготовок сливочного масла происходил в старых мерах. С октября 1926 г. по июль 1927 г. было заготовлено 169 514 пудов масла [23, с. 5].

Опубликованный в журнале «Смычка города с деревней» отчет о заготовительной работе Селькредитсоюза, союза сельскохозяйственной и кредитной кооперации Северо-Двинской губернии, сделан исключительно по-старому. На 1 марта 1927 г. Селькредитсоюз заготовил 27 290 пудов льна, 3 407 пудов кудели, 2 890 пудов льняного семени, 395 пудов семян клевера и 500 пудов тимopheевки, 2 077 пудов топленого масла, 1 520 пудов тряпичного вторсырья, 128 пудов щетины и т. д. [24, с. 11, 12].

Также в старых мерах давались сведения о лесозаготовках. В 1926/27 хозяйственном году лесная кооперация Северо-Двинской губернии заготовила 60 083 куб. саженой лесоматериалов и дров, 32 200 пудов лесохимических товаров (скипидар, канифоль) [25, с. 25]. В целом примеры параллельного существования старых русских мер и десятичной метрической системы регулярно встречались в кооперативных журналах, издаваемых губернскими кооперативными советами, вплоть до закрытия этих журналов в связи с ликвидацией кооперативных советов в 1928 г.

Подводя итог, можно сказать, что кооперативная периодика выступала в качестве доступного средства популяризации метрических мер, их адаптации в обществе и включения в экономическую повседневность. Интегрирующая роль кооперативной печати 1920-х гг. заключалась в том, что в условиях особой социокультурной среды нэпа пресса устанавливала диалог между государственными органами, проводившими метрическую реформу, и населением, которое должно было приспособиться к новым мерам и начать их использовать в повседневной жизни. В журналах, печатных органах кооперативных союзов и губернских кооперативных советов, доказывались польза, целесообразность введения метрических мер, обосновывалась их практическая значимость для народного хозяйства, давались указания по подготовке служащих низовых кооперативов к переходу на метрическую систему. Культурные аспекты воздействия средств массовой информации на население можно рассматривать в русле культурно-просветительной работы кооперации, а популяризация метрической системы – как часть этой работы.

Список литературы

1. Метрическая система мер и весов // Олонецкий кооператор. – 1919. – № 2. – С. 32–33.
2. Введение метрической системы в СССР // Кооперация Севера. – 1924. – № 1–2. – С. 68–71.
3. О метрической системе мер и весов // Смычка города с деревней. – 1926. – № 5. – С. 27–28.
4. К введению метрических мер // Кооперация Севера. – 1924. – № 23–24. – С. 60–61.
5. Метрическая система мер и весов // Кооперация Севера. – 1923. – № 5. – С. 114–118.
6. К введению метрической системы // Кооперация Севера. – 1925. – № 9. – С. 24–31.
7. Введение метрической системы в оптовой торговле // Кооперация Севера. – 1923. – № 17–18. – С. 127.
8. Метрическая система в лесном хозяйстве // Кооперация Севера. – 1923. – № 17–18. – С. 127.
9. Метрическая система в лесной промышленности // Кооперативная жизнь. – 1923. – № 7–8. – С. 30.

10. О введении метрической системы в хлебных операциях. Циркуляр Наркомвнторга СССР от 20 апреля 1926 г. // Информационный бюллетень Центросоюза. – 1926. – № 11. – С. 12–13.

11. Курсы по метрической системе // Союз потребителей. – 1924. – № 11. – С. 235.

12. Кооперативная хроника // Кооперация Севера. – 1925. – № 1. – С. 33–34.

13. Учебно-курсовая работа Архсоюза кооперативов в 1925 году // Северный кооператор. – 1925. – № 3–4. – С. 36–37.

14. Овчинников. Маленький рассказ о новых мерах // Сеятель правды. – 1925. – № 43. – С. 11–12.

15. Напоминание о метрической системе // Кооперация Севера. – 1925. – № 10–11. – С. 29.

16. О метрической системе // Смычка города с деревней. – 1925. – № 7. – С. 19.

17. Жизнь низовых кооперативов // Кооперация Севера. – 1927. – № 5. – С. 12–13.

18. Наблюдение за потребительским спросом на мануфактуру // Смычка города с деревней. – 1927. – № 19. – С. 30.

19. Зайцев С. Особенности льняного сезона 1927 г. в Вологодской губернии // Кооперация Севера. – 1927. – № 9. – С. 4–5.

20. Жизнь местных кооперативов // Кооперация Севера. – 1927. – № 6. – С. 9.

21. Жизнь местных кооперативов // Кооперация Севера. – 1927. – № 8. – С. 8.

22. Работа маслодельного завода Ленского кредитного товарищества // Смычка города с деревней. – 1927. – № 1. – С. 22.

23. Шемякин М. Заготовка масла в районе Вологодсельсоюза за 9 месяцев // Кооперация Севера. – 1927. – № 10. – С. 5–6.

24. Хроника Селькредитсоюза // Смычка города с деревней. – 1927. – № 6. – С. 11–12.

25. Работа лесной кооперации Северо-Двинской губернии // Смычка города с деревней. – 1927. – № 13. – С. 25–26.

References

1. *Metricheskaya sistema mer i vesov* [Metric system of measures and scales] // *Oloneckij kooperator* [Olonets cooperators]. 1919. № 2. P. 32–33.

2. *Vvedenie metricheskoy sistemy v SSSR* [Introduction of the metric system in the USSR] // *Kooperaciya Severa* [Cooperation of the North]. 1924. № 1–2. P. 68–71.

3. *O metricheskoy sisteme mer i vesov* [About the metric system of measures and scales] // *Smychka goroda s derevnej* [A city Bow with the village]. 1926. № 5. S. 27–28.

4. *K vvedeniyu metricheskih mer* [To introduction of metric measures] // *Kooperaciya Severa* [Cooperation of the North]. 1924. № 23–24. P. 60–61.

5. *Metricheskaya sistema mer i vesov* [Metric system of measures and scales] // *Kooperaciya Severa* [Cooperation of the North]. 1923. № 5. P. 114–118.

6. *K vvedeniyu metricheskoy sistemy* [To introduction of the metric system] // *Kooperaciya Severa* [Cooperation of the North]. 1925. № 9. P. 24–31.

7. *Vvedenie metricheskoy sistemy v optovoj trgovle* [Introduction of the metric system in wholesale trade] // *Kooperaciya Severa* [Cooperation of the North]. 1923. № 17–18. P. 127.

8. *Metricheskaya sistema v lesnom hozyajstve* [The metric system in forestry] // *Kooperaciya Severa* [Cooperation of the North]. 1923. № 17–18. P. 127.

9. *Metricheskaya sistema v lesnoj promyshlennosti* [The metric system in the forest industry] // *Kooperativnaya zhizn'* [Cooperative life]. 1923. № 7–8. P. 30.
10. *O vvedenii metricheskoy sistemy v hlebnih operatsiyah. Cirkulyar Narkomvnutorga SSSR ot 20 aprelya 1926 g.* [About introduction of the metric system in grain operations. Circular of Narkomvnutorga of the USSR of April 20, 1926] // *Informacionnyj byulleten' Centrosoyuza* [Newsletter of Centrosoyuz]. 1926. № 11. P. 12–13.
11. *Kursy po metricheskoy sisteme* [Courses on the metric system] // *Soyuz potrebitelej* [Consumers union]. 1924. № 11. P. 235.
12. *Kooperativnaya hronika* [Cooperative chronicle] // *Kooperatsiya Severa* [Cooperation of the North]. 1925. № 1. P. 33–34.
13. *Uchebno-kurovaya rabota Arhsoyuza kooperativov v 1925 godu* [The educational term paper of Arkhsoyuz of cooperatives in 1925] // *Severnyj kooperator* [The Northern cooperators]. 1925. № 3–4. P. 36–37.
14. *Ovchinnikov. Malen'kij rasskaz o novykh merah* [Small story about new measures] // *Seyatel' pravdy* [Sower of the truth]. 1925. № 43. P. 11–12.
15. *Napominanie o metricheskoy sisteme* [Reminder on the metric system] // *Kooperatsiya Severa* [Cooperation of the North]. 1925. № 10–11. P. 29.
16. *O metricheskoy sisteme* [About the metric system] // *Smychka goroda s derevnej* [A city Bow with the village]. 1925. № 7. P. 19.
17. *ZHizn' nizovykh kooperativov* [Life of local cooperatives] // *Kooperatsiya Severa* [Cooperation of the North]. 1927. № 5. P. 12–13.
18. *Nablyudenie za potrebitel'skim sprosom na manufakturu* [Observation of consumer demand for a manufactory] // *Smychka goroda s derevnej* [A city Bow with the village]. 1927. № 19. P. 30.
19. *Zajcev S. Osobennosti l'nyanogo sezona 1927 g. v Vologodskoj gubernii* [Features of a linen season of 1927 in the Vologda province] // *Kooperatsiya Severa* [Cooperation of the North]. 1927. № 9. P. 4–5.
20. *ZHizn' mestnykh kooperativov* [Life of local cooperatives] // *Kooperatsiya Severa* [Cooperation of the North]. 1927. № 6. P. 9.
21. *ZHizn' mestnykh kooperativov* [Life of local cooperatives] // *Kooperatsiya Severa* [Cooperation of the North]. 1927. № 8. P. 8.
22. *Rabota maslodelnogo zavoda Lenskogo kreditnogo tovarishchestva* [Work of the butter plant of the Lensk credit association] // *Smychka goroda s derevnej* [A city Bow with the village]. 1927. № 1. P. 22.
23. *Shemyakin M. Zagotovka masla v rajone Vologdosel'soyuza za 9 mesyacev* [Preparation of oil near Vologdosel'soyuz in 9 months] // *Kooperatsiya Severa* [Cooperation of the North]. 1927. № 10. P. 5–6.
24. *Hronika Sel'kreditsoyuza* [Chronicle of Selcreditsoyuz] // *Smychka goroda s derevnej* [A city Bow with the village]. 1927. № 6. P. 11–12.
25. *Rabota lesnoj kooperatsii Severo-Dvinskoj gubernii* [Work of forest cooperation of the North Dvin province] // *Smychka goroda s derevnej* [A city Bow with the village]. 1927. № 13. P. 25–26.

Статья поступила в редакцию 23.04.2019

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 394(571.1)"19":378-057.87

ГРНТИ 03.21.31: История России Нового времени

Е.В. Вититнева

Культурно-досуговый и мировоззренческий аспект повседневной жизни сибирского студенчества в конце XIX – начале XX в. (на примере высших учебных заведений г. Томска)

В статье рассмотрены особенности культурно-досугового и мировоззренческого аспекта повседневной жизни томского студенчества в конце XIX – начале XX вв. Было установлено, что литература была наиболее актуальным явлением в досуговой жизни томского студента XIX – начале XX в. Также среди способов проведения досуга студентов важное место занимали театр, концерты, вечера, особенно организованные с благотворительной целью. 22 октября – день томского студенчества – был наиболее популярным праздником, который все учащиеся отмечали с большой радостью. Среди сибирских студентов атеистические идеи воспринимались с меньшим энтузиазмом, чем в европейской части Российской империи. Преобладание представителей духовного сословия среди томских студентов и активная работа кафедры богословия Императорского Томского университета играли в этом не последнюю роль. Также свой вклад в защиту от нигилистической идеологии вносила университетская церковь, созданная специально для участников образовательного процесса.

Ключевые слова: История повседневности, студенты, досуг, мировоззрение, Императорский Томский университет, Сибирские высшие женские курсы, Томский технологический институт.

E.V. Vititneva

Cultural, leisure and ideological aspect of Siberian students' everyday life in the late XIX – early XX centuries (on the example of higher educational institutions of Tomsk)

The article discusses the features of cultural, leisure and ideological aspects of the Tomsk students' everyday life in the late XIX – early XX centuries. It was revealed that literature was the most relevant phenomenon in the leisure life of a Tomsk student in the XIX – early XX centuries. Also such kinds of students' leisure as theatre, concerts, evenings, especially organized with a charitable purpose, hold a valuable place. October 22 – Tomsk Students' Day was the most popular holiday, which all students celebrated with great joy. It was also revealed that among the Siberian students' atheistic ideas were perceived with less enthusiasm than in the European part of the Russian Empire. The predominance of representatives of the clergy among Tomsk students and

the active work of the Theology Department of the Imperial Tomsk University played a significant role in this. Also, the University Church, created specifically for the participants in the educational process, contributed to the defence against nihilistic ideology.

Key words: History of everyday life, students, leisure, ideology, Imperial Tomsk University, Siberian Higher Women Courses, Tomsk Institute of Technology.

Вопрос организации досуга и его влияние на мировоззрение человека в последнее время набирает актуальность в русле повседневной истории. Особое значение имеет изучение досуга такой социальной группы, как студенчество. Известно, что в дореволюционный период именно студенчество играло существенную роль в общественно-политической жизни Российской империи. Поэтому представляется важным изучение особенностей повседневной жизни и мировоззрения студентов. Сибирское студенчество, в свою очередь, представляет собой отдельную, особую группу учащихся высших учебных заведений в Российской империи. Территориальные рамки исследования ограничены г. Томском, так как в дореволюционный период он был единственным городом в Сибири, имеющим высшие учебные заведения. Выбор географических границ также обусловлен тем, что ментальность, культура, социальное и экономическое пространство провинциальных городов резко отличаются от тех же элементов столиц. Цель данной статьи – выявить особенности культурно-досугового и мировоззренческого аспекта повседневной жизни томского студенчества в конце XIX – начале XX в.

Несмотря на то, что график учебной жизни у студентов дореволюционного периода был достаточно плотным, все же они находили время для досуга и приятного времяпрепровождения.

В первую очередь стоит сказать о литературе. В дореволюционный период чтение занимало видное место в жизни студентов. Покупка книг в имперское время была очень дорогим удовольствием, которое мог позволить себе далеко не каждый студент. Ну а те, кто все же мог, снабжали книгами своих товарищей. Впрочем, некоторые студенты покупали книги вскладчину, и обладание новой книгой доставляло им небывалое удовольствие и радость. Студенты, жившие в общежитии Императорского Томского университета, могли пользоваться библиотекой. В первый год (1888) библиотека работала всего 2 ч в день, в 1889 г. время работы продлили до 4 ч в связи с тем, что был организован читальный зал. В библиотеке имелись различного рода учебники, словари и справочники, а также журналы и газеты. Важно отметить, что приоритетное внимание по заказу книг отдавалось той литературе, которая соответствовала специфике преподаваемых дисциплин [1, с. 123]. Выписывались также газеты из тех губерний, откуда студенты приехали на обучение в Томск. Студенты специально изучали иностранные языки, так как новейшая научная и

художественная литература, привезенная из-за границы, как правило, издавалась на языке оригинала. Из всего сказанного видно, что студенты стремились к чтению, литературе, расширению кругозора, знаниям.

Также студенты очень любили ходить в театр. В дореволюционный период в Томске существовал единственный театр – купца Еврафа Ивановича Королева. Роскошное двухэтажное здание с железной крышей он построил на принадлежащем ему участке земли по Ново-Соборной площади (ныне пл. Революции) и Московскому тракту. Первым антрепренером театра, который открылся в 1885 г., стал сам Е.И. Королев. Труппа пользовалась симпатиями публики, спектакли шли при полном зале. Ставились пьесы Островского, Дюма, Шекспира, Шиллера, Грибоедова, Гоголя [2, с. 29, 30]. Затем антреприза перешла от Королева к актеру Корсакову, привозившему в Томск драматические и оперные труппы.

По отзывам современников [2, с. 29] в первые годы работы бытовые условия театра имели ряд недочетов, которые неблагоприятно сказывались на зрительском восприятии постановки, в том числе тесное расположение стульев и кресел, плохое освещение, сквозняк и отсутствие туалетов.

Билет в ложи бельэтажа стоил 7 р. Такая цена для среднестатистического студента была очень высокой. Поэтому, как правило, студенты занимали галерку за 30 к. Но это не мешало им получать удовольствие от театральных постановок.

Большой популярностью также пользовались концерты. На них читались отрывки из художественных произведений, исполнялись песни, ставились сцены из пьес. Активно развивался студенческий хор, в котором чаще всего состояли выпускники духовных семинарий. Кроме того, студенты любили посещать симфонические вечера местного отделения Императорского Русского музыкального общества. Специальные, как правило, благотворительные, вечера устраивали землячества. На таких вечерах вновь прибывшие студенты знакомились со своими земляками, учившимися на разных факультетах. В ходе мероприятия проводились различные дискуссии, обсуждение рефератов. Хоровое пение было одним из любимых развлечений на вечерах. На такие мероприятия часто приглашали профессоров [3, с. 333].

Статус студента позволял обучающимся пользоваться различными привилегиями. Л.И. Рубинштейн в своих воспоминаниях писал: «В общественном и коммерческом собраниях студенты пользовались бесплатным входом на танцевальные вечера и маскарады, устраивавшиеся почти каждое воскресенье; среди танцующих всегда бросался в глаза десяток, а то и более студенческих форменных сюртуков. Словом, вряд ли где можно было встретить такой радушный

прием, какой оказывался студентам в первый год существования университета. Играла тогда в театре Королева хорошая драматическая труппа под дирекцией владельца, но и им давалась студентам значительная скидка» [3, с. 414]. Бывший студент С.М. Тимашев в свою очередь писал о том, что как в частных домах, так и в общественных учреждениях студенты являлись желанными гостями. В клубах, театрах, концертах и вечерах студенты всегда пользовались разными льготами и всюду их дарили особым вниманием и даже почетом [3, с. 285].

Бывший студент юридического факультета А. Морачевский, печатавшийся в газете «Утро Сибири» под псевдонимом Н. Зарницын, писал о том, как студенты отмечали праздники: «В складчину, группой, а то и всем землячеством нанимали большую квартиру. Потом закупали все необходимое, приглашали знакомых и собирались скоротать длинный зимний вечер. На дворе мороз. Бушует снежная метель. А где-нибудь, среди полусонных обывательских домов, непринужденно, из открытых форточек, несется стройная молодая, полная юных переживаний песня... Вот оборвалась песня. Точно из-под земли, на пружинах, вскакивает на стол «college» и открывает собрание речью... Затеваётся спор, искренний, горячий... Аудитория разными способами реагирует на речи ораторов. Хлопают в ладоши. Свистят. Кричат: "Долой! Bravo!" Пьяная чарка с пивом ходит в круговую. Хмель туманит головы. Расходятся далеко за полночь, а выручку с вечеринки несут в земляческую кассу» [3, с. 426].

Такого рода мероприятия обычно заканчивались поздно вечером. Как отмечают современники, находиться в позднее время на улицах было не безопасно. Л.И. Рубинштейн в своих воспоминаниях сообщает следующее: «Да и по улицам небезопасно было ходить запоздавшему студенту: освещение было скудное, керосиновое, тротуары плохие даже на главных улицах, а грязь непролазная (извозчики за пятак перевозили через улицу), рассказы о грабежах и нападениях из-за платья свежи были в памяти. Запоздалого прохожего сопровождал стук колотушки ночного сторожа, дряхлого старика, но, к сожалению, довольно редко попадавшегося, так как сторожа предпочитали спать в будках» [3, с. 415]. Н.И. Либеров в свою очередь вспоминал: «По ночам происходят здесь постоянно кражи... Собак, вследствие этого, необычайно много... Вчера например я встретился к вечеру с целой сворой собак (штук 10). А ночью идти – положительно невозможно без палки» [4, № 3, с. 9].

Важно отметить, что студент не имел права отлучаться из города без разрешения проректора [5, с. 21]. Необходимо было написать заявление с указанием, куда и с какой целью он едет. При этом обоснование поездки должно быть признано уважительной причиной. Но если студенту удавалось получить разрешение на выезд, то обычно

он покупал билет на поезд. Ведь для студентов Императорского Томского университета и Томского технологического института существовала скидка в размере 50 % от стоимости на билет для проезда по железной дороге на любое расстояние.

Самый знаменательный праздник – 22 октября – День томского студенчества студенты отмечали с размахом. В газете «Сибирская жизнь» от 25 октября 1900 г. подробно описывается программа мероприятия: утром в университетской церкви проходила литургия, в 12 ч для почетных гостей (попечителя Западно-Сибирского учебного округа, губернатора, ректора и директора ТТИ, профессоров) в зале совета университета был организован завтрак. В 13.00 дня в актовом зале университета начинался годичный акт, во время которого читались доклады и наиболее важные составляющие отчета работы учебного заведения за год, исполнялись кантаты, затем слушали поздравительные телеграммы. Годичный акт заканчивался молитвой «Достойно есть». Вечером в общественном собрании состоялся танцевальный вечер, на который приглашались студенты университета, института и гимназистки. На нижнем этаже общественного собрания был расположен студенческий буфет, там вечер проходил в более неформальном формате [6, с. 2].

А. Морачевский очень красочно описал подробности праздника: «К нему начинали готовиться заблаговременно. Лучшим номером программы вечера всегда считался хор (многие, особенно выпускники духовных семинарий, были первоклассными певцами). В день праздника, утром в актовом зале университета устраивался торжественный акт, вечером же бал в общественном собрании. Гвоздем в прежние времена была знаменитая «мертвецкая». Так называлась специальная комната в нижнем этаже собрания, где устанавливался особый буфет для студентов. В то время, когда наверху гремела музыка и танцевали, внизу говорили речи профессора и студенты. В "мертвецкую" вызывали каждого профессора по очереди, просили сказать «слово», а потом, в зависимости от содержания сказанного им и симпатий к оратору, качали его или бесцеремонно, со свистом, выпроваживали. "Мертвецкой" профессора боялись и шли на "суд" своих учеников, как гимназисты на трудный экзамен. Иные лучше предпочитали не посещать совсем вечера, чем подвергнуться публичному осмеянию. Речами кончалась, так сказать, официальная часть. Начиналось "впрыскивание" вновь поступивших. Пили все. Вскоре "мертвецкая" превращалась в настоящий ад. Спорили. Кричали. Пели. Плакали. Целовались. Танцевали. Студент из категории "вечных", большой весельчак и балагур, медик Т. приносил с собой барабан. Отбивая мерные удары, он вносил в атмосферу "мертвецкой" настоящий хаос. Отнять барабан удавалось только после целого ряда ухищрений и уговоров и то тогда, когда владелец его лежал где-нибудь под

столом или за буфетной стойкой. В конце концов, его примеру следовали остальные товарищи, полегшие "мертвыми костями". На утро особой комиссией собирались и убирались "трупы", разыскивались перепутанные шапки, башлыки, галоши, пальто, шубы. Студенческое добро валялось по всему собранию, по улицам... Праздник на несколько дней вышибал из планомерной колеи жизнь, которая не скоро входила в обычное русло. В общем, конечно, подобные вакханалии нельзя было считать явлением нормальным и желательным, особенно, если они отливались в столь бурную форму, но порицать их тоже не представляется возможным. На светлом фоне студенческого быта они носили характер массовой, задушевной товарищеской пирушки, полной безобидного, освященного прошлым юмора, с которым свыклись все или, вернее, смотрели на него сквозь пальцы... Характерно, между прочим, одно обстоятельство: в день праздника никогда никаких репрессий по отношению к молодежи не принималось, и полиция была весьма и весьма предупредительна. Покойный полицмейстер А. постоянно обуславливался со студентами: "Гуляйте... делайте, что угодно... доглядим... присмотрим за вами, только не сожгите города и не учиняйте уличных дебошей...". Умели гулять. Умели веселиться... умели и учиться... Во всем в то же время умели сохранять достоинство своей alma mater и звание студента, окруженное ореолом благородства и уважения...» [3, с. 427].

Становление и развитие высшей школы в г. Томске приходится на закат XIX столетия. Известно, что данный период в истории Российской империи характеризуется повышением интереса к атеизму, отрицанием классической религии, распространением материалистических учений. С другой стороны, в дореволюционной России роль религии сложно переоценить. Принадлежность к определенной конфессии фактически служила основным критерием деления населения на группы. Кроме того, не допускалось внеконфессиональное состояние, существовал ряд ограничений и запретов в религиозной сфере. «Уложением о наказаниях уголовных и исправительных» от 15 августа 1845 г. за выход из православия была предусмотрена ответственность «к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу в крепостях на время от восьми до десяти лет, а если он по закону не изъят от наказаний телесных, и к наказанию плетьюми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 сего Уложения для пятой степени наказаний сего рода, с наложением клейм» [7, с. 62]. Именно в такой противоречивой атмосфере началось зарождение и развитие высшей школы в Томске.

Прежде всего, стоит раскрыть вопрос о социальном составе студенчества в изучаемый период. Среди студентов Императорского Томского университета несомненно преобладало духовное сословие. В первую очередь это было связано с тем, что выпускники семинарий

со всех уголков Российской империи имели возможность получить высшее образование в Императорском Томском университете. Соответственно, основная часть студентов университета в дореволюционный период – это выпускники духовных семинарий. Так, на 1902 г. из общего числа студентов в составе 540 чел. – 393 были семинаристами [8, с. 12–13]. Нужно сказать, что данная тенденция сохранялась вплоть до революции 1917 г. Ректор университета 1913–1916 гг. М.Ф. Попов в своей работе [9, с. 154] отметил, что в период с 1888 по 1912 гг. в университете обучалось 46 % студентов – выходцев из духовного сословия. Дети чиновников и дворян составляли 20 % от общего числа студентов, мещане – 16 %, крестьяне – 6%, купцы – 5,2 %, казаки и нижние воинские чины – 2 %, почетные граждане – 1,7 %, военные 0,6 %, инородцы – 0,4 %.

Таблица

*Сословный состав студентов императорского
Томского университета¹*

Сословие	Год				
	1890	1895	1897	1900	1910
Дети представителей духовного звания	160 чел.	255 чел.	234 чел.	332 чел.	367 чел.
Дети дворян	6 чел.	67 чел.	62 чел.	5 чел.	226 чел.
Дети чиновников	33 чел.			79 чел.	27 чел.
Дети представителей военного сословия	-	-	-		15 чел.
Дети представителей низших военных чинов	4 чел.	7 чел.	7 чел.	9 чел.	33 чел.
Дети представителей купеческого звания	13 чел.	62 чел.	-	17 чел.	53 чел.
Дети представителей мещанского звания	31 чел.		50 чел.	64 чел.	247 чел.
Дети крестьян	6 чел.	19 чел.	17 чел.	30 чел.	89 чел.
Дети представителей разночинцев	-	-	-	-	
Иностранцев	2 чел.	3 чел.	3 чел.	2 чел.	2 чел.
Поселенцев	1 чел.	-	1 чел.	-	2 чел.
Иностранцев подданных	-	-	-	-	2 чел.

Значительную часть студентов Томского технологического института составляли дети дворян, чиновников и мещан. На них приходилось около 80 % мест [10, с. 4]. Детей духовенства было не столь значительное количество в отличие от университета.

¹ Аникина С. С. К вопросу о материальном положении сибирского студенчества в конце XIX – начале XX в. // Казанская наука. 2011. № 5. С. 3–7.

*Сословный состав студентов Томского технологического
института Императора Николая II¹*

Сословие	Год		
	1907	1908	1911
Дети представителей духовного звания	70 чел.	65 чел.	56 чел.
Дети потомственных дворян	25 чел.	160 чел.	70 чел.
Дети чиновников и личных дворян	295 чел.	365 чел.	287 чел.
Дети представителей купеческого звания	179 чел.	160 чел.	-
Дети представителей мещанского звания и цеховые	518 чел.	565 чел.	168 чел.
Дети крестьян	206 чел.	250 чел.	232 чел.
Иностранных подданных	9 чел.	6 чел.	7 чел.
Казачков	38 чел.	36 чел.	25 чел.
Прочих	73 чел.	50 чел.	47 чел.

Что касается социального состава Сибирских высших женских курсов, необходимо отметить, что большинство слушательниц вышли из семей чиновников, купцов и дворян. Данное обстоятельство объясняется тем, что обучение на Сибирских высших женских курсах было достаточно дорогим и недоступным для девушек из малообеспеченных семей [10, с. 4].

Представители Императорского Томского университета в изучаемый период составляли большую часть студенчества г. Томска. Таким образом, становится ясно, что значительная часть студентов – это выпускники духовных семинарий, либо представители духовного сословия. Данный факт весьма положительно сказался на сохранении уважения к религии в столь противоречивый для нее период и внес значительный вклад в защиту от распространения атеистических и нигилистических учений в сфере высшего образования.

Далее следует рассмотреть конфессиональный состав томского студенчества. Обращаясь к работе М.Ф. Попова [9, с. 156], мы находим следующую информацию о представителях Императорского Томского университета. Православные студенты составляли большинство – 89 %, иудеи – 7,5 %. Остальные студенты были представителями иных религий: католической, протестантской, магометанского, армяно-григорианского, старообрядческого направлений, язычества [11, с. 136].

Конфессиональный состав студентов в Томском технологическом институте согласно «Отчету о деятельности и состоянии Томского технологического института Императора Николая II за 1902 год» [12,

¹ Аникина С. С. К вопросу о материальном положении сибирского студенчества в конце XIX – начале XX в. // Казанская наука. 2011. № 5. С. 3–7.

с. 14], в процентном соотношении можно представить так: православные – 86 %, иудеи – 7 %, католики – 5 %.

Изучив «Отчет о деятельности Общества для доставления средств Сибирским высшим женским курсам в Томске за...» 1912–1913 [13, с. 3], 1913–1914 [14, с. 4] учебные года можно сделать следующие выводы: большинство курсисток придерживалось православного вероисповедания (80–85 %), далее шли – иудаизм (12–15 %), католицизм (1,5–2,5 %), лютеранство (1–2 %).

Преобладание студентов православного исповедания во всех высших учебных заведениях г. Томска было напрямую связано с тем, что русская православная церковь имела статус государственной.

На базе Томского университета функционировала кафедра богословия, которая подготавливала специальные курсы по богословию (в основном по православию) для студентов всех направлений. Студенты православного исповедания были обязаны посещать занятия кафедры богословия безусловно. Основной целью данных курсов было свести на нет влияние учений о нигилизме и атеизме, которые были распространены в студенческой среде в рассматриваемый период. Профессор кафедры богословия И.Я. Галахов пытался донести до студентов мысль о том, что религия и наука никак между собой не противоречат, а, напротив, взаимодополняют и обогащают друг друга.

В связи с тем, что в российских университетах преобладали студенты православного вероисповедания, традиционно при каждом из них была церковь. Не исключением является и Императорский Томский университет. При нем с 1887 г. (за год до открытия университета) действовала университетская церковь, которая находилась в здании главного корпуса. В составе храма, помимо настоятеля и протодиакона, служил псаломщик, должность которого чаще всего занимал один из студентов, за что получал заработную плату в размере в 150 р. в год.

Ежегодно во время Великого поста в одной из аудиторий по вечерам для студентов и прихожан священнослужители читали специальные лекции по вопросам веры и нравственности, велась миссионерская работа среди населения. В начале каждого учебного года совершался торжественный молебен, в котором принимали участие не только студенты, но и профессора. Они просили благословления на предстоящий учебный год. Торжественный молебен также ежегодно совершался 22 октября (4 ноября) в день празднования Казанской Божьей Матери и день томского студенчества. В обычные дни студенты посещали церковь во время воскресной службы и в свое свободное время.

Подводя итоги, можно сказать, что важной составной частью досуга студента XIX – начала XX в. была литература. В то же время среди развлечений был популярен театр, концерты, вечера, особенно

организованные с благотворительной целью. Самым знаменательным праздником было принято считать 22 октября – День томского студенчества, который все учащиеся отмечали с большим удовольствием и полной отдачей.

Что касается религиозного аспекта, то, несмотря на активное развитие антирелигиозных настроений в университетах Российской империи, среди сибирских студентов атеистические учения воспринимались с меньшим энтузиазмом. Преобладание представителей духовного сословия среди томских студентов играло в этом не последнюю роль. Также свой вклад в защиту православия вносила кафедра богословия университета, составляя специальные курсы, читая лекции, организуя встречи со студентами всех специальностей. Университетская церковь, созданная специально для участников образовательного процесса, проводила службы, литургии, молебны. И даже день томского студенчества был приурочен к религиозному празднику – дню Казанской Божьей матери.

Список литературы

1. Коршунова (Толстова) А.А. Библиотека Императорского Томского университета в дореволюционный период // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2012. – № 4 (8). – С. 121–126.
2. Родченко Ю.И. К истории первого сезона театра Е.И. Королева в Томске (на материале «Сибирской газеты» и «Сибирского вестника») // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. – 2013. – № 6 (26). – С. 27–31.
3. Фоминых С.Ф. Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, М.В. Грибовский и др. – Томск: Издательство Томского университета, 2014. – 508 с.
4. Фонд музея истории Томского государственного университета. Письма Н. Либерова.
5. Правила для студентов и вольнослушателей Императорского Томского университета. – Томск: Тип. Дома трудолюбия, 1909. – 32 с.
6. Сибирская жизнь. – 25 окт. – 1900.
7. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб.: Тип. 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845. – 898 с.
8. Отчет о состоянии Томского университета за 1902 год. Томск: Паровая типолитогр. П. И. Макушина, 1903. – 186 с.
9. Попов М.Ф. Краткий исторический очерк Томского университета за первые 25 лет его существования (1888–1913). Томск: Типолитогр. Сибирского т-ва печатного дела, 1913. – 29 с.
10. Аникина С. С. К вопросу о материальном положении сибирского студенчества в конце XIX – начале XX вв. // Казанская наука. Исторические науки и археология. – 2011. – № 5. – С. 3–7.
11. Хаминов Д. В. Православие в жизни дореволюционного Российского университета (на примере Императорского Томского университета) // Сибирский мед. журн. – 2009. – № 3. – С. 134–141.
12. Отчет о деятельности и состоянии Томского технологического института Императора Николая II за 1902 год. – Томск: Акцидентная тип. В.М. Перельман, 1903. – 61 с.

13. Сибирские Высшие Женские курсы. Отчет о состоянии и деятельности Сибирских Высших Женских курсов в г. Томске за 1912–13 учебный год. – Томск: Типолитогр. Сибирского т-ва печатного дела, 1914. – 40 с.

14. Сибирские высшие женские курсы. Отчет о состоянии и деятельности Сибирских высших женских курсов в г. Томске за 1913–14 учебный год. – Томск: Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», 1914. – 64 с.

References

1. Korshunova (Tolstova) A.A. *Biblioteka Imperatorskogo Tomskogo universiteta v dorevolyutsionnyi period* [The library of the Imperial Tomsk University in the pre-revolutionary period] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012. № 4 (8). P. 121–126.

2. Rodchenko Yu.I. *K istorii pervogo sezona teatra E.I. Koroleva v Tomske (na materiale «Sibirskoigazety» i «Sibirskogovestnika»* [On the history of the first season of the E.I. Korolev's theater in Tomsk (on the material "Siberian newspaper" and "Siberian Bulletin")] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Istoriya. 2013. № 6 (26). P. 27–31.

3. Fominykh S.F. *Imperatorskii Tomskii universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Imperial Tomsk University in the memoirs of contemporaries] / S.F. Fominykh, S.A. Nekrylov, M.V. Gribovskii dr. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2014. – 508 p.

4. *Fond muzeya istorii Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pis'ma N. Liberova* [The Museum of History of Tomsk State University. N. Liberov's letters].

5. *Pravila dlya studentov i vol'noslushatelei Imperatorskogo Tomskogo universiteta* [Rules for students and lecturegoers of the Imperial Tomsk University]. Tomsk: Tipografiya Doma trudolyubiya, 1909. – 32 p.

6. *Sibirskaya zhizn'* [Siberian Life]. 25 oktyabrya. 1900.

7. *Ulozhenie o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh* [Code of Criminal and Correctional Penalties]. Sankt-Peterburg: Tip. 2 otd-niyasobstv.e. i. v. kantselyarii, 1845. – 898 p.

8. *Otchet o sostoyanii Tomskogo universiteta za 1902 god* [Report on the status of the University of Tomsk in 1902]. Tomsk: Parovayatipo–litografiya P.I. Makushina, 1903. – 186 p.

9. Popov M.F. *Kratkii istoricheskii ocherk Tomskogo universiteta za pervye 25 let ego sushchestvovaniya (1888–1913)* [Brief historical essay of Tomsk University in the first 25 years of its existence (1888–1913)]. Tomsk: Tipo–litografiya Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela, 1913. – 29 p.

10. Anikina S.S. *K voprosu o material'nom polozenii sibirskogo studenchestva v kontse XIX – nachale XX vekov* [To the question of the material state of the Siberian students in the late 19 – early 20 centuries] // *Kazanskaya nauka. Istoricheskie nauki i arkhologiya*. 2011. № 5. P. 3–7.

11. Khaminov D.V. *Pravoslaviye v zhizni dorevolyutsionnogo Rossiiskogo universiteta (na primere Imperatorskogo Tomskogo universiteta)* [Orthodoxy in the life of the pre-revolutionary Russian University (on the example of the Imperial Tomsk University)] // *Sibirskii meditsinskii zhurnal*. 2009. № 3. P. 134–141.

12. *Otchet o deyatelnosti i sostoyanii Tomskogo tekhnologicheskogo institute Imperatora Nikolaya II za 1902 god* [The report on the activities and status of the Tomsk Technological Institute of Emperor Nicholas 2 for 1902]. Tomsk: Aktsidentnaya tipografiya V. M. Perel'man, 1903. – 61 p.

13. *Sibirskie Vysshie Zhenskie kursy. Otchet o sostoyanii i deyatelnosti Sibirskikh Vysshikh Zhenskikh kursov v g. Tomske za 1912–13 uchebnyi god* [Siberian Higher

Courses for Women. The report on the status and activities of the Siberian Higher Women's Courses for the 1912/13 academic year]. Tomsk: Tipo-litografiya Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela, 1914. – 40 p.

14. *Sibirskie Vysshie Zhenskie kursy Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti Sibirskikh vysshikh zhenskikh kursov v g. Tomskeza 1913–14 uchebnyi god* [Siberian Higher Courses for Women. The report on the status and activities of the Siberian Higher Women's Courses for the 1913–1914 academic year]. Tomsk: Tovarithchestvo «Pechatnya S. P. Yakovleva», 1914. – 64 p.

Статья поступила в редакцию 29.03.2019

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 614.885(470+485)"19"

ГРНТИ 03.23.55: История России Новейшего времени

Г.Г. Циденков

Подвиг самопожертвования медицинской сестры Шведского Красного Креста Карин Линдскуг

Во время голода 1921–23 гг. на территории Самарской губернии действовала постоянная экспедиция шведского Красного Креста. Делегаты экспедиции открывали в волостных центрах склады и столовые, организовывали питание населения, снабжение его одеждой и медикаментами. Делегаты вели учет движения населения в волостях, способствовали проведению противотифозной прививочной кампании, открывали постоянные медицинские пункты и больницы. Настоящая статья рассказывает о героической деятельности делегата шведского Красного Креста медицинской сестры Карин Линдскуг в одной из наиболее пострадавших от голода и эпидемий волостей – Воскресенской. Работа многочисленных представителей иностранных организаций помощи голодающим является для нас множеством примеров высокого профессионализма, гуманизма и солидарности. Однако, Карин Линдскуг пошла еще дальше – она совершила подвиг самопожертвования ради подопечных голодных и больных тифом детей.

Ключевые слова: голод 1921–1923 гг., иностранная помощь, Шведский Красный Крест, Самарская губерния, управление, тиф, эпидемии, Карин Линдскуг.

G.G. Tsidenkov

The feat of self-sacrifice nurse Swedish red cross Karin Lindskog

During the famine years of 1921–23, a permanent expedition of the Swedish Red Cross was functioning on the territory of Samara Region. The delegates of this expedition created food depots and canteens in the volost centers, arranged provisioning of the local population with food, medicaments, and clothes. They kept track of the vital statistics in the volosts and supported the realization of mass vaccination campaigns against typhus, opened permanent clinics and hospitals. This article tells the story of one Swedish Red Cross delegate, a nurse named Karin Lindskog, who lived and worked in one of the most affected by the famine and epidemics areas, Voskresenskaya volost. The history of international relief organizations working in Russia to help people to fight against famine reveals multiple illustrations of professionalism, compassion, and solidarity, but in her heroic effort to save the starving and ill with typhoid fever children of Voskresenskaya volost, Karin Lindskog made the ultimate sacrifice of her own life.

Key words: the famine of 1921–1923, foreign aid, Swedish Red Cross, the International Committee for Russian Relief, the Swedish Red Cross expedition, Samara province, control, typhoid, epidemics, Karin Lindskung.

Летом 1921 г. огромные территории РСФСР и Украины охватил опустошительное бедствие – голод, вызванный небывалой засухой, экономической разрухой и последствиями Гражданской войны. Советское правительство, не располагая ресурсами для обеспечения питанием всего голодающего населения, было вынуждено обратиться за международной гуманитарной помощью. В результате договора, заключенного между наркомом иностранных дел РСФСР Георгием Чичериным и руководителем делегации Международного Красного Креста Фритьофом Нансеном 27 августа 1921 г., был учрежден Международный комитет помощи России. Основными задачами Комитета были доставка и распределение гуманитарных грузов в голодающих местностях [1, с. 39–44]. Одной из организаций, входивших в Комитет, была организация Шведского Красного Креста (далее – ШКК).

ШКК имел самостоятельное финансирование, собственный аппарат и фактически с самого начала работы Комитета действовал независимо от его руководства. Районом деятельности ШКК была выбрана Самарская губерния [2, с. 180]. Осенью 1921 г. в губернии голодало 2 600 тыс. чел. из всего населения в 2 775 тыс. чел. [3, с. 18].

Экспедиция ШКК прибыла в Самару 6 декабря 1921 г. и развернула работу в ближайших к городу волостях: Воскресенской, Каменно-Бродской, Вязово-Гайской и Дубово-Уметской. Стратегия организации деятельности экспедиции ШКК заключалась во взятии под опеку небольшого района и полном его материальном и медицинском обеспечении. Продукты распределялись по следующему принципу: в селах с населением менее 500 чел. продовольственные пайки выдавались в сухом виде на руки по заверенным спискам сельсоветов и волисполкомов через специальных представителей (два выборных на волость, по одному от совета и одному от голодающих). В волостных центрах и селах с большим количеством жителей открывались столовые с горячим питанием. Кроме того, в волостных центрах открывались пекарни, продовольственные и вещевые склады [4, с. 78–79]. Для борьбы с различными болезнями ШКК открывал и снабжал медикаментами и продовольствием больницы, штат которых набирался совместно с русским Красным Крестом. Для сирот, масса которых скапливалась в крупных населенных пунктах, экспедиция ШКК устраивала детские приюты, где дети проходили карантин, дезинфекцию, получали новую одежду и горячее питание [5. Л. 27].

За оказание гуманитарной и медицинской помощи в каждом таком районе отвечали делегаты ШКК. В круг непосредственных обязанностей делегата входили: организация работы волостного склада ШКК,

пекарни и стационарных столовых; набор русского персонала по представлению волисполкомов; содержание больницы, амбулаторий и детских приютов (с января 1922 г. и детдомов); совместное с волисполкомом привлечение взрослого населения к общественным работам. Связь со штабом экспедиции осуществляли через посыльных и курьеров, с которыми также отправляли еженедельные отчеты и запросы на необходимые ресурсы [6].

Горячее питание, выдаваемой Шведским Красным Крестом, состояло в основном из рыбного супа и хлеба. Порция включала в себя: ржаной муки – 225 г, гороха – 160 г, сушеных овощей – 10 г, сельди – 300 г, при этом горох в разные дни недели заменялся на пшено, картофель, макароны, один раз в неделю в паек включался яблочный мармелад. Дети получали $\frac{3}{4}$ взрослой порции. В составе поступавших в адрес ШКК продовольственных грузов значатся и другие продукты, не фигурировавшие в официальном меню, но использовавшиеся для питания голодающего населения: какао, овсянка, брусника и черника (возможно, для приготовления киселя), манная крупа, молоко конденсированное, рис, сахар, чай и др. Калорийность шведского пайка составляла 1250 ккал, но иногда варьировалась от 950 до 1349 ккал [7, с. 450].

Шведская экспедиция, состоявшая первоначально из 12 человек, энергично принялась за работу и к январю 1922 г. ежедневное горячее питание получали уже 18 000 жителей выделенного района. Как отмечал председатель Самарского губисполкома В.А. Антонов-Овсеенко в своей статье «Истинно-культурная работа»: «Уже на следующий день по своем прибытии экспедиция приступила к ознакомлению с районом, в котором ей предстояло развертывать ее работу.

Этот район недавно еще богатых сел – Воскресенская, Каменный Брод и т. д., в 16–40 верстах от Самары по тракту на Пугачев – застала она в отчаянном положении. Из 23 686 душ его населения лишь 4,6 % оказались способными держаться собственными средствами. За год число лошадей уменьшилось с 7 872 до 1 775, мелкий скот почти вовсе уничтожен.

Шведская экспедиция через несколько дней уже вела работу полным ходом. К середине января она выдавала ежедневно горячую пищу и хлеб 18 800 чел., выдавала эту пищу на дом из общественных кухонь, устроенных в селениях – Воскресенском, Каменном Броде, Вязовом Гае, Колывани, Дергачи, Преображенке, Русских и в Мордовских Липягах» [8, с. 1].

Делегатом в Воскресенскую волость была назначена старшая медицинская сестра Карин Линдскуг (Karin Lindskog). Родилась Карин 1 октября 1875 г. в провинции Даларна. Во время Первой мировой войны она служила на территории Германии в лазаретах для военнопленных, а также сопровождала санитарные поезда с русскими воен-

нопленными-инвалидами в Апаранду, где в 1915–1918 гг. происходил обмен инвалидами войны между Российской империей и центральными державами. В 1918–19 гг. она недолгое время работала делегатом в миссии ШКК в России по обмену военнопленными. Вернувшись в 1919 г. в Швецию, Карин поступила на службу в больницу Красного Креста в Стокгольме. Осенью 1921 г. завербовалась в Самарскую экспедицию ШКК [6].

Воскресенская волость была непростой: в этом месте скапливались беженцы из южных областей и Башкирии. За реку Самарку их не пускали: пытались сохранить хоть какой-то порядок в самой Самаре и уберечь город от заразных болезней. Скопление беженцев неминуемо влекло за собой эпидемии, в первую очередь тифа. В состав волости входили следующие населенные пункты: села Воскресенское, Русские Липяги, Мордовские Липяги, деревни Чувашские Липяги, Подстепновка, Преображенка, поселки Преображенский, Карповский, Возрождение, Васильки, Липяговский совхоз и сельскохозяйственная артель «Расцвет». На 1920 г. в волости проживало 8 594 чел.

К январю 1922 г. Карин Линдсуг развернула в волости три кухни и пекарню. Горячее питание выдавалось в волостном центре, а остальные села получали питание сухими пайками, которые доставлялись специальными уполномоченными от сел. За январь устроенные Карин Линдсуг кухни выдали: горячих порций взрослым 80 073, детям 67 549 (в селах Воскресенска, Мордовские Липяги, Русские Липяги), сухим пайком (то же, что и обычный, только вместо супа выдавались суповые таблетки): взрослым 20 987, детям 19 437. Еще 4 340 горячих пайков получили служащие [9].

В первые же недели своей работы участники экспедиции столкнулись с «голодными ужасами». Местность, в которой им приходилось работать, была разорена войной и засухой, а люди доведены голодом до отчаяния. На IX Всероссийском съезде Советов В.А. Антонов-Овсеенко так описывал состояние Самарской губернии: «Миллионы людей голодают, и это не простое слово о недоедании, – это значит, что людям уже нечего жевать, что они грызут мерзлую землю, что они сходят с ума от постигшего их бедствия» [10, с. 17]. Потрясенный увиденным руководитель экспедиции ШКК Эрик Эйнар Экстранд отправил в Ригсдаг эмоциональную телеграмму не с просьбой, а мольбой об увеличении финансирования и отправки большей помощи как можно скорее:

«В данный момент, страдания людей вынуждают меня просить Риксдаг и шведский народ о помощи, чтобы прекратить жесточайшие мучения и трагедии в истории человечества.

В районе Голода люди переживают такие муки, что многие из них доведены до безумия. Уже едят трупы умерших людей. А сейчас начали убивать людей, чтобы их съесть. Несмотря на тяжелую ситуа-

цию в Швеции, умоляю вас проявить сострадание и отправить необходимую помощь.

Когда-нибудь награда за это нам вернется» [11, с. 2].

Публикация телеграммы в газетах произвела сильнейшее впечатление на шведское общество: по всей стране начались сборы пожертвований в пользу русских голодающих, правительство увеличило финансирование экспедиции до 3 млн крон. Поступление новых ресурсов позволило экспедиции ШКК существенно увеличить район деятельности и количество питаемого населения в Самарской губернии.

В феврале число порций горячего питания, выдаваемых взрослым в Воскресенской волости, выросло до 95 732 за счет деревень Чувашские Липяги, Преображенка, Подстепновка [9].

Кроме выдачи питания населению, делегат Карин Линдсуг распределяла среди деревенских детей рождественские и новогодние подарки, собранные детьми в Швеции, присланные в Самару через шведское отделение международной общественной организацией «Спасите детей» («Save the children»). Радость, с которой малыши принимали даже самые простые подарки, глубоко тронули Карин Линдсуг. В письме на родину она так описывала свои переживания и радость за устроенный для детей праздник:

«Сегодня уезжает курьер и я спешу отправить несколько строчек, чтобы сообщить насколько счастливы и благодарны эти измученные голодом малыши шведским детям, собравшим подарки. Я только начала их раздавать, но даже те немногие дети, что получили подарки, были вне себя от счастья. Никогда раньше я не видела, чтобы наша организация «Спасите детей» была так нужна, как в этой многострадальной стране ее измученным жителям. Дети плакали от счастья, обнимали меня...

Если бы только знали там, дома, какая нужда, какие голод и мучения здесь... Столько ужасного вокруг, что иногда кажется совсем нет надежды» [12, с. 3].

В Воскресенске же, как волостном центре, ШКК открыл свою первую больницу. Лекарств и медицинского персонала в начале катастрофически не хватало, поэтому в первую очередь спасать решили только детей младше 14 лет. Карин Линдсуг лично набрала русский персонал для больницы в городе Самаре.

Больница открылась 31 декабря 1921 г. И сразу, прямо в новогоднюю ночь, местные крестьяне понесли туда своих больных детей. Самой массовой и страшной болезнью был тиф, осложненный истощением на почве голода. Карин Линдсуг ни разу не покинула больницу с момента ее открытия. Спала в отдельной комнате при палатах. Детей несли в любое время суток. Она осматривала их всех, назначала лечение. Лично все проверяла. При этом она не оставляла своих обязанностей по распределению гуманитарной помощи: отда-

вала распоряжения о развешивании кухонь, организации кормления населения и пациентов, выписывала лекарства, проверяла счета [9]. Такой образ жизни и хроническая усталость не могли остаться без последствий – Карин тоже заразилась тифом. Не слезла, не попросила эвакуации (такая возможность была прописана в ее контракте), она осталась на своем посту, с детьми, которых считала уже своими. 17 февраля 1922 г. она умерла.

Поступок Карин Линдсуг – совершенно сознательное самопожертвование ради спасения больных и умирающих детей стал потрясением для жителей волости, которые до ее приезда уже потеряли надежду на спасение. На следующий день после ее смерти в село Воскресенск съехались представители всех сел волости. Протокол собрания в полной мере отображает всю значимость работы, проводимой Карин Линдсуг для ее жителей:

«Протокол № 14

Комитета Воскресенской волости, с участием представителей с. Воскресенского, с. Мордовские Липяги, с. Русские Липяги, дер. Преображенки

Повестка дня. О выражении соболезнования и чувств глубокой скорби по безвременно почившей сестре милосердия Воскресенского лазарета Шведского Красного Креста г-жи Линдсуг

Постановили:

Заслушав доклад Волостных Уполномоченных Самарцева и Жесткова о преждевременной кончине Заведующей Воскресенским лазаретом сестры милосердия Карин Линдсуг и принимая во внимание, что сестра Линдсуг со дня открытия Воскресенского лазарета и до момента заболевания сосредоточила всю свою деятельность на благо больных населения Воскресенской волости, оценивая неутомимый труд и деятельность покойной сестры Линдсуг отдавшей на благо Русского голодного народа свои знания, энергию и жизнь, Собрание ПОСТАНОВИЛО:

Выразить от имени населения Воскресенской волости чувства глубокой скорби по безвременно погибшей от тифа 17 февраля 1922 г. в 7 час. вечера сестры милосердия Шведского Красного Креста Г-жи Линдсуг, отдавшей жизнь свою на борьбу с эпидемией тифа, развившейся среди голодающих России. Возложить на гроб почившей венки с надписью: "Сестре Милосердия Карине Линдсуг от глубоко признательного населения Воскресенской волости Самарской губернии и уезда. 1922 февраля 17 дня".

Дорогая Сестра безвременная кончина твоя лишила всех больных лазарета твоей заботливости и материнского отношения. В бытность твою заведующей лазаретом всегда и всюду наблюдалось твое материнское отношение к больным и умелая распорядительность.

Дорогая Сестра, ты спишь теперь холодным сном могилы и не слышишь что творится вокруг тебя. Суровая и безжалостная смерть вырвала тебя из среды деятелей мира сего на самом разгаре начатого тобою человеколюбивого подвига и не дала возможность тебе довести его до конца, все твои умелые распоряжения, добрые отношения и прочие твои достоинства уйдут с тобой в могилу и больше уж не услышатся, но сделанное тобою останется с нами на всегда и оно не изгладится из нашей памяти и памяти наших детей.

Мир праху твоему дорогая Сестра Линдскуг, мы не можем найти способа как излить перед тобою своих чувств признательности, как только преклонить свои обнаженные головы у ног твоего праха.

Собрание имеет честь препроводить настоящий протокол Председателю Экспедиции Шведского Красного Креста в гор. Самаре г. Экстранду и покорнейше просит передать выраженья чувства великой скорби по умершей Сестре Линдскуг Председателю Шведского Красного Креста ЕГО Высочеству Принцу Карлу, родственникам усопшей и всему Шведскому народу» [9].

Гроб с телом Карин доставили сначала в Самару, где прошло отпевание в лютеранской кирхе, а затем отправили на родину за счет руководителя ШКК принца Карла. Похоронили ее в Швеции в провинции Даларна в Nosjökarell.

Общественная организация «Союз женщин Швеции» предложила почтить ее память сбором средств для голодающих самарских детей. К 1 июля 1922 г. организация собрала 8 395 крон, на которые закупила 6 т муки, 1 056 коробок консервов и 500 м ткани и отправили в Самару [13, с. 2]. Эти средства целиком пошли на содержание больницы в селе Воскресенка.

Таким образом, даже после своей смерти, медицинская сестра Карин Линдскуг продолжила заботиться о больных и голодающих детях.

Список литературы

1. Бюллетень ЦК Помгол ВЦИК. – М., 1921. – №1.
2. Циденков Г.Г. Организационная структура миссии Шведского Красного Креста по оказанию помощи голодающим Самарской губернии во время голода 1921–1923 годов // Самарский науч. вестн. – Самара, 2018. Т. 7. – №1 (22). – С. 179–182.
3. Голод в Средневолжском крае в 20–30-е годы XX века. Т. 1. Голод в Самарской губернии в 20-е годы XX века: сб. док. ГБУСО «Самарский областной государственный архив социально-политической истории», ГБУСО «Центральный государственный архив Самарской области». – Самара, 2014. – 513 с.
4. Деятельность Самарской губернской комиссии помощи голодающим по отчетам (за декабрь 1921 г. – июнь 1922 г.). – Самара, 1922. – С. 78–79.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 667.
6. Национальный архив Швеции. Riksarkivet. SKR/Byrån för hjälpverksamhet i Ryssland. F. 1. Vol. 1.
7. Аншакова Ю.Ю. Гуманитарная деятельность Шведского Красного Креста в России во время голода начала 1920-х годов // Российская государственность: от

истоков до современности: материалы междунар. науч. конф. Самара, 13–15 сентября 2012 г. – Самара: Изд-во Самарск. науч. центра РАН, 2012. – С. 448–453.

8. Коммуна (Самара). – 1922. – 4 февр.
9. Национальный архив Швеции Riksarkivet. SKR/Byrån för hjälpverksamhet i Ryssland. F.2. Vol.1.
10. IX Всероссийский съезд Советов. Стенографический отчет. – М., 1921. – 64 с.
11. Folkets Dagblad Politiken. – 1922. – 23 янв.
12. Stockholms Tidningen. – 1922. – 16 янв.
13. Stockholms-Tidningen. – 1922. – 2 июля.

References

1. *Byulleten` CzK Pomgol VCIK* [Bulletin of the Central Committee of the Central Executive Committee Pomgol]. М., 1921. №1.

2. *Cidenkov G.G. Organizacionnaya struktura missii Shvedskogo Krasnogo Kresta po okazaniyu pomoshhi golodayushhim Samarskoj gubernii vo vremya goloda 1921–1923 godov* [Organizational structure of the mission of the Swedish red cross to assist the starving of the Samara province during the famine of 1921–1923] // *Samarskij nauchny`j vestnik* [Samara scientific Bulletin Samara], 2018. Т. 7. №1 (22). S. 179–182.

3. *Golod v Srednevolzhskom Krae v 20–30-e gody` XX veka. T. 1. Golod v Samarskoj gubernii v 20-e gody` XX veka. Sbornik dokumentov GBUSO «Samarskij oblastnoj gosudarstvenny`j arxiv social`no-politicheskoj istorii», GBUSO «Central`ny`j gosudarstvenny`j arxiv Samarskoj oblasti»* [Hunger in the middle Volga Region in the 20–30s of the twentieth century. Vol.1. Famine in the Samara province in the 20s of the twentieth century. A collection of documents guch Tsentr sotsial'noy "Samara regional state archive of socio-political history," guch Tsentr sotsial'noy "Central state archive of the Samara region»]. Samara, 2014. – 513 s.

4. *Deyatel`nost` Samarskoj gubernskoj komissii pomoshhi golodayushhim po otchetam (za dekabr` 1921 g. – iyun` 1922 g.)* [Activity of the Samara provincial Commission of the help to starving according to reports (for December, 1921 – June, 1922)]. Samara, 1922. S. 78–79.

5. *Gosudarstvenny`j arxiv Rossijskoj federacii (GA RF)* [State archive of the Russian Federation]. F. R-1058. Op. 1. D. 667.

6. Riksarkivet. SKR/Byrån för hjälpverksamhet i Ryssland. F. 1. Vol. 1.

7. *Anshakova Yu.Yu. Gumanitarnaya deyatel`nost` Shvedskogo Krasnogo Kresta v Rossii vo vremya goloda nachala 1920-x godov* [Humanitarian activities of the Swedish red cross in Russia during the famine of the early 1920-ies] // *Rossijskaya gosudarstvennost`: ot istokov do sovremennosti. Materialy` mezhdunar. nauch. konf. Samara, 13–15 sentyabrya 2012 g.* [Russian statehood: from its origins to the present. Proceedings of the international. science. Conf. Samara, 13–15 September 2012]. Samara: Izdatel`stvo Samarskogo nauchnogo centra RAN, 2012. S. 448–453.

8. *Kommuna (Samara)*. 1922. 04 fevralya.

9. Riksarkivet. SKR/Byrån för hjälpverksamhet i Ryssland. F. 2. Vol. 1.

10. *IX Vserossijskij s`ezd Sovetov. Stenograficheskiy otchyot* [IX all-Russian Congress of Soviets. Verbatim record]. М., 1921. 64 с.

11. Folkets Dagblad Politiken. 1922. 23 янв.

12. Stockholms Tidningen. 1922. 16 янв.

13. Stockholms-Tidningen. 1922. 02 июля.

Статья поступила в редакцию 12.04.2019

А.П. Фернандес-Эрес

**Испанские военнопленные в Карелии:
личный опыт одного из «детей войны»**

В статье отмечается тот факт, что в Красной армии против гитлеровских войск сражались как опытные бойцы республиканской армии, так и совсем юные добровольцы, выпускники испанских детских домов, у которых не было опыта борьбы в Испании. Один из них, Анхель Эрреро Альварес, эвакуировался из Испании в июле 1938 г., в возрасте 14 лет. Он стал воспитанником детского дома №5 для испанских детей (станция Обнинская), а затем, после окончания школы, переехал в Ленинградский дом испанской молодежи.

Надеясь отомстить за смерть отца, расстрелянного франкистами, Анхель Эрреро Альварес добровольно вступил в 3-ю Ленинградскую дивизию народного ополчения. Война для юного Анхеля стала тяжелым испытанием. Оказавшись в финском плену после неудачной попытки выйти из окружения, он был в подавленном состоянии. Известие, что взятых в плен молодых «советских испанцев» немцы планируют вернуть режиму Франсиско Франко, не обрадовало его. Тем не менее, он получил свободу, вернувшись в Мадрид в феврале 1943 г.

Свои воспоминания автор оформил в виде «Письма в Испанский центр». Эти воспоминания впервые введены в научный оборот и требуют дальнейшего изучения.

Ключевые слова: военнопленные, «советские испанцы», лагерная повседневность, репатриация.

A.P. Fernandez-Eres

**Spanish prisoners of war in Karelia: personal experience
of one of the “children of war”**

The article notes the fact, that both experienced soldiers of the republican army and very young volunteers, graduates of Spanish orphanages, who had no experience of battle in Spain, fought with the Nazi troops in the Red Army. One of them, Angel Herrero Alvarez, at the age of 14 was evacuated from Spain in July 1938. He became a pupil of the orphanage No. 5 for Spanish children (Obninsk station), and then, after graduating from school, he moved to the Leningrad House of Spanish Youth.

Hoping to revenge for the death of his father, who was shot by the Francoists, Angel Herrero Alvarez voluntarily joined the 3rd Leningrad national militia division. The war for the young Angel Herrero Alvarez was a difficult ordeal. After an unsuccessful attempt to get out of the encirclement, he was taken as a prisoner by the Finns and felt depressed. The news that the Germans are planning to return young “Soviet Spaniards” to the regime of Francisco Franco did not make him happy. Nevertheless, he received his freedom, returning to Madrid in February 1943.

The author designed his memoirs in the form of “Letters to the Spanish Center”. These memories were first introduced in scientific circulation and require further study.

Key words: prisoners of war, “Soviet Spaniards”, camp daily routine, repatriation.

Научное использование воспоминаний, писем, дневников открывает перед историками большие перспективы. Существенно дополняя официальные документы, источники личного происхождения расширяют проблематику исторических исследований. В этой связи большой интерес представляют несколько страниц печатного текста, присланные в Испанский центр в Москве 27 декабря 2005 г. из Мадрида Анхелем Эрреро Альваресом [1]. Автор повествует о личном участии в Великой Отечественной войне, попадании в финский плен и последующей выдаче его режиму Франсиско Франко в Испании. Эти воспоминания на испанском языке в данный момент хранятся в школьном музее гимназии № 168 г. Санкт-Петербурга, где до войны находился детский дом для испанских детей № 9.

Безусловно, перед исследователями, работающими с воспоминаниями, стоит непростая задача обобщения материала и его анализа, что сделать достаточно непросто. При изучении воспоминаний возникают две очевидные опасности: выйти на такой уровень обобщений, который оставляет далеко позади конкретного человека и его уникальный рассказ (т. е. уйти от самой сущности *oralhistory*), либо скатиться до уровня пересказа индивидуальных историй в той степени подробности, которая заведомо делает невозможным всякое широкое обобщение. Трудно сказать, разрешима ли в полной мере эта дилемма, поскольку она совершенно точно соответствует диалектике самой устной истории: столкновению индивидуального и общего, «маленького» и большого» [2, с. 149].

В последние годы было опубликовано немало мемуаров, касающихся периода пребывания испанских детей в специально организованных для них интернатах на территории СССР. Так как в годы Великой Отечественной войны детские дома для испанских детей были эвакуированы, то авторы мемуаров в основном описывают бытовые подробности, касающиеся выживания в советском тылу.

Гораздо меньше нам известно о юных выпускниках испанских детских домов – участников Великой Отечественной войны. Большую исследовательскую работу в этой области провел писатель В.Г. Даев, который писал об участии юных «советских испанцев» в боевых действиях и нахождении в блокированном вражескими войсками Ленинграде [3, с. 65].

Как известно, после Гражданской войны в Испании многие бойцы республиканской армии оказались в СССР. Это были опытные бойцы: летчики, артиллеристы и минеры-диверсанты [4]. У юных испанских

добровольцев, приехавшими в СССР детьми, в отличие от них, за плечами не было опыта борьбы в Испании.

Свое повествование Анхель Эрреро Альварес начинает с приезда в СССР. Он эвакуировался из Испании в июле 1938 г. в возрасте 14 лет в числе экспедиции, организованной Министерством авиации Республики, в состав которой входили дети военных летчиков. Из Барселоны дети добрались до Франции и отправились в СССР через французский военный порт Брест на советском теплоходе «Мария Ульянова».

Анхель Эрреро Альварес подчеркивает, что испанским детям в Ленинграде оказали теплый и душевный прием, в порту в Кронштадте их встречали толпы народа. Отметим, что подобный теплый прием ленинградцы оказывали практически всем экспедициям испанских детей, прибывавших из объята Гражданской войной страны. Воспоминания об этом запечатлены в многочисленных мемуарах. Так, один из испанских детей – Мануэль Арсе – в своей книге «Воспоминания о России» так описал первую встречу с советской землей: «В Ленинграде на пристани нас встречала огромная толпа, все нас приветствовали, махали руками, пытались обнять, что-то кричали. Нас отвели в большой дом, где нас искупали, провели санитарный осмотр, затем одели в новую одежду (мальчиков одели в матросские формы) и устроили нам настоящий банкет, где на столах, помимо прочего, была черная икра, которую мы видели в первый раз и которая, кстати, нам не понравилась» [5, с. 20].

В отличие от Мануэля Арсе, Анхель Эрреро Альварес более скуп на описание приезда и дальнейшей повседневной жизни испанских детей в СССР. Он кратко сообщает, что попал в Обнинский детский дом № 5. В детском доме его распределили в шестой класс школы, где преподавание велось на испанском языке, в классе было около 20 учеников, преимущественно баски. Для того чтобы продолжить образование в ремесленном училище после окончания семилетки, Анхель был переведен в Ленинград, где стал жить в только что открывшемся Доме испанской молодежи, специально созданном для испанских выпускников детдомов, не имевших своего жилья и семьи. Когда через год разразилась война между СССР и фашистской Германией, это стало для молодого испанца, еще помнившего бомбежки родных городов, полной неожиданностью.

Анхель Эрреро пишет, что он и его земляки в тот трудный момент чувствовали, что должны быть солидарными с советским народом в его борьбе с фашизмом. Кроме того, они считали своим долгом продолжить ту борьбу, которые начали их отцы в Испании и которая закончилась неудачей. Как становится ясно из воспоминаний, Анхелю не терпелось отомстить за отца, который был расстрелян франкистами в августе 1936 г.

Далее автор мемуаров сообщает о том, что он, как и многие молодые испанцы, вошел в состав одной из дивизий народного ополчения, но не уточняет в какую именно. Узнать эти сведения удалось благодаря исследованиям научного сотрудника Государственного музея истории Ленинграда В.Г. Даева. В его «Списке воспитанников испанских детских домов и сотрудников детского дома № 8, оказавшихся в кольце блокады Ленинграда, сверенным с архивами Компартии Испании в СССР в 1978–1987 гг.», значится, что Эрреро Альварес Анхель воевал в 3-й Ленинградской дивизии народного ополчения [6. Л. 11]. Эта дивизия была сформирована 4 июля 1941 г. в основном из рабочих и служащих Фрунзенского, Приморского и Выборгского районов.

Испанский педагог Федерико Питта в письме от 6 августа 1941 г. на имя инспектора КИМа Сехиса Альвареса сообщал, что большинство испанских новобранцев уже заканчивает курс военной подготовки и посылается на фронт «Я держу тесную связь с ними, что отнимает у меня много времени для писем. Мы получаем замечательные письма, и во многих из них они нам пишут, что сын Долорес не будет единственным награжденным» [7. Л. 8].

Первоначально задание юного добровольца Альвареса заключалось в том, чтобы помогать отправлять замаскированные самолеты на аэродромы. Однако затем дивизия выдвинулась в Карелию, здесь у военных действий были особенности, благоприятные для финнов, хорошо обученных для войны в этих местах, поэтому уже при первых столкновениях среди молодых ополченцев было много жертв. Враг казался неуловимым и очень опасным, так как всегда нападал неожиданно.

Анхель Эрреро Альварес пишет, как однажды утром они были разбужены залпами пулеметного огня – финны застали их врасплох. Солдаты были в замешательстве, хотя некоторые молодые бойцы спрятались за деревья, откуда пытались защищаться. Слышны были стоны и мольбы раненых о помощи, однако любое движение в сторону товарищей сопровождалось залпом огня противника. Ночью ополченцев обстреливали снайперы – «кукушки».

После некоторой растерянности бойцы решили выходить из окружения и двигаться лесами в южном направлении, в надежде выйти к своим. Идти по болотам, что иногда приходилось делать по стратегическим соображениям, было страшно и опасно, необходимо было слушать проводника и ступать ногой только туда, куда он указывал. Все двигались на некотором расстоянии друг от друга, чтобы в случае роковой ошибки и неверного шага не утащить с собой на дно товарища. Постепенно молодые бойцы набирались опыта и научились лучше отражать удары врага в густом лесу, так что преследователи также несли потери. Цель отряда состояла в том, чтобы выйти к реке Свирь.

Анхель Альварес не описывает подробно то, как он попал в плен. Видно, что и спустя много лет ему было неприятно вспоминать об этом. Среди причин он указывает полное истощение моральных и физических сил бойцов, которые шли уже шесть или восемь дней практически без еды, добывая себе воду из болот, отфильтровывая ее через хлопчатобумажные ткани. В ходе этого похода продолжались стычки с финнами. В итоге бойцы попали в засаду и, взятые в кольцо противником, полностью деморализованные, были препровождены в концентрационный лагерь карельского села Олонец, занятого к тому времени финскими войсками.

Альварес вспоминает, что среди испанцев циркулировал слух о том, что их товарищ Мануэль Рекерей смог выбраться из окружения. Всем оставалось только гадать, был ли он ранен и смог ли попасть к своим. Отметим, что уже упомянутому согласно «Списку..» В.Г. Даева Рекерей Гардета Мануэль все же был ранен и попал в плен [б. л. 7].

Описывая дни пребывания в концентрационном лагере, Эрреро скупно упоминает, что несмотря на то, что там не было крематориев, тем не менее условия были нечеловеческими, в общем бараке с двойными нарами было тесно, ночью спать было невозможно из-за платяных вшей и клопов.

Однажды Альвареса в составе группы заключенных отвезли на болотистый берег реки. Мысли пленников отнюдь не были оптимистичными. Вскоре стало ясно, что им необходимо строить переправу. В СССР молодые испанцы всегда подчеркивали свою национальную идентичность [8]. Вот и находясь в плену, на тяжелых работах, Анхель не забыл объяснить, что он по национальности испанец. Это сослужило ему хорошую службу – его паек увеличился в лучшую сторону, охранники стали присылать ему еду со своего стола.

Однажды, возвращаясь с работ, Анхель поскользнулся и серьезно ударился. Начальник медсанчасти, немец Геринг, проявлял сочувствие к заключенным, хорошо кормил их и давал возможность сходить в баню. После выздоровления пришлось вернуться к тяжелым работам.

В целом воспоминания Анхеля Эрреро Альвареса несут в себе как отпечаток личности автора, его эмоций и переживаний, так и полны бытовых подробностей, касающихся жизни заключенных. Фактически описание лагерной повседневности прерывается с момента, когда пленника перевезли в лагерь в окрестностях Ладоги, где он смог встретиться со своими соотечественниками, молодыми испанцами, находящимися в плену, и узнал о планах немцев вернуть их на Родину. Это известие было встречено без восторга. Анхель вспоминает, что всего в их группе было 18 чел. Их перевезли в Берлин, а там вручили представителям Испанской Фаланги. Так «дети войны» вернулись в Мадрид в феврале 1943 г., а брат Анхеля узнал о его приезде из скупой заметки в печати.

Отметим, что судьба Анхеля Эрреро Альвареса, который после попадания в плен был репатриирован в Испанию, оказалась уникальна. Ведь он не только выжил, но и вернулся на историческую Родину (пусть даже против его воли). Большинство испанских юношей и девушек в годы войны все же оказались в тылу, а не на фронте. Можно отметить, что учеников испанских детских домов «берегли» для будущей борьбы с фашизмом на территории Испании [9, с. 111].

К сожалению, почти все молодые испанские добровольцы-ополченцы сложили свои головы. А.В. Елпатьевский, ссылаясь на сведения испанского исследователя Х. Рубио, пишет, что через два месяца боев осталась в живых только одна десятая их часть [10, с. 172].

О дальнейшей жизни на Родине автор письма предпочитает не распространяться, за исключением комментария, что ему поначалу было очень трудно, и в своей собственной стране он чувствовал себя вынужденным переселенцем.

В заключение Альварес пишет, что не забудет до конца жизни как счастливые годы, проведенные в СССР, так и лишения и трудности, которые он испытал, оказавшись в плену в годы Великой Отечественной войны. Представляется, что эти мемуары позволяют раскрыть еще один малоизученный эпизод, связанный с участием молодых испанских добровольцев в Великой Отечественной войне на Северо-Западном направлении.

Список литературы

1. Альварес А.Э. Письмо в Испанский центр 27.12.2005. (Рукопись, на испанском языке).
2. Черепанова Р.С. «Маленький человек» в «большой истории»: опыт интерпретации устных биографических рассказов // Вестн. Челябинск. гос. ун-та. – 2009. – № 4. – С. 148–157.
3. Даев В.Г. Испанские гости на родине Садко: итоги журналистского поиска. – СПб.: Сударыня, 1997. – 76 с.
4. Андреев А. «Но пасаран!» на фронтах Великой Отечественной [Электронный ресурс]. – URL: <http://gazetaslovo.com/новости/мир/ no-pasaran-na-frontah-velikoj-otechestvennoj> (дата обращения: 12.03.2019).
5. Арсе М. Воспоминания о России. Мадрид, 2011. – 110 с.
6. Даев В.Г. Список воспитанников испанских детских домов и сотрудников детского дома № 8, оказавшихся в кольце блокады Ленинграда, сверенный с архивами Компартии Испании в СССР в 1978–1987 гг. (рукопись).
7. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 2306. Оп. 70. Д. 6006.
8. Гаджиев К.С. Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. 2015 № 11 [Электронный ресурс]. – URL: phil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=400 (дата обращения: 12.03.2019).
9. Фернандес А.П. Испанские добровольцы на фронтах Великой Отечественной войны // Фронт, тыл, наука: вклад регионов в Победу: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. – Казань: Изд-во КНИТУ, 2016.

10. Елпатьевский А.В. Испанская эмиграция в СССР: Историография и источники, попытка интерпретации. – Тверь: Герс, 2002. – 220 с.

References

1. *Alvares A.E. Pi.'mo v ispanskij centr 27.12. 2005* (rukopis) [The letter to Spanish center]. 12 p.
2. *CHerepanova R.S. «Malen'kij chelovek» v «bolshoj istorii»: opyt interpretacii ustnyh biograficheskikh rasskazov* ["Little Man" in the "big story": the experience of interpreting oral biographical stories] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University]. 2009. №4. P. 148–157.
3. *Daev V.G. Ispanskie gosti na rodine Sadko: itogi zhurnalistikogo poiska* [Spanish guests in the homeland of Sadko: the results of the journalistic search]. St. Petersburg: Sudarynya, 1997. 76 p.
4. *Andreev A. «No pasaran!» na frontah Velikoj Otechestvennoj* [«No pasaran!» On the fronts of the Great Patriotic war] /URL:<http://gazetaslovo.com/новости/мир/ no-pasaran-na-frontah-velikoj-otechestvennoj> (date of the application 12/03/2019).
5. *Arse M. Vospominaniya o Rossii* [Memories of Russia]. Madrid. 2011. 173 с.
6. *Daev V.G. Spisok vospitannikov ispanskih detskih domov i sotrudnikov Detskogodoma №8, okazavshihся v kol'ce blokady Leningrada, sverennyj s arhivami Kompartii Ispanii v SSSR v 1978–1987gg»* (rukopis') ["A list of pupils of Spanish orphanages and employees of Orphanage No. 8 who found themselves in the blockade ring of Leningrad, collated with the archives of the Communist Party of Spain in the USSR in 1978–1987." (manuscript)]
7. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [State Archive of the Russian Federation]. F. 2306. Op. 70. D. 6006.
8. *Gadzhiev K.S. Nacionanaya identichnost': konceptualnyj aspekt* [National identity: conceptual aspect] // *Voprosy filosofii* [Philosophy issues]. 2015. № 11 // URL:phil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=400 (date of the application 12/03/2019).
9. *Fernandes A.P. Ispanskie dobrovolcy na frontah Velikoj Otechestvennoj vojny* [Spanish volunteers on the fronts of the Great Patriotic War] // *Front, tyl, nauka: vklad regionov v Pobedu: sbornik statej Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Front, rear, science: the contribution of the regions to the Victory: a collection of articles of the All-Russian Scientific Practical Conference]. Kazan: KNITU publishing house 2016. 228 p.
10. *Elpat'evskij A.V. Ispanskaya eh migraciya v SSSR: Istoriografiya i istochniki, popytka interpretacii* [Spanish emigration to the USSR: Historiography and sources, an attempt of interpretation]. Tver: Gers 2002. 220 p.

Статья поступила в редакцию 22.03.2019

ПУБЛИКАЦИИ

УДК 82-94(47+57)"1971"

ГРНТИ 03.23.55: История России Новейшего времени

*Публикация, вступительная статья
и комментарии В.А. Веременко, В.О. Левашко*

**Евграф Алексеевич Мантьев.
Краткие записи из моей биографии.
1971 г.**

**Мемуарные записи о моей службе
в рядах Советской Армии**

Тетрадь первая

Мемуары Евграфа Алексеевича Мантьева – это широкое полотно повседневной жизни молодого человека из семьи русского чиновника, пришедшейся на начало XX в. и трагический период войн и революции. Из мемуаров можно узнать, как росли и воспитывались дети в небогатых дворянских домах, каковы были нелегкие условия их материальной жизни, как отразились на их быте глобальные социальные катаклизмы. Наиболее интересной частью воспоминаний являются разделы, посвященные условиям жизни людей в период революции и Гражданской войны, организации призыва молодежи и службы в Красной армии, возможности оказания медицинской помощи больным и раненым в условиях боевых действий.

Ключевые слова: чиновничество, служба, революция, Гражданская война, волость, Рабоче-крестьянская Красная армия, тиф.

*Publication, introductory chapter and comments
by V.A. Veremenko, V.O. Levashko*

**Evgraf Alekseevich Mant'ev.
Brief notes from my Biography.
1971.**

**Memoirs about my service
in the ranks of the Soviet Army**

Book one

The memoirs of Evgraf Alekseevich Mant'ev draw us a broad canvas of the daily life of a young man from Russian official's family, which took place in the beginning of the XX century and the tragic period of wars and revolutions. The memoirs show how

children grew up and raised in modest noble houses, how difficult were the conditions of their material life, how global social cataclysms affected their life. The most interesting parts of the memories are sections, devoted to the living conditions of people during the revolution and civil war, organization of youth recruitment and service in the Red Army, and the possibilities of providing medical assistance to the sick and wounded in war conditions.

Key words: bureaucracy, service, revolution, civil war, district, Workers' and Peasants' Red Army, typhus.

В 2017 г. Россия более или менее торжественно отметила столетие Великой русской революции, ставшей предтечей громадных и, к сожалению, по большей части трагических изменений во всех сферах жизни нашей огромной страны. Казалось, что сто лет – это такой огромный период, который даёт нам возможность спокойно, отринув понятия и представления военной и революционной поры, дать ответ на те вопросы, которая поставили перед нами история революции и последовавшей за ней русская гражданская война. Но нет, события, связанные с октябрём 1917 г. были столь масштабны, включали в себя, с одной стороны, действительно великие свершения, а с другой – действительно великие жертвы, и поэтому прийти к общенациональному консенсусу по Великой русской революции и Гражданской войне современной российской общество, как это не прискорбно, до настоящего времени не может.

Всё вышесказанное в полной мере относится и к отечественной исторической науке. К сожалению, в научной среде, вплоть до настоящего времени, сохраняется существенная поляризация мнений. С одной стороны, она обусловлена идеологической позицией авторов, во многом до настоящего времени непримиримой. С другой существуют большие проблемы в самой методике оценки революционных событий и событий войны. Определенную роль сыграло в этом увлечение макроисторией, «историей масс», в ущерб истории конкретного человека, его роли и его ощущению в событиях «мирового масштаба». Между тем переход от истории масс к истории конкретных людей в значительной мере позволили бы ответить на многие вопросы, кажущиеся сегодня неразрешимыми. Именно в этом скрываются огромные возможности для отечественной науки в решении тех, на первый взгляд неподъемных проблем с пониманием и оценкой событий первой половины XX в. В этой связи публикация и осмысление мемуаров рядовых участников событий с той и другой стороны представляют сегодня большой научный интерес.

Как раз к такому типу источников относятся воспоминания Евграфа Алексеевича Мантьева «Краткие записи из моей Биографии». Публикуемая сегодня первая часть воспоминаний посвящена детству и юности Евграфа Алексеевича, которые как раз и пришлись на период

революции и Гражданской войны. По своему происхождению Евграф Алексеевич потомственный дворянин, происходящий из весьма небогатой семьи отставного военного чиновника. *«Жили все только на жалование отца», «...а школа была для приходящих детей малообеспеченных родителей»,* – вспоминает Евграф Алексеевич о своём образовании. При этом следует отметить, что родители автора в значительной мере смогли подготовить его к самостоятельной жизни. Немалую роль в этом сыграло приобщение к труду – во многом вынужденное, весьма небогатая семья должна была использовать любой источник к существованию. *«Отец вменил в мою обязанность всю “дворницкую” работу. Я ежедневно зимой сгребал снег во дворе и на улице перед домом, научился колоть дрова, приносить воду из колодца и другие работы. А летом мы, кроме отца уезжали на дачу в пустошь. Там я приучался к сельскохозяйственным работам. Там я научился косить траву, сушить сено, пахать плугом и даже сохой, боронить и другим работам».* Представляется, что повседневные заботы о хлебе насущном занимали всё время семьи, по крайней мере, чувствуется, что до начала революционных событий семья Мантьевых, да и сам молодой Евграф Алексеевич, стояли «вне политики». Даже о событиях Первой мировой войны автор пишет достаточно отстранённо, вспоминая только беспокойство о судьбе братьев, оказавшихся на фронте. *«Все мы беспокоились за братьев. Один из них (старший теперь), Александр, был на флоте на боевом корабле. А второй, Георгий (агроном), был на сухопутном фронте, где-то в Пинских болотах. Дела на фронте шли неблагоприятно для нас. Немцы стали применять ядовитые газы. Так что причин для беспокойства было немало».* Представляется, что именно в этом и заключается ценность данных воспоминаний, перед нами восприятие событий с точки зрения рядового россиянина, который рассматривает их не через призму той или иной идеологии, а через повседневность своих будней. *«Не могу припомнить, чтобы отец вёл со мной беседы на политические темы, а газеты того периода выражали мнение тех партий, органами которых они были. Значит, об одном и том же все писали по-разному. В такой обстановке трудно было определить своё собственное убеждение».* Подтверждают этот факт и описания «революционного Петрограда», где на первый план выходят проблемы с постоянно срывающимися учебными занятиями и нехватка продовольствия – *«Значительно труднее было с питанием. Хлеб выдавали по карточкам 1/8 фунта в день, т.е. 50 г. Причём в нём овсяных тросок было больше, чем мякоти. Брат вступил пайщиком в кооперативное общество и через него иногда удавалось кое-что достать в основном недоброкачественное. Иногда удавалось купить конину. В общем жили очень голодно».* В этой связи воспоминание о В.И. Ленине: *«Особенно, когда В.И. Ленин вернулся из*

эмиграции и стал руководить большевиками непосредственно на месте», носит, на наш взгляд, обязательный характер, мало вписывающийся в контекст мемуаров. Итак, молодой аполитичный человек мог оказаться в любом политическом лагере, но в силу обстоятельств оказывается в Красной Армии. Как видно из воспоминаний, маловероятно, что это был осознанный выбор Евграфа Алексеевича, просто он проживал на территории, которую устойчиво контролировали Советы, прошёл обучение во всеобуче и оказался в рядах 7-й армии красных. Воспоминания о боях за Петроград, в которых автор принимал непосредственной участие, тифе и событиях начала 1920-х гг. являются самой интересной, захватывающей частью воспоминаний, дающих много материала для размышлений.

Всё это делает воспоминания Евграфа Алексеевича Мانتьева ценным историческим источником, анализ которого позволяет показать события первой половины XX в., глазами беспристрастного свидетеля, что является особенно ценным в отечественной исторической литературе.

Введение

Как-то, перебирая книги, я случайно нашёл в одной из них письмо, которое я написал более тридцати лет тому назад. Содержание его было самое обычное, но все же в нём отражалась обстановка моей жизни тех лет. Невольно я задумался, силась было полно восстановить картину тогдашней моей жизни. Но оказалось, что я мог представить её лишь в самых общих чертах. Некоторые, может быть даже существенные, моменты сгладились и потерялись из моей памяти. Последняя оказалась плохим помощником в этом деле. А жаль! Живя седьмой десяток лет, особенно ощущаешь желание мысленно пройти по всем этапам своей жизни! Особенно сильно это желание появляется не только у меня, но и у большинства людей моего поколения, на долю которого пришлось пережить величайшие исторические события: начало новой эры в истории человечества, когда не только внешняя обстановка жизни каждого человека, но и сами люди, их духовный мир изменились в корне в короткий исторический срок.

На этом моя первая запись воспоминаний надолго прервалась. Теперь я уже отсчитываю восьмой десяток лет своей жизни. В связи с этим желание написать о себе, о том, что существенное сделал за свою жизнь для общества, какие ошибки допустил в жизни, стало ещё сильнее. Некоторые люди ведут ежедневные записи в личных дневниках. Они записывают все основные моменты своей жизни по свежей памяти. Поэтому сведения у них самые подробные и точные. К сожалению, я дневник не вёл. Даже обзорных записей за какой-то период

жизни не делал. Поэтому мне приходится писать обо всём по памяти. В некоторых случаях помогут личные документы.

С чего же начать писать? Полагаю, что наиболее верным будет начать описание моей жизни со дня рождения и далее последовательно из года в год. Итак, начинаю.

1.

Родился я в городе Липно, где служил в то время мой отец. Тогда этот город был Плоцкой губернии Привислинского края, а ныне – это Польша.

Случилось это событие 26 января 1900 г. по старому стилю. По новому стилю это приходится на 8 февраля.

1900-й г. – это первый год двадцатого века. Значит, я родился в самом начале XX в. и иду во времени с ним почти вровень.

Семья у моих родителей к тому времени была немалая. Два старших моих брата уже служили на флоте. Старшая сестра училась в женской гимназии. Средние по возрасту брат и сестра учились дома.

Я был предпоследним в семье. После меня родилась ещё сестра – последняя. Итого семь детей. Кроме них были ещё двое, но они умерли в детском возрасте. Об этом я знаю со слов родных.

Жили все только на жалование отца. Мать, естественно, полностью была занята семейными хозяйственными делами. Все дети воспитывались в труде, помогали матери в хозяйственных делах и учились (1). Про жизнь в г. Липно у меня почти ничего не сохранилось в памяти. Слишком мал был ещё тогда. Поэтому, если что и знаю, то только со слов старших. Знаю, что отец очень тяготился работой там, так как основное население – поляки и евреи – не очень благожелательно смотрели на русских. Последних там было мало. В основном служащие и военные. Отец просил перевода, но до выхода на пенсию ему оставалось на так уж много времени, и это задерживало перевод.

Точно не могу сказать, но примерно в 1906–1907 г. наша семья переехала в Петербург, где отец, после выхода на пенсию, поступил на работу в управление Николаевской жел. дороги делопроизводителем.

Жили мы на улице 10-я рота в угловом большом доме с Петергофским проспектом.

Меня определили учиться в приют в школу для приходящих, которая размещалась на углу 12-й роты и Петергофского проспекта. Так что ходить в школу мне было близко (2).

Основой этого приюта был стационар для девочек-сирот. Они там жили воспитывались и были на полном пансионе. А школа была для приходящих детей малообеспеченных родителей (3).

В школе учили и кормили обедами в большую перемену. Питание было скромное, но мне нравилось (4). Вообще, я не был избалован на пищу. Учился я хорошо и закончил школу с хорошими отметками. Но

родителям казалось, что я по возрасту должен был учиться на класс старше, поэтому им хотелось, чтобы я «перескочил» через класс. Они договорились с учительницей о дополнительных занятиях. Когда я закончил школу-приют, родители повели меня в так называемое «коммерческое училище» и просили принять меня сразу во второй класс. Но дополнительные занятия с учительницей не могли дать мне то, что проходили ученики в первом классе училища. Поэтому выше «тройки» я получить не мог, а по некоторым предметам не дотягивал и до неё. Но всё же меня записали во второй класс (5).

К моему счастью, по совету и рекомендации родственников отец перешёл на работу в г. Торопец секретарём земской управы. В Торопецком уезде жили родные моей матери, и ей досталась после смерти бабушки по разделу пустошь, которой фактически пользовался дядя – брат матери. За это он построил на пустоши домик-дачу, в котором наша семья проводила лето.

Переехали мы из Петербурга в Торопец в 1911 г. Сначала мы жили на частной квартире. Потом мой старший брат помог купить дом с огородом, в котором мы и жили, отец постоянно, а остальные в учебное время.

Меня определили учиться в Торопецкое реальное училище в первый класс, так как до второго я не дотянул. Но родители не отбросили мысль о моём «перескоке» через класс и договорились с воспитателем училища, чтобы он подготовил меня к этому «перескоку». Он усердно принялся за это дело и «выжимал» из меня изрядно всё, на что я был способен. Но, как говорится, в этом деле переборщили, и к концу первого полугодия я обалдел от перенапряжения своих умственных способностей, не стал разбираться в самых простых вопросах. Когда это стало понятным моим родителям и воспитателю, то решили дать мне отдохнуть и нормально заниматься в своём первом классе.

Отдохнув за зимние каникулы и «подкованный» занятиями с воспитателем, я во втором полугодии учился легко и стал получать хорошие и отличные отметки. Таким образом, я закончил первый класс с наградой (книги) и похвальным листом.

С таким фундаментом знаний я и в следующих классах продолжал учиться только на «4» и «5». Переходил из класса в класс с наградами. Кроме того, выявились у меня способности к рисованию. Поэтому я получал дополнительно награды за рисование (готовальню, ящик масляных красок). С учёбой всё шло нормально.

В 1912–1913 гг. в училище была введена «сокольская» гимнастика (6). И в ней я оказался среди самых способных учеников. Купили мне лыжи и коньки. И в этом виде спорта я преуспевал. Неплохо играл в шахматы. Участвовал в школьном хоре, драмкружке и в струнном оркестре на балалайке. Я выписывал журнал «Природа и люди» с при-

ложениями. Много читал и по запасу знаний перегнал многих одноклассников. Всё шло хорошо.

Отец вменил в мою обязанность всю «дворницкую» работу. Я ежедневно зимой сгребал снег во дворе и на улице перед домом, научился колоть дрова, приносить воду из колодца и выполняя другие работы. А летом мы, кроме отца, уезжали на дачу в пустошь. Там я приучался к сельскохозяйственным работам. Там я научился косить траву, сушить сено, пахать плугом и даже сохой, боронить и другим работам (7).

Средний брат мой в то время закончил учёбу в земледельческой школе и стал работать агрономом от земства. Он ставил опыты по разработке торфяных болот и переводу их в культурные луга. Я помогал срезать кочки, корчевать пни и даже управлять лошадьми на рандале (дисковая борона). Так что и в летние каникулы я получал основательную и полезную трудовую закалку и навыки в физической работе.

Между прочим, работы на болоте оставили у меня глубокое впечатление на всю жизнь. На моих глазах и при моём непосредственном участии болото, на котором рос только красный мох и клюква, где нельзя было даже пасти скот, так как травы не было и коровы вязли в трясине, превратилось в хороший луг, с которого из расчёта на десятину получили наилучшее по качеству сено в количестве 360 пудов. Это в перерасчёте на гектар – 56 центнеров! Правда, на это потребовался немалый труд людей и средства на приобретение минеральных удобрений и семян луговых трав. Но все эти расходы быстро окупались. Жаль, что наступившая вскоре война заставила прекратить эти работы и разработанный участок болота постепенно дичал. На нём стала расти осока. Но я воочию убедился в том, чего можно добиться трудом человека и какие богатства таятся в каждом болоте! Поэтому, когда я вижу большие массивы болота, всегда появляется мысль: что если бы при помощи современной мелиоративной техники превратить эти болота в луга, сколько бы полноценного корма можно было бы дополнительно заготавливать для животноводства! А работа техники во много раз облегчила бы, удешевила бы и ускорила бы производство этих прежде исключительно ручных работ!

Все эти работы на болоте и вообще вся агрономическая работа брата постепенно привили мне любовь к сельскому хозяйству. Возможно, что и я последовал бы по стопам брата. Но жизнь распорядилась по-своему. У каждого бывают в жизни свои неожиданности и несчастья. Так и у нас...

Лето 1912 г. выдалось знойное. Больше двух месяцев с весны не было дождей. Всё пересохло. И вот в один из таких горячих дней от невыясненной причины загорелся полудом-дача. За час двадцать минут от него не осталось даже головешек! Сгорели и часть вещей. Дру-

гую часть удалось вытащить на улицу. Лето доживали в сарае и в бане. Но дом был застрахован. Это помогло матери нанять плотников и на месте сгоревшего дома построить новый. На это ушло больше года и нарушило первоначальные планы. Тем более, что весной того же года умер дядя и моей матери пришлось взять на себя тяготы по ведению хозяйства.

А тут ещё обрушилось новое, на этот раз всеобщее несчастье: началась война с немцами в июле 1914 г. Брата-агронома мобилизовали в армию. Старшие братья продолжали службу на флоте.

Вскоре нашу семью постигло большое горе: 9-го сентября 1914 г. погиб в Финском заливе старший брат, Борис, на 32-м году жизни! Он был большой умница и изобретатель. Отец, как и все в семье, его очень любил, хотя он редко навещал родителей (8).

Эта потеря отразилась очень резко на здоровье отца. Он стал часто болеть и года через два вынужден был уйти с работы. Он получал пенсию за выслугу лет. На неё и жила вся наша семья. Потом сестры подросли и поступили на работу.

Я продолжал учиться и помогать по хозяйству. На пустоши мы заготавливали сено. Приобрели корову и лошадь. Летом жили в пустоши, а на зиму перевозили всё в город. С одной стороны, было хорошо, так как имели всегда свежее молочко от своей коровы. С другой же стороны, перевозка за 25 км туда, потом обратно кормов и прочего было во многом сложно и неудобно.

Война продолжалась. Все мы беспокоились за братьев. Один из них (старший теперь), Александр, был на флоте на боевом корабле. А второй, Георгий (агроном), был на сухопутном фронте, где-то в Пинских болотах. Дела на фронте шли неблагоприятно для нас. Немцы стали применять ядовитые газы. Так что причин для беспокойства было немало.

Мобилизации в армию стали проводиться всё чаще. Дошли до 50-тилетних и даже старше. В деревне работать становилось некому. Женщины не справлялись со всеми работами. Поэтому с каждым годом запускались и зарастали кустарником всё большие площади пахотных земель.

Продукты с каждым днём доставать становилось всё труднее и труднее. Цены росли. Сахар с первых же дней войны продавали по карточкам, два фунта на месяц. Но это только значилось в карточке. Фактически его всегда не хватало.

Недовольство народа неудачами и большими потерями на фронте и надвигающимся голодом всё росло и росло. Назревала революция. Раненых привозили всё больше. Под госпитали заняли школьные гимнастические залы. Мы, ученики, навещали раненых, приносили им папиросы и проч. Беседовали с ними. Я научился даже вязать шер-

стяные вещи для солдат. Чувствовалось всеобщее негодование и недовольство царём.

И вот 28 февраля старого стиля (12 марта) 1917 г. распространилась весть о том, что царь отрёкся от престола. Власть в стране захватила Государственная дума, которая создала Временное правительство, а на местах – комитеты.

Открыто и свободно стали проводиться митинги, собрания, демонстрации. Из тюрем и каторги стали возвращаться ссыльные политические деятели. Под их влиянием и руководством стали создаваться Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Политические партии стали легальными. Получилось двоевластие. Внутренняя политическая борьба разгоралась всё острее и шире. Особенно, когда В.И. Ленин вернулся из эмиграции и стал руководить большевиками непосредственно на месте.

Я не собираюсь повторять общеизвестные исторические факты. Моя задача написать о себе, как все эти события отразились на моей личной жизни.

В марте-мае 1917 г. я учился в шестом классе реального училища. До Февральской революции нам, ученикам, в школе ничего не говорили о существовании политических партий и их программах. Все беседы с нами велись на патриотические темы того времени. Вне школы же приходилось слышать разное. После свержения царя стали говорить всё более открыто, называя факты своими именами. Но опять разные люди объясняли всё по-разному. Не могу припомнить, чтобы отец вёл со мной беседы на политические темы, а газеты того периода выражали мнение тех партий, органами которых они были. Значит, об одном и том же все писали по-разному. В такой обстановке трудно было определить своё собственное убеждение. Особенно остро на собраниях, митингах и в печати дискутировался вопрос о войне, о земле и др.

В ту пору мне шёл восемнадцатый год, и я уже не мог безразлично проходить мимо этих вопросов. Среди учеников тоже был разноречивостью в мнениях.

Учёба в училище шла с перерывами и крупными недочётами. Некоторые учителя собирались уехать из Торопца. В реальном училище было шесть основных классов, по окончании которых выдавался аттестат, и седьмой дополнительный класс, по окончании которого выдавалось свидетельство, дающее право поступать в высшие учебные заведения.

Лето 1917 г., как обычно, я провёл в деревне. Когда же в августе 1917 г. после летних каникул я пришёл в училище продолжать учёбу в седьмом классе, то обнаружилось, что многих учителей, особенно по главным учебным предметам, нет. Они не вернулись после летних каникул. Директор не мог сказать, как скоро пришлют их замену. Передо

мной встала угроза потерять год учёбы. К тому времени моего старшего брата Александра перевели с корабля в адмиралтейство, и он жил в Петрограде на частной квартире (комнате). Я написал ему, не может ли он устроить меня на учёбу в Петрограде. Оказалось, что в казённых училищах свободных вакансий не было, а в частном реальном училище А.И. Гельда, имеющего все права казённых училищ, можно было устроить. И брат мой срочно вызвал меня в Петроград.

Жил я у брата в его комнате на улице Жуковского и питался с ним. Он же платил за мою учёбу. Я быстро нагнал в учёбе петроградских учеников и по знаниям во многом превосходил их, так что учился почти исключительно на «5» по всем предметам.

Но и тут учёба шла не регулярно. Назревала социалистическая революция, которая и произошла 25-го октября старого стиля (7-го ноября) 1917 г. Хотя революция прошла сравнительно бескровно, но стрельба на улицах часто слышна была. В училище пришлось ходить с опаской и осторожностью. Некоторые учителя иногда не имели возможности прийти в училище. Но директор жил тут же и заменял уроки всех не пришедших учителей. Так что в основном учёба не срывалась.

Значительно труднее было с питанием. Хлеб выдавали по карточкам 1/8 фунта в день, т. е. 50 г. Причём в нём овсяных тресок было больше, чем мякоти. Брат вступил пайщиком в кооперативное общество и через него иногда удавалось кое-что достать в основном недоброкачественное. Иногда удавалось купить конину. В общем жили очень голодно.

Вспоминается такая картина: по литературе мы знакомились с произведением Гоголя «Мёртвые души». И вот читаешь о том, как Чичиков у Коробочки ел блины, которые были пролиты маслом, кроме того, Чичиков макал их ещё в сметану и закусывал творогом и другой вкусной снедью. Читать об этом было просто мучительно, так как под влиянием такой аппетитной картины в мой голодный желудок вливался пищеварительный сок, а переваривать было нечего, поэтому чувство голода ещё больше увеличивалось и обострялось.

Так вот мы прожили зиму. В апреле 1918 г. директор сказал брату, что мои успехи в учёбе бесспорно отличные и если в Петрограде жить тяжело, то он может выдать мне свидетельство об окончании училища досрочно.

Так в апреле 1918 г. я вернулся в Торопец, а оттуда опять в пустошь. Туда же переехали на лето и все остальные, кроме отца, который один жил в городе, копался в огороде. В деревне легче было приобрести съедобное. Поддерживало молочко от коровы. Вместо ржаного хлеба питались в основном овсяными блинами.

Я косил, заготавливал сено и занимался другими работами. Одновременно в волости зачислили меня в команду для прохождения всеобщего (всеобщее военное обучение). Несколько раз в неделю мне

пришлось ходить в волость (около четырех километров) обучаться военному делу (9).

В августе неожиданно умер отец, о сём сообщили нам соседи его по дому. Хотя после гибели старшего брата здоровье отца заметно ухудшалось, но всё же смерть его для нас была неожиданной. Так и умер он в одиночестве, немного не дождавшись нашего возвращения в город.

После революции отец пенсию уже не получал, поэтому на материальную сторону жизни нашей семьи его смерть отразилась мало. Мать только смогла поменять на продукты питания кое-что из его одежды и этим самым на некоторое время поддержать нас и уменьшить влияние голода.

В таких условиях думать о продолжении образования в вузе я конечно не мог. Надо было поступать на работу куда-нибудь. Помог лесничий. По его рекомендации Торопецкий уездный отдел зачислил меня на должность лесного инструктора (теперь это лесной техник) II Мартисовского лесничества. Хотя моё образование было только общее среднее, с лесным хозяйством не был знаком, но я быстро освоил эту работу. Под моим руководством работали 12 лесников. У каждого обходы были в 1200–1500 га леса. В целой волости Неворожской (60х40 км) я проводил эту работу: отводил лесосеки, производил пересчёт древесины, отпуск её населению (а нужда в лесе у населения в то время была огромная), приемку заготовленного материала, проверку, борьбу с нарушителями заготовок и самовольными порубками. В общем, работы было очень много. Целыми днями я ездил из одного угла волости в другой. Раз в неделю (кажется, в четверг) в правлении волости оформлял отпуск леса.

Помню, в эти дни набиралось в правлении волости масса народу и каждому хотелось оформить документы на лес раньше других. Поэтому вокруг стола была постоянная давка, люди давили своим телом на мои плечи до тех пор, пока я не взмолюсь «пощадить» меня и дать мне возможность нормально писать и оформлять документы. А писанины было много. Отпуск леса производился с разрешения земельного отдела и комитета бедноты, которые определяли размер оплаты за лес: кому со скидкой 25 %, а кому бесплатно.

Надо было подсчитать общую стоимость отпускаемого леса и определить сумму, подлежащую оплате деньгами. Лесорубочный билет разделялся на четыре части, в каждой из которой надо было писать почти одно и то же и ещё дважды в корешке и в квитанции об оплате леса.

Можно себе представить какую огромную «канцелярскую» работу приходилось выполнять мне в эти дни. С утра и до позднего вечера писал, не имея возможности даже покушать. Моей работой были довольны и население, и начальство.

Вопрос питания стоял также остро. Иногда приходилось есть так называемый «хлеб», напечённый в основном из липовых опилок, чёрный как уголь.

Эта работа в лесничестве была моим «боевым крещением» в трудовой общественной деятельности. Так я проработал до середины июня 1919 г., когда меня призвали в ряды Красной армии (17-го июня 1919 г.).

Сформированную Торопецким уездным военным комиссариатом команду призывников направили в Муравьёвские казармы Новгородской области, построенные ещё при Аракчееве на берегу реки Волхов. Там был расквартирован второй Петроградский полк. Фактически он только формировался из нового пополнения.

Зачислили меня сначала в состав 6-й роты, но вскоре назначили писарем сапёрной команды. Первое время мы строили летний лагерь. Из дёрна, который приносили на себе с луговины, строили основу (фундамент). Потом натягивали палатки и в них устраивали нары. Каждое утро после подъёма нас выстраивали на плацу на поверку. При этом играл полковой оркестр. Он придавал немного бодрости. Между тем питание у нас было очень скудное и некоторые от слабости и истощения во время поверки падали в обморок. Хлеба давали только полфунта (400 г), а в некоторые дни даже по 200 г. Суп на обед, если его можно назвать супом, настолько он был жидок, бачок на десять человек. Кашу жидкую размазную – котелок на пять человек. Некоторые приноровились кушать очень горячее. Мы говорили, что у них «лужёное горло». Им доставалось больше, а остальным по две-три ложки. А ведь в основном ребята были девятнадцати лет. Солдаты заметно худели.

Отпуска официально были отменены, но командиры, с ведома полкового начальства, отпускали на несколько дней тех солдат, которые могли привезти из дому сухари и прочее съестное. Это было существенной поддержкой для тех, кого отпускали.

Примерно в сентябре наш полк перевели в Петроград и разместили в Преображенских казармах. Казармы хорошо благоустроены (гвардейские). У каждого солдата отдельная пружинная кровать. Вода кипятилась в титанах. Хлебный паёк немного увеличили и питание улучшилось. Иногда давали увольнительные в город и даже билеты в театр.

Я, например, был в большом зале консерватории, смотрел и слушал оперу «Князь Игорь». Был на эстрадных представлениях в Таврическом саду. Конечно, усиленно велась военная подготовка.

В октябре месяце, когда войска генерала Юденича подходили к Петрограду, были уже у Пулковских высот, наш полк отправили на фронт в направлении Красного Села, вблизи которого полк вёл упорные бои. На нас летели снаряды, шрапнель, пулемётные очереди. Ря-

дом со мной был убит старший писарь команды и тяжело ранен командир команды. Так с боями продвигались на Гатчину и вдоль железной дороги на Ямбург (с 1922 г. г. Кингисепп) и далее на Нарву (10).

Теперь я точно и не помню, да и вряд ли и тогда знал, когда и где я заболел сыпным тифом и дизентерией. Меня сразу свалило с ног, и я долго был без памяти. Когда сознание вернулось ко мне, то я обнаружил, что лежу на нарах в деревянном доме, приспособленном под полевой госпиталь. Со мной лежали больные тифом человек около тридцати. Но состав больных ежедневно менялся, так как умерших выносили и отвозили для погребения, а на их место клали новых больных. Фактически нас не лечили. К нам даже опасались заходить, так много было на всех и везде платяных вшей – разносчиков тифа. Я даже не могу припомнить, чем же мы питались. Все ужасно похудели. Я, например, большим и средним пальцами руки обнимал ногу ниже колена (икру). Значит оставались только кожа да кости. Когда я пытался сесть на нары, то терял зрение от слабости. На наш вопрос, почему нас не отвозят в стационарный госпиталь, объясняли примерно так: вражеский бронепоезд разбил мост через реку (кажется, Лугу) и перевозить не на чем, кроме того, опасались распространения эпидемии тифа. Через некоторое время всё же прислали за нами команду санитаров. Но они остерегались прикосновения к нам, такими мы были страшными разносчиками эпидемии тифа. Трудно себе представить, как мы двигались. Я, например, увидя впереди себя шагов за двадцать куст или камень, загадывал: дойду до него или нет? Дойдя, загадывал дальше и т. д. Таким образом мы добрались до какой-то маленькой железнодорожной станции.

Увидя на дверях красный крест, я взошёл в дверь. На меня закричали, чтобы я немедленно вышел из помещения, но я потерял сознание и упал навзничь на пол. У меня начался приступ возвратного тифа. Дальше я не знаю, что со мной было и что делали со мной, но очнулся я на койке железнодорожного госпиталя, очевидно вымытый и одетый в чистое бельё. Через некоторое время приступы повторялись, и я опять терял сознание. Сколько их было, сказать не могу, но я всё же остался жив, в то время как другие умирали десятками в день.

Наконец, подали санитарный поезд. Нас, оставшихся в живых, погрузили в него и повезли в Петроград. Здесь, кажется, около Варшавского вокзала нас положили в пересыльный госпиталь, а дня через три меня и некоторых других перевезли в Семёновский госпиталь, находившийся в расположении Семёновского полка. Здесь нас начали по-настоящему лечить и подкреплять питанием (11).

После всего пережитого я чувствовал себя как в раю. Я долго не мог понять, каким образом я остался жив! Сколько таких же молодых смерть унесла в могилу, а я всё перенёс и выжил, хотя долго был на

самом краю жизни! Ни пуля, ни снаряд меня не царапнули, тиф и дизентерия меня не поборол! Это можно было расценить как чудо! Лёжа в чистой постели, принимая готовую пищу, пользуясь услугами и заботой медперсонала госпиталя, я долго думал об этом. Очевидно, трудовая закалка в детстве и юности, в которой воспитали меня родители, укрепила мой организм настолько, что ей хватило, чтобы я смог перенести столько физических невзгод, лишений и голода? Хотя немало дней я в тот период был без сознания, и поэтому о многом я не мог знать, но всё же возникавшие в памяти картины недавно пережитого вызывали ужас.

Все кризисы (критические точки) моих болезней я пережил ещё до того, как попал в настоящий госпиталь. Поэтому нормальные условия лечения и особенно питания помогли мне сравнительно быстро восстанавливать мои силы.

Не могу определить, сколько времени я пролежал в Семёновском госпитале. Очевидно, месяца два. Но когда я смог уже ходить, хотя и не очень уверенно, меня выписали и направили в госпиталь для выздоравливающих в город Тверь, ныне (с 1931 г.) Калинин, для дополнительного укрепления организма.

Здесь действительно помогали поскорее окрепнуть. Хлеба давали 800 г. Приварок тоже по тому времени хороший. Кроме того, больные были разные по степени ослабления организма. Некоторые, как я, фактически выздоровевшие, но слабые от истощения, после перенесённого тифа, отличались ненасытностью. Другие же ещё не совсем оправились от болезни, у них аппетит был плохой. Они не возражали, когда мы доедали то, что оставалось у них после еды. Это помогало мне скорее набраться сил. Дело было весной 1920 г. В окна я наблюдал ледоход на Волге. Хотелось скорее выйти на улицу. И такой день настал.

После тифа полагался отпуск на два месяца, что я и получил.

С несказанной радостью я ехал домой, хотя дома меня ожидало мало радостного. Родные считали меня погибшим. Только из последнего госпиталя я смог написать им, что я жив и нахожусь на излечении. Никаких подробностей я не писал. О них они узнали от меня, когда я вернулся домой. Все удивлялись тому, что я остался жив, находясь в таких тяжелых условиях.

Но дома я подкреплялся в основном свежим воздухом и посильной работой, так как питание было скудное.

Два месяца пролетели незаметно. Явился в уездный военкомат на комиссию. Врачи определили, что у меня сердце не в порядке и суставы в ногах тоже. Исследовали меня и дали ещё отпуск на месяц. Повторная комиссия решила, что меня надо освободить от строевых занятий. И меня направили в Неворожский волостной военный комиссариат писарем, заведующим конским учётом. Тогда на каждую ло-

шадь была заведена учётная карточка. Повозки и сбруя, пригодная для военных целей, тоже были на учёте. Без карточки никто не имел права ни купить, ни продать лошадь. Периодически специальные комиссии устраивали общий смотр лошадей и проверяли их учёт. Я старался, чтобы всё было, как говорится «в ажуре». Но много путали цыгане. Они только и жили тем, что меняли лошадей у крестьян. А то угоняли с поля (крали), а карточку подделывали, хотя подделать её было не так-то просто. Но в конце концов их уличали и примерно наказывали. Так что вести учёт было не просто канцелярской работой, но и оперативной. По малейшему сигналу надо было принимать срочные меры к поимке (12). Так проработал несколько месяцев. Меня опять вызвали в уездной военкомат и направили в расположенную в Торопце военно-инженерную дистанцию. Тут дело касалось военного строительства. Моим непосредственным начальником оказался военный техник, который раньше тоже учился в реальном училище, только двумя классами старше. Меня назначили к нему помощником.

Он ознакомил меня с «Урочным положением» по строительству и объяснил, как с его помощью составлять сметы на строительство объектов. Я быстро освоил это дело и вскоре вполне самостоятельно составлял сметы, так что технику оставалось только подписать её. Это была осень 1921 г. И в ноябре 1921 г. меня направили под Петроград в распоряжение штаба 46-й бригады 15-й имени Киквидзе дивизии.

Меня оставили в штабе бригады и поручили отдел приказов всех инстанций от низших до самых высших, включая также приказы по бригаде. Последние часто по указанию начштаба мне приходилось самому и составлять. Таким образом, я научился ещё одному делу. Сначала штаб бригады размещался в Детском Селе, ранее оно называлось Царским Селом (резиденция царя), а ныне – это г. Пушкин. На лето же передислоцировались в лагерь в Красное Село. Там я прослужил до июля 1922 г., когда пришёл приказ о сокращении и реорганизации Красной армии.

Нашу бригаду переформировывали в полк, а меня в числе других демобилизовали, но не сразу. Сначала мне поручили подготовить все дела штаба к сдаче в архив и составить описи на каждое из них и на все в общем, а потом отвезти в Петроград в архив.

Дело это было копотное и опять мне незнакомое. Но я приналёг, чтобы скорее освободиться. Когда всё подготовил и доложил начальнику штаба, дали мне пароконную повозку с возничим и одного писаря штаба в помощь, снабдили полномочиями. Поставили мы ящики с бумагами на повозку и поехали в Петроград. Это около 30 км.

Примерно на полдороге пошёл дождь, потом ливень. Покрывало было плохонькое и его быстро промочило, а под ним и бумаги в ящиках. Сами мы тоже промокли, как говорят, «до нитки». В таком состоянии мы добрались до архива. Я теперь уже не помню его адрес, но

знаю, что он размещался в круглом красном здании рядом с цирком Чинизели.

Нас встретила маленькая пожилая женщина. Нас беспокоило состояние бумаг, а она начала нас жалеть, пригласила в помещение обогреться и подсушиться около железной печурки. Мы сначала внесли ящики в помещение, а потом пытались подсухнуть около печурки.

Потом открыли ящики и стали вынимать бумаги и класть на стеллажи против печурки, чтобы они подсохли. К счастью, подмокли только верхние пачки бумаг, а основная масса сохранилась сухой.

Женщина оказалась сердобольной и доверчивой. Проверив несколько пачек по описям и найдя все в порядке, она сказала, что остальное проверит, когда все бумаги подсохнут и тогда разложит их по местам, так как уверена, что и остальные дела находятся в таком же порядке, как и первые, которые она проверила.

Она расписалась на описях в получении дел и заверила печатью. А потом сказала, что когда подсохнем мы сами, то можем ехать обратно.

Мы были ей очень благодарны за доброе отношение и рады, что скоро разделались с этим делом! Вскоре мы поехали обратно в Красное Село.

Явился я с докладом к начальнику штаба и сдал документы о сдаче дел и приказов. Начальник штаба похвалил меня и обещал на следующий день оформить документы о моей демобилизации. Шёл июль 1922 г.

Получив документы о демобилизации, я поехал в Петроград, а оттуда домой. Но о том, что было со мной в Петрограде тогда, я напишу несколько ниже.

Когда я вернулся в Торопец и явился в уездный военкомат, меня зачислили в запас первого разряда. А через год включили в состав территориального полка, в составе которого я проходил месячные сборы в 1925 и в 1926 гг. В последнем участвовал в манёврах в районе Опочки – Новоржева – Пушкинских гор. Но об этом напишу в своём месте

Так закончилась моя военная служба периода Гражданской войны. Вся моя жизнь до этого момента шла так, как слагалась сама по себе, о чём, к величайшему сожалению, я не могу сказать о последующей моей жизни.

Комментарии

1. Достаточно трудно понять, кем именно и в какой должности служил отец Евграфа Алексеевича. На основании изложенного можно предположить, что он был военным чиновником. Жалование чиновников по военному ведомству было несколько выше, чем у «гражданских», и, как явствует из текста, в этот период многодетная семья не

испытывала той нужды, которая возникнет у них в дальнейшем, после выхода отца автора в отставку. Для начала ХХ в. характерно активное *личное* участие замужних дворянок, особенно жен небогатых чиновников и представителей интеллигенции, в выполнении домашних работ. Многие семьи обходились вообще без помощи наемных слуг, в большинстве же была всего одна прислуга (она так и называлась «прислуга»), которая, конечно, не могла выполнить весь необходимый для поддержания нормального быта «фронт работ». Это означало, что матери семейства должны были сами ухаживать за детьми, готовить, убирать, ходить за покупками и т.д. Нередко к выполнению этих дел привлекались и дети [см. 1–2].

2. Подавляющая масса живших в Петербурге представителей дворянско-интеллигентских и чиновничьих семейств являлись квартирантимастерами. Основным фактором, определявшим выбор той или иной квартиры для найма, было ее месторасположение. Наилучшим считался вариант, при котором жилье находилось не более чем в получасе ходьбы от места работы главы семьи. Приветствовалось (но не считалось обязательным) близость квартиры к месту учебы детей [см. 3–4].

3. Речь идет о так называемой «приготовительной школе». Закончившие ее дети к 9–10 годам должны были получить необходимые знания для поступления в среднее учебное заведение. Во многих дворянских семьях в подобные заведения дети не ходили и подготовкой к сдаче вступительного экзамена в среднюю школу занимались дома [см. 4].

4. В начале ХХ в. в Петербурге предоставление в школе детям горячего питания было обязательным. Как правило, завтрак (полуденный прием пищи назывался завтраком, обедали дети уже дома после 15 ч), включал в себя одно-два мясных блюда и/или, «по крайней мере», чай с булкой. Дети, которым по состоянию здоровья было запрещено есть «темное» мясо или получавшие только чай, носили еду с собой [см. 4–5].

5. «Коммерческие училища» – наиболее «передовая» форма средних учебных заведений позднеимперской России. Они могли быть мужскими, женскими и даже смешанными (предназначенными для совместного обучения мальчиков и девочек). В этих заведениях практиковались педагогические эксперименты. Так, например, активно продвигались идеи свободного воспитания и трудового обучения. Как правило, эти учреждения были самыми дорогими, но существовали и бесплатные вакансии [см. 6–8].

6. До последнего десятилетия XIX в. в мужской средней школе России занятия гимнастикой осуществлялись по мере возможности, если были спортивные залы или хотя бы значительные по размерам рекреации, а также находились квалифицированные специалисты. При этом вводилась та система физического воспитания (шведская, чешская (сокольская), немецкая, система Лесфгафта и т. д.), которой придерживался приглашенный преподаватель. «Сокольская» система базировалась на упражнениях с предметами, упражнениях на снарядах, массовых упражнениях и пирамидах [см. 9–10].

7. В дворянско-интеллигентских семьях начала XX в. значительной популярностью пользовались идеи трудового воспитания. При этом далеко не всегда привлечение детей-школьников к труду было вызвано материальными трудностями семьи. Даже очень обеспеченные родители тратили серьезные средства на отправку детей в сельскохозяйственные лагеря и трудовые отряды [См.: 6; 11].

8. Борис Алексеевич Мантьев старший лейтенант, погиб при подрыве на mine тральщика №7 Балтийского флота. Он был действительно известным на флоте изобретателем, спроектировал минный оптический прицел для перископа и сконструировал столик для морских карт, дающий возможность менять их без затруднения во время хода корабля в любую погоду. Спорной остаётся дата его гибели. В мемуарах указывается дата 9 сентября, в то время как Боевая летопись сообщает о гибели тральщиков на выставленных противником минах 22 сентября 1914 г. Хотя возможно, речь идет об одном и том же дне, а мемуарист просто приводит его по новому стилю.

<https://rgavmf.ru/books/boevaya-letopis-russkogo-flota/pervaya-mirovaya-voyna-deystviya-na-baltiyskom-more>

9. Всево́буч – всеобщее военное обучение населения без отрыва от основной работы во время Гражданской войны 1917–22 и Великой Отечественной войны. Являлся формой военной подготовки населения и одним из способов создания резервов для Красной армии. Введён декретом ВЦИК от 22.4.1918 «Об обязательном обучении военному искусству». На местах были созданы отделы (в губернских и уездных военкоматах), пункты (в волостных военкоматах) и бюро. Обучение проводилось по 96-часовой программе в течение восьми недель среди трех категорий обучаемых – школьной (до 16 лет), подготовительной (16–18 лет) и призывной (18–40 лет). В 1918 г. были созданы курсы по подготовке специалистов военного дела из трудящихся (сроком от четырех недель до трех месяцев). В июне 1919 г. территория страны была разделена на округа всевобуча (полковые и батальонные), которые делились на участки всевобуча (ротные, взводные, отделённые), вместо бюро всевобуча были созданы терри-

ториальные кадры частей всевобуча. В конце 1919 г. структура органов всевобуча была приближена к структуре РККА. В декабре 1920 г. имелось две дивизионных, шесть бригадных и 85 полковых территориальных округов Всевобуча, две высшие школы, 38 организационно-методических курсов и 58 школ младших командиров, в системе всевобуча было подготовлено свыше 5 млн чел. В 1923 упразднён [12, с. 123–124].

10. 28 сентября 1919 г. войска Северо-Западной добровольческой армии под командованием героя кавказских сражений Первой мировой войны Н.Н. Юденича (17 800 штыков, 700 сабель, 500 пулемётов, 57 орудий 12 танков и 4 бронепоезда) прорывали фронт Красной 7-й армии (командарм Д.С. Харламов, 20 тыс. штыков и сабель, 162 орудия и 412 пулемётов) на псковско-лужском участке и начали наступление на Петроград. Командование красных не смогло правильно оценить угрозу, полагая, что главной целью белых является Псков, ослабило нарвский участок обороны, чем незамедлительно воспользовался противник. 10 октября Н.Н. Юденич начал Нарвское наступление. Три дивизии были направлены южнее Ямбурга и развернули наступление на Молосковицы и Ямбург. В этом наступлении войска белых широко применяли новую технику, в частности танки (английские МК-5), компенсируя таким образом численное преимущество красных, 6-я дивизия которых начала отход. Ямбург пал. Фланговый удар силами 15-й армии красных из района Пскова также не задержал наступление войск Н.Н. Юденича, которые к 13 октября захватили Волосово и открыли себе путь на Гатчину. 13 октября белые войска заняли Лугу, 16 октября – Красное Село, отрезали и прижали к побережью войска 622 полка красных и революционных моряков, которые 14 октября отражали удары английского десанта у пристани Пейпия. В ночь на 17 октября была захвачена Гатчина и Вырица. Войска Н.Н. Юденича подошли к Пулковским высотам.

15 октября Политбюро ЦК РКП (б) приняло постановление «Петроград не сдавать». В город был направлен наркомвоен Л.Д. Троцкий. Путём жестких репрессивных действий ему удалось восстановить боеспособность частей 7-й армии. В Петрограде была проведена тотальная мобилизация, включая 14 тыс. женщин. «Нетрудовой элемент» был направлен на строительство оборонительных рубежей и баррикад. Численность 7-й армии удалось довести до 40 тыс. чел., при 453 орудиях, 708 пулемётах, 6 бронепоездов и 23 аэропланах.

21 октября началось встречное сражение на Вороньей Горе, куда с двух сторон устремились войска Юденича и части 7-ой армии (6-я стрелковая дивизия, московские курсанты, набранные отряды петроградских рабочих). В этот момент, выполняя приказ Л.Д. Троцкого, корабли действующего отряда Балтийского флота (комфлот А.П. Зеленой) дредноуты «Петропавловск» и «Севастополь» нанесли

удар главным калибром по Вороньей горе, накрыв 305-мм снарядами и своих и чужих. Наступление противника было остановлено. 23 октября войска 7-ой армии заняли Павловск и Детское Село (г. Пушкин), 26 октября – Красное Село. 25 октября группа войск под командованием С.И. Одинцова (13-й стрелковый полк, Башкирский стрелковый полк, и кавалерийский полк) вступили в бой с противником на Красносельских высотах. Судя по всему, Евграф Мантьев сражался именно в составе 13 красного полка. После ожесточённого сражения, в котором группа Одинцова отразила танковую атаку у деревень Октолово и Нижний Бугор, красным удалось выбить 26 октября врага из Красного Села. 31 октября была занята Луга, 7 ноября – Гдов, а 14-го ноября – Ямбург. В начале декабря части Северо-Западной добровольческой армии отступили в Эстонию [13, с. 62–68; 14, с. 250–253].

11. Сыпной тиф – одна из древнейших болезней человечества. Полагают, что описанная греческим историком Фукидидом эпидемия в 430 г. до н. э. в Афинах была на самом деле эпидемией сыпного тифа. В последующем болезнь получила широкое распространение в Западной Европе, но только в XVI в. н. э. итальянский врач Фракасторо дал первое подробное клинико-эпидемиологическое описание сыпного тифа, представив его как самостоятельное заболевание.

Проведенными в 70–80-е гг. XIX в. героическими опытами самозаражения русские исследователи О. Мочутковский и Г. Минх доказали, что возбудитель находится в крови больного сыпным тифом, и предположили, что в естественных условиях болезнь может передаваться кровососущими эктопаразитами человека. В 1908 г. Н. Гамалея утверждал, что сыпной тиф распространяется только при наличии вшей, а в 1909 г. французский ученый Ш. Николль экспериментально подтвердил это предположение. В 1910–1913 были выделены бактерии – возбудители тифа. Они получили название риккетсии Провацека, и, как и предполагалось, были напрямую связаны с паразитами, в частности вшами.

Многочисленные эпидемии сыпного тифа всегда сопутствовали войнам, стихийным бедствиям, голоду, разрухе, социальным потрясениям.

В России сыпной тиф появился более 800 лет назад. В 1891–1892 гг. заболеваемость составляла 155 на 100 тыс. населения; особенно высокой она была во времена Первой мировой и Гражданской войн. В 1918–1920 гг. было зарегистрировано более 6 млн больных сыпным тифом, среди них много медицинских работников. Благодаря принятым экстренным мерам (в частности по борьбе со вшами) в 1920-е гг. число больных значительно уменьшилось [15].

12. Автор за время своей болезни пропустил очень интересное событие, весьма характерное для тех лет. Читатель, наверное, обратил внимание, что в последней части мемуаров в описании доминируют хозяйственные вопросы – и это совершенно не случайно. 10 февраля 1920 г. 7-я армия, где автор воспоминаний проходил службу, была переведена на положение трудовой армии. Трудовые армии это была, по сути, последняя попытка управления экономикой революционными, военными методами. Создавались они в 1920–1922 гг. под лозунгом. «Оружием мы добились врага, трудом мы добудем хлеб. Максимальная численность трудармейцев в целом по РСФСР достигала 2,5 млн чел. Учитывая эту численность, достижения трудармий были весьма скромными, что и понятно, принудительный труд не мог быть продуктивен. Трудармейцы выполняли исключительно малоквалифицированные работы, такие как исправление железнодорожных путей, разгрузочно-погрузочные работы. Трудармии были ликвидированы 30 декабря 1921 г. в связи с началом НЭПа.

10 февраля 7-я армия была преобразована в Петроградскую трудовую армию и была переподчинена Совету рабочей и крестьянской обороны. Особенностью было то, что некоторые подразделения армии не были переведены в трудовые и решали военные задачи. Однако уже 26 апреля 1920 г., в связи с агрессивными действиями со стороны Финляндии, 7-я была восстановлена в прежнем статусе [12, с. 599–600; 14, с. 253].

Список литературы

1. Верременко В.А. Хозяйка на кухне: адаптационные практики в жизни российской дворянской семьи во второй половине XIX – начале XX в. // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.): материалы междунар. науч. конф., 16–18 марта 2017 г. / отв. ред. В.А. Верременко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2017. – С. 315–323.

2. Верременко В.А. Хозяйские заботы: жизнь замужней дворянки в провинциальном городе России в конце XIX – начале XX вв. // Уральский исторический вестник. – 2019. – № 1 (62). – С. 71–78.

3. Верременко В.А. Факторы, определявшие выбор места жительства столичной дворянско-интеллигентской семьи в последней трети XIX – начале XX в. // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность. материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В.А. Верременко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2019. Т. 2. – С. 22–31.

4. Верременко В.А. Гигиена школьника в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX – начала XX в. // История повседневности. – 2017. – № 2(4). – С. 79–105.

5. Эм В. Оздоровление школы // Здоровье семьи: журнал гигиены и популярной медицины, издаваемый при «Биржевых ведомостях». – 1902. – 11 (24) сент. – № 17.

6. Верременко В.А. Трудовое воспитание в дворянско-интеллигентских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность: сб. материалов междунар. науч. конф. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Верременко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2016. – С. 361–370.

7. Хуциева В.В. Система коммерческих учебных заведений в С.-Петербурге и Финляндии в конце XIX в.: общее и различное в перспективах развития // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. – 2018. – № 19. – С. 288–298.

8. Семенова Л.Н. Сведения о коммерческих учебных заведениях Санкт-Петербургской губернии начала XX в. (по материалам журнала «Коммерческое образование» // Столица и провинции: взаимоотношение центра и регионов в истории России: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2016. – С. 85–89.

9. Верременко В.А. Физическое воспитание в дворянско-интеллигентской среде России второй половины XIX – начала XX в.: гендерный аспект // Сила слабых: гендерные аспекты взаимопомощи и лидерства в прошлом и настоящем: материалы Десятой междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИРЭ РАН, 7–10 сент. 2017 г., Архангельск: в 3 т. / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, Т.И. Трошина. – М.: ИЭР РАН, 2017. Т. 3. – С. 208–212.

10. Игнатъев В.Е. Физическое воспитание: Гимнастика, спорт, подвижные игры. – М.: Польза В. Антик и К, 1912. – 207 с.

11. Верременко В.А. Факторы, определявшие условия жизни школьника в дворянско-интеллигентских семьях России в конце XIX – начала XX в. // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: материалы Девятой междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 13–16 окт. 2016 г., Смоленск: в 2 т. / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, Н.А. Мицюк. – Смоленск-М.: Изд-во СмолГУ, ИЭА РАН, 2016. – Т. 2. – С. 405–408.

12. Гражданская война и интервенция в СССР: энцикл. – М.: Советская энциклопедия, 1983.

13. Ордена Ленина Ленинградский военный округ: ист. очерк. – Л.: Лениздат, 1968.

14. Петербургский, Петроградский, Ленинградский военный округ. 1964–1999. – СПб.: Полигон, 1999.

15. История тифа. Сайт санитарно-эпидемиологической службы России. – URL: <http://rosoblises.ru/epidemii-i-epidemiologiya/istoriya-epidemii/istoriya-tifa.html>

References

1. Veremenko V.A. *Hozyajka na kuhne: adaptacionnye praktiki v zhizni rossijskoj dvoryanskoj sem'i vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.* [Hostess in the kitchen: adaptation practices in the life of the Russian noble family in the second half of the XIX – early XX century] // *Ekstremal'noe v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' (k 100-letiyu russoj revolyucii 1917 g.): materialy mezhdunar. nauch. konf., 16-18 marta 2017 g. / отв. ред. V.A. Veremenko* [Extreme in everyday life of the Russian population: history and modernity (to the 100th anniversary of the Russian revolution of 1917): materials international. science. Conf., 16–18 March 2017 / resp. ed. V.A. Veremenko]. SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2017. S. 315–323.

2. Veremenko V.A. *Hozyajskie zaboty: zhizn' zamuzhnej dvoryanki v provincial'nom gorode Rossii v konce XIX – nachale HH vv.* [Economic concerns: the life of a married noblewoman in a provincial town of Russia in the late XIX – early XX centuries] // *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural historical Bulletin]. 2019. № 1 (62). S. 71–78.

3. Veremenko V.A. *Faktory, opredelyavshie vybor mesta zhitel'stva stolichnoj dvoryansko-intelligentskoj sem'i v poslednej treti XIX – nachale XX v.* [Factors determining the choice of residence of the capital's aristocratic intellectual families in the last third of XIX – early XX century] // *Prirodno-geograficheskie faktory v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'. materialy mezhdunar. nauch. konf. / otv. red. V.A. Veremenko* [Natural-geographical factors in the daily life of the population of Russia: history and modernity. proceedings of the international. science. Conf. / otv. ed. V.A. Veremenko]. SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2019. T. 2. S. 22–31.

4. Veremenko V.A. *Gigiena shkol'nika v dvoryansko-intelligentskih sem'yah Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv.* [Hygiene of the schoolboy in noble and intellectual families of Russia of the second half of XIX – the beginning of XX centuries] // *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. 2017. № 2(4). S. 79–105.

5. Em V. *Ozdorovlenie shkoly* [Improvement of school Health of the family] // *Zdravie sem'i. Zhurnal gigieny i populyarnoj mediciny, izdavaemyj pri «Birezhevyyh vedomostyakh»* [Journal of hygiene and popular medicine, published in the "Exchange statements"] 1902. 11 (24) sent. № 17.

6. Veremenko V.A. *Trudovoe vospitanie v dvoryansko-intelligentskih sem'yah Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* [Labor education in noble-intellectual families of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries] // *Material'nyj faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'. Sb. materialov mezhdunar. nauch. konf. / pod obshch. red. prof. V.N. Skvortcova, otv. red. V.A. Veremenko* [Material factor and entrepreneurship in the daily life of the population of Russia: history and modernity. Sat. materials international. science. Conf. under the General editorship of Professor V. N. Skvortsov, ed. ed. V.A. Veremenko]. SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2016. S. 361–370.

7. Hucieva V.V. *Sistema kommercheskih uchebnyh zavedenij v S.-Peterburge i Finlyandii v konce XIX v.: obshchee i razlichnoe v perspektivah razvitiya* [System of commercial educational institutions in S.-Petersburg and Finland in the late nineteenth century: the common and different in the perspectives of development] // *Sankt-Peterburg i strany Severnoj Evropy* [Saint-Petersburg and the Nordic countries]. 2018. № 19. S. 288–298.

8. Semenova L.N. *Svedeniya o kommercheskih uchebnyh zavedeniyah Sankt-Peterburgskoj gubernii nachala XX v. (po materialam zhurnala «Kommercheskoe obrazovanie»* [Data on commercial educational institutions of the St. Petersburg province of the beginning of the XX century (on materials of the magazine "Commercial education")] // *Stolica i provincii: vzaimootnoshenie centra i regionov v istorii Rossii. Mater. Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem* [Capital and provinces: relationship of the center and regions in the history of Russia. Matera. Vseros. science. Conf. international. participation]. SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2016. S. 85–89.

9. Veremenko V.A. *Fizicheskoe vospitanie v dvoryansko-intelligentskoj srede Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX v.: gendernyj aspekt* [Physical education in the noble and intellectual environment of Russia in the second half of the XIX – early XX century.: gender aspect] // *Sila slabyh: gendernye aspekty vzaimopomoshchi i liderstva v proshlom i nastoyashchem. Materialy Desyatoy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii RAIZhI i IRE RAN, 7-10 sentyabrya 2017 g., Arhangel'sk: v 3-h tomah / otv. red. N.L. Pushkareva, T.I. Troshina* [Strength of the weak: gender aspects of mutual assistance and leadership in the past and present. Proceedings of the Tenth international scientific conference of RAIZhI and IRE RAS, 7-10 September 2017, Arkhangelsk: in 3 volumes / resp. N. L. Pushkareva, Tatyana I. Troshina]. M.: IER RAN, 2017. T. 3. S. 208–212.

10. *Ignat'ev V.E. Fizicheskoe vospitanie: Gimnastika, sport, podvizhnye igry* [Physical education: Gymnastics, sports, outdoor games]. M.: the Use of W. Antica and K, 1912.

11. *Veremenko V.A. Faktory, opredelyavshie usloviya zhizni shkol'nika v dvoryansko-intelligentskih sem'yah Rossii v konce XIX – nachala XX v.* [Factors that determined the living conditions of schoolchildren in the noble and intellectual families of Russia in the late XIX – early XX century] // *Materinstvo i otcovstvo skvoz' prizmu vremeni i kul'tur: Materialy Devyatoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii RAIZhI i IEA RAN, 13–16 oktyabrya 2016 g., Smolensk: v 2 t.* [Motherhood and fatherhood through the prism of time and cultures: Proceedings of the Ninth international scientific conference of RAIJI and IEA RAS, 13–16 October 2016, Smolensk: 2 t.] / Otv. red. N.L. Pushkareva, N.A. Micyuk. Smolensk-M.: Izd-vo SmolGU, IEA RAN, 2016. T. 2. S. 405–408.

12. *Grazhdanskaya vojna i intervenciya v SSSR. Enciklopediya* [Civil war and intervention in the USSR. Encyclopedia]. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1983.

13. *Ordena Lenina Leningradskij voennyj okrug. Istoricheskij ocherk* [Order of Lenin Leningrad military district. Historical essay]. L.: Lenizdat, 1968.

14. *Peterburgskij, Petrogradskij, Leningradskij voennyj okrug. 1964–1999* [Petersburg, Petrograd, Leningrad military district. 1964–1999]. SPb.: Poligon, 1999.

15. *Istoriya tifa. Sajt sanitarno-epidemiologicheskoy sluzhby Rossii.* <http://rosoblises.ru/epidemii-i-epidemiologiya/istoriya-epidemii/istoriya-tifa.html>

Сведения об авторах

Веремenco Валентина Александровна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: v.a.veremenko@ya.ru

Вититнева Елена Владиславовна, аспирант, ассистент, Гуманитарный институт; кафедра истории России, Сибирский федеральный университет; e-mail: vititneva.elena@gmail.com

Демидова Ольга Ростиславовна, доктор исторических наук, профессор, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: ord55@mail.ru

Дианова Елена Васильевна, доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры Отечественной истории, Петрозаводский государственный университет, Институт истории, политических и социальных наук; e-mail: elena-dianowa@yandex.ru

Исповедников Дмитрий Юрьевич, кандидат исторических наук, главный специалист, Российский государственный военный архив (Москва); e-mail: mitispo@gmail.com

Левашко Вадим Олегович, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: v.levashko@lengu.ru

Мельникова Дарья Андреевна, аспирант кафедры истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: 31020307d@gmail.com

Трегубова Марина Сергеевна, магистр истории, издательство Волгоградского государственного университета; e-mail: marina_tregubova@mail.ru

Фернандес-Эрес Анна Павловна, ведущий специалист, Российский государственный архив фонодокументов; e-mail: annafernandes@yandex.ru

Циденков Григорий Геннадьевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры управления, сервисных технологий и экономического образования, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара (Россия); e-mail: gcidenkov@yandex.ru

About Authors

Demidova Olga Rostislavovna, doctor of historical Sciences, Professor, Leningrad state University. Of A. S. Pushkin; e-mail: ord55@mail.ru

Dianova Elena Vasilievna, doctor of historical Sciences, associate Professor, associate Professor of the Department of national history, Petrozavodsk state University, Institute of history, political and social Sciences; e-mail: elena-dianowa@yandex.ru

Fernandez-Eres Anna Pavlovna, Russian state archive of phonodocuments, leading specialist; e-mail: annafernandes@yandex.ru

Ispovednikov Dmitriy Yur'yevich, Candidate of Historical sciences, Chief Specialist of the Russian State Military Archive (Moscow); e-mail: mitispo@gmail.com

Levashko Vadim Olegovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History, Pushkin Leningrad State University; e-mail: v.levashko@lengu.ru

Mel'nikova Darya Andreyevna, Postgraduate of the Department of Russian History, Pushkin Leningrad State University; e-mail: 31020307d@gmail.com

Tregubova Marina Sergeevna, Master of History, Volgograd State University Publishing House; e-mail: marina_tregubova@mail.ru

Tsidenkov Grigori Gennadyevich, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Management, Service Technologies and Economic Education, Samara State Socio-Pedagogical University, Samara (Russia); e-mail: gcidenkov@yandex.ru

Veremenko Valentina Aleksandrovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History of Russia, Pushkin Leningrad State University; e-mail: v.a.veremenko@ya.ru

Vititneva Elena Vladislavovna, Postgraduate Student, Assistant, Humanitarian Institute, Department of Russian History, Siberian Federal University; e-mail: vititneva.elena@gmail.com

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования Ленинградской области
«ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А.С. ПУШКИНА»

приглашает Вас к сотрудничеству в **новом научном журнале**

«ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ»

История повседневности стала в последние годы одним из ведущих направлений изучения отечественного и зарубежного прошлого. Актуальность данного направления определяется, во-первых, междисциплинарным подходом к анализу исторических проблем, что находит свое проявление в широком использовании методов этнологии и антропологии, демографии и политологии, экономики, психологии и филологии. Во-вторых, актуальность истории повседневности обусловлена особым вниманием к человеку, его обыденным проявлениям во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах, что способствует преодолению схематизма и упрощения в процессе познания истории.

К публикации в научном журнале «**История повседневности**» принимаются оригинальные (ранее не публиковавшиеся) научные статьи, отражающие широкий спектр актуальных вопросов данного направления исторической науки:

- теория и методология истории повседневности;
- историография и источники по истории повседневности;
- событийная область публичной повседневной жизни отдельных людей и социальных групп;
- производственный быт и повседневность труда;
- экономическая повседневность в условиях мирного и военного времени;
- экстремальная, военная, революционная повседневность;
- аномальная повседневность;
- праздничная повседневность;
- влияние государственной политики на повседневную жизнь людей;
- международные отношения и их влияние на повседневную жизнь населения той или иной страны;
- общественное сознание и повседневная жизнь;
- эмоциональная сторона событий и явлений, переживание обыденных фактов и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей;
- обстоятельства частной, личной домашней жизни, быт в самом широком смысле;
- гендерная история, история семьи и детства;
- этно-конфессиональный аспект истории повседневности;
- проблемы макро- и микро- истории.

На страницах научного издания (журнала) найдут свое место также информация о конференциях и других научных мероприятиях, затрагивающих проблемы повседневности и проходящих в разных регионах нашей страны и мира, комментированные публикации источников, рецензии и отзывы. Мы рассчитываем, что данный журнал станет посредником и организатором многочисленных научных дискуссий, объединив тех, кто активно занимается или только приступает к освоению проблем истории повседневности.

Редакция журнала принимает к рассмотрению рукописи на русском или английском языках **объемом от 0,5 до 1,0** печатного листа (электронная версия обязательна). С текстом статьи необходимо предоставлять один экземпляр внешнего отзыва, заверенного печатью организации, дающей отзыв.

Издание осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

Правила оформления материалов:

НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ в статье должны быть указаны **УДК**, название статьи, аннотация (800–1000 знаков), ключевые слова (10–12 слов), ФИО авторов (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы или учебы, должность или курс (кафедра, институт, университет), страна, город, адрес служебный/домашний, телефон служебный/домашний, адрес электронной почты.

Компьютерный текст должен быть набран 14 кеглем в редакторе WORD; параметры страницы (поля) 2,0 см; абзац – 1,25; интервал – полуторный; шрифт – Times New Roman; сноски оформляются в квадратных скобках [1], при необходимости с указанием страниц [1, с. 21], архивных документов – с указанием листов [2. Л. 3].

Список литературы приводится 14 кеглем в конце статьи **по порядку упоминания в тексте**.

В списке источников и литературы должно быть указано не менее 10 наименований.

В ссылках на книги обязательно указываются издательство и количество страниц, в ссылках на журналы – страницы на которых расположена статья, в ссылках на Интернет ресурсы – дата обращения.

См. образцы:

1. Драке Л.Л. Кадетский быт 50-х годов (отрывочные воспоминания). – СПб.: В. Березовский, 1911. – 32 с.

2. Мельцин М.О. От дворянского происхождения к судьбе советского интеллигента: жизнь и творчество В.Н. Долгорукова (Владимирова) // Новейшая история России. – 2013. – № 3(08). – С. 174–186.

3. Лобанов В. В. Роль труда в опытах физического воспитания В.С. Пирусского // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. – 2013. – № 9(137). – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-truda-v-opytah-fizicheskogo-vozpitaniya-v-s-piruskogo> (дата обращения: 01.12.2015).

4. Институт русской литературы Российской академии наук (ИРЛИ РАН). (Пушкинский дом). Ф. 15 – Ольги Георгиевны Базанкур. Д. 1.

В конце текста должен быть представлен транслитерированный (в латинице) и переведенный на английский язык библиографический список. Транслитерация должна осуществляться автоматически (можно воспользоваться ссылкой <http://ru.translit.net/?account=bsi>).

Порядок написания: **Авторы** (транслитерация); **название статьи** (транслитерация); [**перевод названия статьи на английский язык** в квадратных скобках]; **название русскоязычного источника** (транслитерация); [**перевод названия источника на английский язык**]; **выходные данные** с обозначениями на английском языке (город, издательство); **цифровые данные** (год, страницы).

Пример:

References

1. *Drake L.L. Kadetskii byt 50-kh godov (otryvochnye vospominaniya)* [Cadet Life 50s (fragmentary memories)]. St. Petersburg: V. Berezovskii, 1911. – 32 p.

2. *Mel'tsin M.O. Ot dvoryanskogo proiskhozhdeniya k sud'be sovetskogo intelligenta: zhizn' i tvorchestvo V.N. Dolgorukova (Vladimirova)* [Of noble origin to the fate of the Soviet intelligentsia: the life and work of VN Dolgorukov (Vladimirov)] // *Noveishaya istoriya Rossii* [The modern history of Russia]. – 2013. – № 3(08). – P. 174–186.

Полнотекстовые версии журнала размещаются на сайтах Научной электронной библиотеки и Киберленинки, включены в национальную информационно-аналитическую систему **РИНЦ** (Российский индекс научного цитирования).

Статьи, оформленные в соответствии с указанными требованиями, можно отправить по электронной почте – **E-mail: v.a.veremenko@ya.ru**

Для заметок

Научный журнал

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

№ 2 (10)

На обложке размещена репродукция картины
Константина Стерхова «Туман рассеивается», 2013 г.

Редактор *Л. М. Григорьева*
Технический редактор *Н. П. Никитина*
Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 20.06.2019. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура Agial. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 9,5. Тираж 500 экз. Заказ № 1565

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10